

АЛЕКСАНДР ГРОМОВ

ВЫЧИСЛИТЕЛЬ

ТРИЛОГИЯ

Александр Николаевич Громов
Вычислитель (сборник)
Серия «Абсолютное оружие»
Серия «Галактическая империя»
Серия «Вычислитель»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24157494

*Вычислитель ; Язычник ; Орбита для одного : [трилогия] / Александр
Громов: Издательство «Э»; Москва; 2017
ISBN 978-5-699-97176-3*

Аннотация

Впервые трилогия о «Вычислителе» под одной обложкой!

Далекое будущее. Планета изгнанников, почти полностью покрытая водой...

Десять заключенных, приговоренных к высылке, пробираются к легендарным Счастливым Островам, где можно прожить, не опасаясь ни полиции, ни кровожадных тварей-«язычников». С самого начала изгнанники делятся на два отряда. Первый возглавляет матерый уголовник Юст Ван Борг. Второй – Эрвин Канн, человек, известный всей Галактике как Вычислитель...

В 2014 году по роману «Вычислитель» был снят одноименный фильм. В главных ролях Аня Чиповская и Евгений Миронов.

Содержание

Вычислитель	5
Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	33
Глава 4	51
Глава 5	68
Глава 6	84
Глава 7	102
Глава 8	121
Глава 9	138
Глава 10	152
Глава 11	163
Глава 12	173
Язычник	186
Глава 1	186
Глава 2	202
Глава 3	219
Глава 4	229
Глава 5	241
Конец ознакомительного фрагмента.	253

Александр Николаевич Громов Вычислитель

© Громов А.Н., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Вычислитель

Глава 1

Изгнанники

Если бы кому-нибудь взбрело на ум отведать здешней воды, он несомненно нашел бы, что она горька, имеет внятный тухлый привкус и вдобавок заметно солоновата – не настолько, чтобы ее совсем нельзя было пить, однако вполне достаточно, чтобы напрочь отбить такое желание у любого, кто не издыхает от жажды.

И вид воды тоже не радовал глаз. Вдавлив кружку или котелок в упругий ковер из переплетенных растений, жаждущий мог нацедить порцию бурой от торфяной взвеси жижицы, часто с маслянистой пленкой на поверхности и всегда с полчищами суесящихся крошечных организмов, совершенно безвредных, но вызывающих омерзение даже у не слишком брезгливого человека.

Бредущий по болоту не умер бы от жажды, не имея при себе опреснителя или фильтра с ионообменником, совсем нет. Более того, потребление солоноватой воды не грозило его здоровью по меньшей мере в течение нескольких недель, а что до неприятных ощущений, то это, как водится, дело су-

губо личное и мало кому интересное. Равным образом никого и никогда не интересовало, грозило ли бы обезвоживание организма тому, кто проведет на болоте свыше нескольких недель. Не интересовало просто потому, что прожить на болоте столь долго – уже из разряда невероятных чудес, требующих столь же невероятного везения, и вода тут совершенно ни при чем.

Легенды были, да. Но не статистика. Ни на Хляби, ни на любой другой планете, освоенной людьми, статистика не оперирует категориями невероятного.

Большой автобус без окон, со значком департамента юстиции на борту низко протянул над плоским берегом, погасил скорость возле вышки энергоизлучателя, убрал антиграв и с коротким скрежетом опустился на щебнистую почву. Судя по скучной невыразительности подлета и посадки, управлялся он киберпилотом, давным-давно нащупавшим оптимальную последовательность маневров на данном маршруте и не склонным экспериментировать. Чмокнув, лопнула дверная мембрана. Подобно дразнящему языку выдвинулся и лег на щебень трап.

Те, кто вышел из автобуса, четко делились на две категории: люди с оружием и невооруженные. Последние были скованы между собой наручниками в длинную цепочку. Их было десять: семеро мужчин и три женщины, одетых в тюремную униформу – тяжелые башмаки, черные обтягивающие штаны, мешающие чересчур быстрой ходьбе, не говоря

уже о беге, черные тюремные робы с большим белым кругом на спине, светящимся и в темноте, однако же не настолько ярко, чтобы помешать прицеливанию.

Одна из женщин всхлипывала. Мужчины угрюмо молчали. Кружилась и лезла в глаза мошकारа.

По знаку старшего в команде, немолодого плотного служаки со скромными нашивками лейтенанта и лицом кирпичного цвета, конвойные рассыпались цепью и взяли оружие на изготовку. Пусть у осужденных нет ни малейшего шанса избежать наказания, в деле исполнения приговора случается всякое. Кто-то может вообразить, что умереть, попытавшись убить другого, – легче.

Первым от человечьей гирлянды отцепили ничем не примечательного мужчину лет тридцати пяти. Подтолкнув в спину – мимо вышки, к болоту, начинавшемуся шагах в ста, – сообщили сиплой скороговоркой:

– Туда. Пройти двадцать шагов, повернуться, ждать. Марш.

Мужчина потер запястье. Оглянулся через плечо.

– Кордонный невод снят?

– Специально для тебя оставили, – ухмыльнулись сзади. – Пошел, умник. Других задерживаешь.

Мужчина сделал шаг. На втором шаге он по-футбольному пнул носком ботинка кучку мелкого щебня – веером брызнули камешки. В трех шагах впереди они наткнулись на что-то невидимое, взвизгнули и повисли серым облачком. На зем-

лю посыпался песок.

– А я думал, что на Хляби смертной казни не существует, – кротко произнес мужчина. – Я ошибался?

– На вышке! – гаркнул служака, задрав к небу кирпичное лицо. Наверху показалось другое лицо, не кирпичное, заспанное. – Спишь? Гауптвахты захотел? Почему не снял кордон?

– Виноват, – отчаянно пискнули сверху. – Э... на болоте замечено движение, господин лейтенант.

– Врешь, как всегда. – Кирпичный служака презрительно сплюнул под ноги. – А хоть бы и так – что мне твое движение? Живо снимай кордон. Жду три секунды, о четвертой пожалеешь.

– Готово, господин лейтенант.

– Отставить словоблудие! Как положено рапортовать?

– Кордонный невод снят, господин лейтенант.

Несколько мгновений служака зло сопел, в то время как отделенный от гирлянды мужчина смотрел на него с ироническим сочувствием. Затем осужденный получил тычок промеж лопаток и разом проскочил место, где еще висела пыль от камешков. Из того, что он остался цел, а не был расчленен на тысячу-другую кусочков, можно было заключить, что теперь кордон и вправду временно отключен.

Только для пропуска приговоренных.

– Двадцать шагов вперед. Повернуться, ждать.

Мужчина послушно выполнил требуемое.

Следующей отцепили полную низенькую женщину средних лет. Получив ту же команду, Кубышечка завертела головой на короткой шеенке, как бы что-то высматривая, и, видно, не высмотрела, поскольку, округлив и без того круглые от природы глаза, спросила кирпичнолицего:

– А... где космодром?

Лейтенант сделал ленивое движение, отчего голова женщины мигом втянулась в плечи.

– Марш.

– Меня ведь... к изгнанию, – плаксиво проговорила Кубышечка, пятясь от кирпичнолицего мелкими шажками. – К изгнанию только... – Она всхлипнула, готовая разрыдаться. – Я ведь не здешняя, я туристка, меня вообще по ошибке... Я думала... космодром...

Еще одно ленивое, но со значением движение лейтенанта – и она пошла, семеня коротенькими тумбами ног, часто оглядываясь через плечо с ужасом и надеждой.

С остальными проблем не возникло. С каждым раскормленным укорачивалась человеческая цепочка. Каждый получал и безропотно исполнял однообразную команду: пройти двадцать шагов за кордон, повернуться, ждать. Последний, крупный мужчина со стрижкой ежиком, демонстративно сплюнул лейтенанту на ботинок и, против ожидания, не получил в ответ ни порции брани, ни тычка стволом лучемета под ребра. Кирпичнолицый лейтенант, сам чем-то похожий на этого осужденного, лишь благодушно ухмыльнулся:

– Полегчало, Юст? Ну иди, иди, не задерживай людей.

Теперь цепочка выстроилась вновь – в двадцати шагах за незримым барьером, в ста шагах от нечеткой береговой линии. Двое солдат с некоторым усилием выволокли из автобуса большой металлический ящик и, занеся его за барьер, поспешно отступили назад. Глядя вверх, лейтенант буркнул: «Давай», – и лишь через несколько секунд, когда голос солдата с вышки доложил о восстановлении кордонного невода, лениво наклонился, стер пучком жесткой травы плевок с носка ботинка и небрежным движением швырнул пучок перед собой. Чуть дохнувший ветерок подхватил и понес травяную крошку.

– Так, – негромко произнес тот, кого расковали первым. – Отрезано.

Вряд ли лейтенант его слышал. А если и имел тонкий слух, то обратил на слова осужденного еще меньше внимания, чем на едва слышное гудение кордонного невода.

Оставалось покончить с последней рутинной процедурой.

– Канн Эрвин, – на одном выдохе проорал он в жестяной рупор, – Отлок Мария, Хольмер Джоб, Касада Хайме, Вейденрих Матиас, Дашиева Лейла, Обермайер Ян, Бузенко Валентин, Шульц Анна-Кристина, ван Борг Юст! – Он перевел дух и продолжал: – Именем народа и правительства Хляби за совершенные вами преступления вы приговорены судом к высшей мере наказания, существующей на нашей планете: изгнанию. Приговор вступает в силу в данную минуту.

Кубышечка охнула. Остальные молчали. У одного из осужденных по лицу пробежала короткая судорога. Лейтенант энергично прочистил горло, сплюнул и заговорил вновь:

– Ящик – ваш. Хотя, по мне, нет смысла на вас тратить, но по закону изгнанники должны быть обеспечены необходимым минимумом пищи и снаряжения. У вас десять часов на то, чтобы убраться с материка. Тот, кто останется на берегу свыше этого времени, будет сожжен. За полчаса до срока дадим сирену. Счастливые острова строго на восток, порядка трехсот километров через Саргассово болото. Удачи я вам не желаю. – Он повернулся и зашагал к автобусу.

– Подождите! – с привизгом закричала Кубышечка. – Почему здесь? Изгнание – это же с планеты! Я... я требую доставить меня на космодром!

Лейтенант не обратил на нее никакого внимания. Конвойные солдаты, переставшие держать приговоренных под прицелом после включения кордона, заухмылялись.

– На Хляби власти удовлетворяются изгнанием опасных преступников из социума, – пояснил первый раскованный, – это дешевле и эффективнее.

– Но я должна улететь отсюда!

– Попытайся, – мужчина пожал плечами, – если умеешь летать. Кстати, – обратился он ко всем, – нам надо познакомиться. Фамилии и прегрешения перед законом предлагаю опускать. Я Эрвин. Ты, – он скосил глаз в сторону Кубышеч-

ки, – Мария. Кто еще хочет назвать себя?

– Завянь, мальчик, – с величавой ленцой проговорил тот, кого расковали последним. – Я – Юст. Кто-нибудь тут меня не знает?

– Юст ван Борг, более известный как Полярный Волк. – Эрвин кивнул, и легкий шорох прошел среди приговоренных. – Как же, слышали. Но я думал, тебя убили, когда брали Пантеру Хабиба.

– Заткни пасть, я сказал. Будешь говорить, когда я разрешу. Твое имя, шкет? – Палец с палладиевым кольцом, украшенным геммой с изображением оскаленной волчьей морды анфас, указал на вертлявого парнишку лет семнадцати.

– Хайме, – с готовностью ответил тот. – Э... Хайме Касада из братства Савла. Счастлив встретиться, Волк!

– Зато я не очень счастлив, – покривил губы Юст, глядя на парнишку насмешливо. – Прежде в братстве Савла таких сопляков не водилось. За что схлопотал вышку?

– За мокрое дело, Волк... Случайное.

– Ну и сдохнешь теперь. Ты? – Палец с кольцом ткнулся в грудь молодого мужчины, низенького и пухлого. Тот вздохнул.

– Валентин Бузенко. Обвинен в шпионаже в пользу Земли... и Лиги. Ложно обвинен.

– И Земли, и Лиги? Важная фигура... – Полярный Волк комически искривил углы рта. – Тоже сдохнешь.

Как бы в ответ на его слова болото всхлипнуло. Шагах

в двухстах от берега вырос бурый горб, по всколыхнувшейся поверхности болота побежали прочь от него кольцевые неспешные волны. Истошно завизжала Кубышечка. Прорвавшись на вершине, горб осел, зато из разрыва взметнулся в серое небо длинный лиловый язык или, может быть, щупальце – покачался туда-сюда, затем одним быстрым движением обшарил пространство шагов на пятьдесят вокруг себя и с сочным хлюпаньем уполз обратно. Болото успокоилось. Видно было, как понемногу затягивается дыра в растительном ковре.

– Язычник, – пояснил Эрвин.

– Что? Кто? – Истратив на визг запас воздуха, Кубышечка поперхнулась, со всхлипом вдохнула и закашлялась, давась мошкаррой.

– Язычник. Так зовут эту тварь. Языкастая потому что. Что-то близко от берега. Пари держу, там яма.

– Много их тут? – нервно спросил мужчина лет пятидесяти с внешностью клерка, утирая рукавом залысый череп.

– Хватает. Этот еще маленький.

– Как же мы дойдем до этих... как он назвал? До Счастливых островов?

– Никак, – мрачно отозвался чернявый живчик помоложе. – Передохнем по пути. Да и нет никаких Счастливых островов, сказки это.

– Кажется, я велел всем назваться, – негромко обронил Юст.

– Не ты, а он. – Рыжеволосая девушка указала на Эрвина. – Только не велел, а предложил. – Демонстративно повернувшись к Эрвину, она назвала себя: – Анна-Кристина.

– Я буду звать тебя Кристи, – сказал Эрвин.

– Это имеет значение?

– Так короче. На болоте все имеет значение, в особенности лишние четверть секунды.

– Закрой хайло, ты, ублюдок! – Не сводя с Эрвина пристального взгляда, Юст подался вперед. – Будешь делать то, что я скажу, иначе... – Движение желваков должно было показать строптивцу, как с ним может быть «иначе». – Уразумел или помочь?

– Помочь. – Эрвин ухмыльнулся.

Угрожающе оскалившись, Юст двинулся к нему. Волк волком. Шевельнулся и Хайме – с явным намерением зайти со спины. Кое-кто отшагнул назад, не желая вмешиваться.

– Между прочим, – вразумляюще сказал Эрвин, – разборки среди осужденных квалифицируются как попытка помешать исполнению приговора суда. Во всяком случае, до тех пор, пока мы маячим в пределах прямой видимости. Солдаты обязаны вмешаться. Хочешь получить в задницу снотворную капсулу, Юст? Можешь поспать, впереди у тебя еще почти десять часов...

– А потом тебя поджарят, – плотоядно улыбнулась Кристина, мотнув рыжей прядью. – Будет жареная волчатина. А из этого гаденыша, – указала она на Хайме, – жареная кры-

сятина.

Юст Полярный Волк подвигал желваками, но ничего не сказал и отступил на шаг. Конвойные солдаты удобно расположились на граните, с ленивым любопытством наблюдая за приговоренными. Некоторые поднялись на наблюдательную площадку вышки.

– Сейчас для них начнется самое интересное, – вполголоса буркнул Эрвин.

– А что? – спросила Кристина.

– Будем делить снаряжение.

Круто повернувшись, Эрвин направился к металлическому ящику. Было ясно видно, что свою долю он не уступит никому, даже Юсту, и лишь во избежание свары хочет оказаться у ящика первым.

Глава 2

Берег

Избежать свары все-таки не удалось. До поножовщины не дошло, и то ладно. Хотя среди того, чем департамент юстиции пожелал снабдить осужденных, ножи как раз имелись – десять дешевых изделий охотничьего образца в ножнах со шнурками для ношения на шее. Кроме того, ящик скрывал в себе десять легких рюкзачков, трехдневный запас пищевых брикетов в расчете на десятерых, стометровый моток прочной веревки, два топорика на пластмассовых рукоятях, десять пластмассовых же мисок, десять «вечных» зажигалок, два фонарика и компас.

Один захваченный нож Эрвин тут же сунул Кристине, другим взрезал штаны по швам на внутренней стороне бедер. Когда он покончил с этим делом, к ящику было уже не протолкаться: каждый спешил урвать как можно больше. Семь человек сопели, ругались, визжали, пытались отшвырнуть друг друга. Восьмой, громадный костлявый старик с пышной седой гривой, стоял в сторонке, глядя на копошащуюся человеческую кучу со снисходительным сочувствием.

– А ты, дед, что же? – спросил его Эрвин.

– Сильные отнимут у слабых, – отозвался тот густым звучным голосом. – Затем сильнее отнимут у сильных. Так хочет Господь, так тому и быть вовеки.

Эрвин улыбнулся углом рта.

– Где-то я это уже слышал. Не в церкви ли Господа Вездесущего? Миссионер с Осанны, надо полагать? За проповеди и загремел, паства заложила? Что ж не продолжаешь? Насчет того, что впоследствии хитрейшие отнимут у сильнейших, и это также угодно Богу?

– Господь Вездесущий пребывает повсюду, – был ответ. – Нет в мире ни былинки, ни частицы вне Господа нашего, ни толики малой. Ни мысли, ни поступка, ни шевеления бесцельного, ни дрожи на холоде, ни пота в жару. Бог в каждом человеке во веки веков, аминь.

– И поэтому любой поступок человека угоден Богу, следовательно, оправдан? – с иронией спросил Эрвин.

Глаза старца гневно вспыхнули.

– Богомерзкая ересь сочится из уст твоих! Любой поступок человека и есть поступок Бога!

– В том числе приговор суда?

– Господь посылает мне испытание, – с неколебимой твердостью отвечал старик. – Он же пошлет мне спасение ради несения света истины заблудшим душам, погрязшим в неверии и ереси!

– Ты Ян Обермайер по кличке Скелет, – сказал Эрвин. – Я слышал о тебе. Зря ты заявился на Хлябь, у нас твоя секта под запретом. Или не знал?

– Господь знает, куда посылать своих чад. – Старик величаво отвернулся и стал смотреть на болото.

Тем временем схватка за снаряжение подошла к закономерному концу. Над металлическим ящиком, ухмыляясь, возвышался Юст Полярный Волк, и топорик в его руке грозил всякому, кто дерзнет приблизиться. Ближе других к Волку и тоже демонстрируя неудачникам глумливую ухмылку, замер в хищной позе Хайме Касада. Совершать без приказа пахана лишние движения он не дерзал, ограничившись перебрасыванием ножа из руки в руку – небрежно и не глядя.

Продолжала всхлипывать Кубышечка.

– Зря, Юст, – сказал Эрвин. – Тебе такой вес по болоту не снести, да и ему, – лезвием ножа он указал на Хайме, – тоже.

Юст будто не слышал его. И демонстративно не замечал.

– Вы! – выдохнул он, обращаясь к остальным, и начал цедить медленные слова – словно тянучку жевал: – В первый раз вижу столько слабаков. Саргассово болото сожрет вас в один прием и не заметит. Поэтому тот, кто хочет живым добраться до Счастливых островов, будет слушать меня. Я знаю, как вести себя на болоте, а вы нет. Поняли? Беспрекословно выполнять все, что я скажу. Тогда, может быть, вы останетесь живы. Кто не хочет, пусть убирается. Есть такие?

– Я желаю убираться, – сказал Эрвин. – И она. – Он указал на Кристину и на этот раз заслужил беглый взгляд Полярного Волка.

– Разве я против? Убирайтесь.

– Сперва мы получим свою долю.

– Ну так иди и возьми! – ухмыльнулся Юст.

Эрвин успел сделать лишь один шаг, прежде чем на него кинулся уловивший движение брови Юста Хайме. Легко уклонившись от ножа, Эрвин ударил мальчишку по шее и не дал ему разбить голову о гранит. Со стороны это выглядело так, будто один споткнулся, а другой неловко поддержал его. Хайме взвыл, когда чужая ступня притиснула его запястье к гранитному щебню, но ножа не выпустил. Голос Эрвина остался ровным:

– Не лучше ли тебе поделиться с нами, Юст?

Одно мгновение Полярный Волк колебался – метнуть в Эрвина топорик или уступить? По всему было видно, что он не из тех, кто уступает. Но видно было и то, что он оценил квалификацию невзрачного с виду противника: не диво сбить с ног сопляка, труднее догадаться раньше дележа взрезать швы на обтягивающих тюремных штанах, что сковыдают движения не хуже кандалов. Он, Юст, не догадался... Вдобавок еще двое – чернявый живчик и смуглокожая женщина – отделились от кучки осужденных, легонько наметив заход с тыла.

– Мы тоже хотим получить свое, Волк.

Теперь Юст заговорил без ухмылки:

– Хотите сдохнуть в болоте – дело ваше. Группа может прийти, одиночка – нет.

– Нас двое, – возразил Эрвин, указав на Кристину. – Мы хотим попробовать.

Юст не удостоил его ответом. Хайме дернулся, пытаясь

высвободиться, и снова взвыл.

– Мы тоже, – сказал живчик. – Только мы никуда не пойдем, верно, Лейла? Надо быть идиотами, чтобы верить в Счастливые острова.

– Не понимаю, с какой стати нам делиться с самоубийцами? – Юст смачно сплюнул, но наклонился к ящику. Шесть запакowanych в пластик пищевых брикетов полетели в сторону одной пары – шесть в сторону другой. – Подавитесь. Болотные твари жирнее будут.

– Это не все, Юст.

Стуча по камням, к ногам Эрвина покати́лась зажигалка.

– Вторая.

Снова стук по камням.

– Замечательно, Юст. Я бы назначил тебя старшим по блоку. Теперь два рюкза́чка, две миски и нашу долю веревки. Кристи, подбери.

На глаз в отрезанном Юстом куске веревки было от силы пятнадцать метров вместо двадцати, но Эрвин не стал спорить.

– Теперь топорик.

– Подавишься.

– Зря, Юст. Заметь, я не требую ни компаса, ни фонарика. Только топорик, и то всего на один час. Потом ты получишь его обратно.

– Я сказал, подавишься!

– Мне кажется, ты боишься. – Эрвин обаятельно улыбнулся.

ся. – Всего на один час, Юст. Обещаю.

– Лови!

Умышленный недолет, топорик зазвенел по камням. Прежде чем Хайме успел схватить его и рубануть Эрвина по ноге, оружием завладела Кристи. Юст уже держал наготове второй топорик, но метнуть все же не рискнул.

– Ты добрый человек, Юст...

Лицо Полярного Волка искривила короткая судорога.

– Попадешься ты мне на болоте... Убирайся!

– Сей момент уберусь, – сказал Эрвин, улыбаясь. – Но видишь ли, мне нужно еще кое-что. Этот ящик. Понятно, когда он опустеет.

Кажется, ему все же удалось привести Полярного Волка в некоторое замешательство.

– На кой он тебе, умник?

– Он большой и без дыр. Когда вспотею, нацежу воды и приму ванну.

Юст колебался. Кое-кто хлопал глазами.

– Купи.

Эрвин показал издали три пищевых брикета.

– Мало. – Губы Полярного Волка тронула усмешка. – Гони все шесть.

– Согласна? – Эрвин посмотрел на Кристи.

– Нет.

– Да, – сказал Эрвин. – Да.

Огромное кирпично-красное солнце, изнемогая, валилось куда-то за плоский берег, за единственный на планете Хлябь материк по имени Материк, за низкий кусок суши с заболоченным шельфом посреди чуть солоноватого океана. Две луны – одна маленькая, серпиком, другая большая и почти полная – висели в потемневшем небе. Мошкары стало больше. В воздухе посвежело. Ветер дул с берега на болото, унося миазмы.

Болото дышало приливами и отливами. Сейчас был отлив. На обнажившейся литорали грудками лежали водоросли, живые и разлагающиеся. Некоторые лениво шевелились. Мелкие существа сустились в них – не то рачки, не то насекомые. Во множестве появились крылатые твари. Они пикировали и жировали. Жизнь поедала жизнь, хищная плоть проедала себе дорогу в иной плоти, менее хищной.

– Ты уверен, что сделал правильно? – спросила Кристина.

– Ты о еде? – Эрвин повернул голову. – Абсолютно правильно. Лучше сразу перейти на местную пищу, да и груза меньше. Эти брикеты больше чем на неделю не растянешь, а нам в лучшем случае идти недели три. Что с брикетами, что без – шансы равны.

– Ну ладно, компас не нужен, пойдем по солнцу и лунам... А почему ты не выторговал фонарик?

– Компас не нужен еще и потому, что он в этих местах врет. А фонарик – зачем таскать лишнее? Ночи здесь светлые. Кроме того, свет привлекает змей.

– Откуда здесь змеи? – Кристину передернуло.

– Моллюски, – пояснил Эрвин. – Беспозвоночные, вроде голых слизней, только здоровенные и чертовски проворные. Кстати, отнюдь не вегетарианцы. На болоте много всякого зверья... Ты плети, плети! Думаешь, по одной паре мокроступов нам хватит?

– Пальцы устали. – Кристина виновато улыбнулась, помахав кистью.

– Отдохни и продолжай. Вон те кустики на болоте видишь? На них не надейся: прутьи ломкие, плести их невозможно. А дальше и кустов не будет. Пока мы здесь, глупо не попользоваться местными ресурсами.

– Сколько еще? – спросила Кристи.

– Чего сколько?

– Сколько осталось до срока?

– Три часа десять минут. Плюс-минус три минуты.

– Откуда ты можешь знать так точно?

– У меня вообще хорошее чувство времени, – пояснил Эрвин. – Мы успеваем. Осталось сделать не так уж много.

– Например, придумать, чем крепить эти плетенки к ногам...

– Разрежь на полосы один рюкзачок.

В двухстах шагах от них все так же лежал на брюхе тю-

ремный автобус со значком департамента юстиции на борту. Солдатам давно уже надоело торчать возле невидимого кордона, лишь наблюдатель на вышке, изредка окидывая равнодушным взглядом опостылевшее болото, проявлял какой-то интерес к происходящему на берегу.

Некогда на краю мыса, уступом выдающегося в болото и отсеченного кордоном от материка, росла рощица. Тощие хлыстоватые стволы, сумевшие зацепиться корнями за гранит, служили осужденным на протяжении многих десятилетий, пока роща не расточилась по деревцу, по шесту, по гибкому пруту с верхушки. Разве что совсем глупый не понимал: без оснастки, хотя бы и примитивной, на болото лучше не соваться, ступишь в невидимое «окно» – и нет глупого.

Теперь от рощицы осталось немного. Несколько десятков обреченных топором деревцев из тех, что потолще или потоньше, чем желательно, или вовсе кривых, еще росли в окружении частокола пеньков, покорно дожидаясь своего часа. Большинство пеньков давно почернело от старости, но некоторые выглядели свежими.

Кремнистая древесина сопротивлялась топору со всей яростью: не час, а целых три часа понадобилось Эрвину, чтобы вырубить два кривоватых шеста – себе и Кристине. После этого он в самом деле отдал затупившийся топорик белому от бешенства Юсту.

– Не завидую тем, кого приведут сюда через год, – заметил

он, указав на жалкие остатки рощицы.

Осужденные широко разбрелись по берегу. Хныкала Мария-Кубышечка, бесполезно тюкая топориком в неподатливый ствол. Юст командовал. Старик Обермайер бесстрастно подгонял лямки рюкзака. Мрачный Хайме и мужчина лет пятидесяти с внешностью клерка, отзывающийся на имя Джоб, занимались тем же, чем Эрвин: строгают корявые шесты, снимая кору и колючки. Пухлый Валентин озабоченно ходил по болоту в десяти шагах от берега, пробуя, как держит болотный ковер. Без дела сидели, пожалуй, только чернявый живчик по имени Матиас со смуглокожей Лейлой.

– Спорим, он сутенер? – шепотом сказала Кристина, плетя шестой мокроступ.

– Тут и спорить нечего, сам вижу. Дело знакомое: одалиска не рассчитала дозу, клиент не проснулся, версия непредумышленного убийства суд не убедила. Хотя... по нынешним временам их могли взять и не за это.

– Они что, так и будут сидеть тут и ждать луча?

– Ты когда-нибудь слыхала о сутенере-самоубийце?... Нет? Вот и я тоже. Он хочет затаиться и выждать. Может, и в болото пойдет для виду, но обязательно вернется. Воображает, будто кордон завтра снимут. А невод, между прочим, расходует энергию, только когда кого-нибудь режет, – но откуда об этом знать сутенеру?

– От тебя.

Эрвин усмехнулся.

– Он не поверит. Да и кто он мне такой, чтобы его просвещать: отец? брат?

– Человек, – с вызовом сказала Кристи.

– Просто дурак, вообразивший, что он умнее всех. У меня нет времени уговаривать слабоумных.

– А если они обойдут кордон краем болота?

– Их дело. Кордон режет мыс и тянется вдоль самого берега километров на двести-триста в обе стороны. Дальше тоже немногим лучше: следящие датчики, патрули. Проще пойти к Счастливым островам. У берега меньше язычников, зато больше всякого иного зверья. Пойдут эти двое берегом или останутся здесь – в любом случае шансов у них нет.

– А у нас? – ядовито спросила Кристи. – У нас они есть?

– У нас есть шанс, – сказал Эрвин. – Один из тысячи или из миллиона, не знаю. Но есть.

– Ты слышал, что сказал сутенер? – Кристина резко дернула щекой, отчего рыжая прядь упала на глаза. – Нет никаких Счастливых островов, это легенда.

Эрвин размеренно строгал ствол деревца, срезая по одной неподатливые колючки.

– Это не легенда, – сказал он наконец. – Счастливые острова существуют. Понятия не имею, насколько они счастливые, но там их целый архипелаг, это я знал и раньше. А семь часов назад узнал, что до них в принципе можно дойти.

– Как это?

– Я думал, ты заметила, – усмехнулся Эрвин. – Я был

крайним в цепочке, меня расковали первым. Случайность? Допустим. Солдат не снял кордонный невод. Тоже случайность? Если бы здесь и впрямь царило такое разгильдяйство, осужденные бежали бы пачками. Однако никто и никогда не слышал об удачном побеге. Следовательно, меня хотели уничтожить наверняка, списав на несчастный случай. А зачем уничтожать того, кого, по идее, и так убьет болото?

– Ты уверен? – В голосе Кристи насмешка боролась с надеждой. – Не слишком ли сложно?

– Наоборот, очень просто. Взгляни, кстати, на вышку. Куда нацелен лучемер – все еще на меня?

– Точно.

– Я и не сомневался. Значит, нам надо убратсья с берега раньше других. Я не хочу никаких случайностей.

Кристина всматривалась в него долго, с новым интересом.

– Ты что, большая шишка? В смысле, был большой шишкой?

Ответа не последовало: уколотившись о колючку, Эрвин сосал палец.

– Ладно, – вздохнула Кристина. – Твое дело. Захочешь – расскажешь. В конце концов, неважно, кем ты там был, важно, что прежде ты бывал на болоте.

Эрвин вынул палец изо рта и сплюнул.

– С чего ты взяла? Я здесь в первый раз, как и ты.

– Шутишь.

– Нисколько. Так что тебе еще не поздно переменить ре-

шение.

Без всякого сожаления Кристи покачала головой.

– Поздно. Теперь меня Волк не возьмет.

– Возьмет.

– В качестве рабыни? Или наложницы? Каждый день валяться под ним или его прихвостнем в грязи? Делать то, что он велит, и не вякать?

– Как хочешь. Учти, со мной тебе тоже придется делать то, что я велю.

– Интересно... С какой это стати?

– С той стати, что я лучше тебя знаю Саргассово болото.

– Ты же никогда здесь не был?

Срезав последнюю колючку, Эрвин придирчиво осмотрел трехметровый кривоватый шест, покачал его в руке, еще раз пробуя на вес, и недовольно поморщился: тяжеловат.

– Быть и знать – разные вещи...

* * *

Примерно за час до срока они сидели на камнях и отдыхали. Кристи разминала натруженные пальцы. Багровое солнце давно кануло за горизонт, зашел и серпик меньшей из лун. Вторая луна – начищенная медная тарелка – упрямо карабкалась в зенит. Третьей не было видно. Фигуры людей, дерева, камни, сторожевая вышка отбрасывали четкие тени.

Неподалеку продолжали суетиться люди Юста. Все спе-

шили. Кто-то спешно доплетал мокроступы. Матиас и Лейла растворились в сумраке. Тюкал топорик – Кубышечка Мария продолжала всхлипывать, не в силах справиться с узловатым, явно непригодным деревом. Никто не пожелал вырубить для нее шест.

– Может, поможешь женщине? – предложила Кристи.

Эрвин отрицательно покачал головой.

– Мне надо отдохнуть...

– Ну тогда я пойду помогу.

– Тебе тоже надо отдохнуть.

– Ты уже начал мне приказывать? – Кристина поднялась на ноги.

– Сядь, – отозвался Эрвин лениво. – Я пока не приказываю, я советую. Избегай бесполезного. Эта женщина, считай, уже мертва. На ее месте я бы не сдвинулся с места. С шестом ли, без шеста ли – она не дойдет и до Гнилой мели. Пользы от нее – ноль. Юст не гонит ее взащей только потому, что надеется подставить... как, впрочем, и остальных. Всех погубит, лишь бы самому дойти. Но ее первую.

– И ты можешь об этом спокойно рассуждать? Ну вот что... – Кристина тряхнула волосами, и цвет их в сиянии медной лунной тарелки напомнил о темной бронзе. – Она пойдет с нами, понятно? Я без нее не пойду, так и знай.

– Тогда я выберу себе кого-нибудь другого, а вам с Марией придется идти вдвоем, – невозмутимо возразил Эрвин. – Мне ее жаль, но помочь ей я не в силах. Предпочитаю, чтобы

в ее смерти был виноват Юст, а не я.

– Знаешь, – Кристина помедлила и все же села, – а ты негодяй.

– Да, мне говорили.

– Почему ты выбрал меня? Тебе нравится рыжий цвет?

– Ненавижу.

– Тогда объясни, на кой черт я тебе сдалась?

– Остальные еще хуже. Притом у тебя ноги кривые.

– У меня-а?!

– Кривые, кривые. Когда человек идет по болоту, он поневоле ставит ноги особым образом. Это отчасти компенсирует кривизну. Я видел, как ты идешь посуху. Душераздирающее зрелище. Хочу, чтобы у меня перед глазами был приятный вид.

Она не задохнулась от злости – сумела смолчать, ничего не выразив на лице. Потом осведомилась с едким сарказмом:

– Стало быть, я пойду первая?

– Да.

– Ты в этом уверен?

– Вполне. Ты пойдешь впереди меня, причем добровольно.

– А если откажусь – пойду одна, так? – Глаза Кристины сузились, лицо окаменело.

– Нет, – возразил Эрвин, – тогда первым пойду я, и я же буду чаще проваливаться, а ты – меня вытаскивать. Я тебе нужен, как и ты мне. Юст сказал истинную правду: один по

болоту далеко не уйдет. Будь я легче, а ты сильнее, я пошел бы впереди.

Кристина помолчала, осмысливая.

– У тебя что, заранее все просчитано?

– Только то, что можно просчитать.

– Ну тогда я спокойна, – сказала она насмешливо.

Эрвин не ответил.

– За что хоть ты сюда попал?

– Тебе это обязательно надо знать?

– Хотелось бы.

– Ни за что. И за все.

– Убил, наверно, кого-нибудь? – понимающе усмехнулась

Кристина.

– Прямо – никого. – Эрвин пожал плечами. – Косвенно – да, безусловно. Так всегда бывает. Только не спрашивай, кого, я не знаю.

– А я убила. – Кристина вызывающе тряхнула копной волос. – Знаешь кого?

– Своего любовника.

– Откуда ты знаешь?

– Нетрудно сообразить. Ты не местная, у тебя акцент уроженки Тверди, прожившей на Хляби несколько месяцев. Следовательно, не туристка. На служащую по контракту не похожа. Стало быть, тебя привез сюда любовник не из бедных, но не миллиардер. Иначе я о тебе слышал бы. Кто он: член городской управы какой-нибудь? Директор фирмы

средней руки?

– Муниципальный инспектор по охране среды, – мрачно сообщила Кристина. – Толстое сопящее дерьмо.

– Дерьмо не сопит.

– Это у вас на Хляби не сопит. А у нас на Тверди есть одно животное...

Она не договорила – в этот момент тянуще завывла сирена.

Глава 3

Девять человек и ящик на веревочке

Оглушительный мерзкий звук ударился о гранит, расплескался по болоту. Кристи подбросило. В голос зарыдала Кубышечка. Ян Обермайер, неустрашимый миссионер церкви Господа Вездесущего, – и тот, вздрогнув, втянул голову в пугающе костлявые плечи. Джоб зажал уши.

Звук оборвался, и тишина оглушила людей. Стало слышно, как тихонько шумит, словно дышит, болото. Что-то поскрипывало и пощелкивало в водорослевом ковре. Начинался прилив.

– Пора, – сказал Эрвин, вставая. – Не забудь свой шест.

Он разделил ножом веревку на две неравные части, конец большего куска обвязал вокруг пояса Кристины, конец меньшего привязал к ручке опустевшего металлического ящика; оба свободных конца обмотал вокруг своего пояса ниже тощего рюкзака и скрепил узлом.

– Ну, двинулись.

Сразу же загрохотало, загремело гулко. Громоздкий легкий ящик изрядно резонировал, скача по камням. Хайме Касада захохотал и выгнулся дугой, изображая приступ буйного веселья. Юст ухмыльнулся и сплюнул вслед:

– Не попадись мне на болоте, умник.

Очень скоро ящик перестал грохотать и зашуршал по во-

дорослям. Ударило в нос зловоние. Гранит полого, незаметно для глаз понижался, и трудно было понять, где же в точности проходит граница Саргассова болота. Поначалу под слоем водорослей, живых и гниющих, еще чувствовалось каменное ложе, и под ногами смачно лопались пупырчатые гроздья соплодий. Потом гранит перестал ощущаться, а еще через несколько десятков шагов ковер растительности начал колыхаться при каждом шаге. Под мокроступами зачавкало.

– Я ноги промочила, – сообщила Кристи. Помедлив, она добавила: – А эта жижица совсем не холодная.

– Мелкое, почти пресное окраинное море, – пояснил Эрвин. – Оно хорошо прогревается. Мелкое-то оно мелкое, но утонуть нам глубины хватит, так что держи шест как полагається.

– Поперек, что ли?

– Вот именно. Если ноги провалятся, постарайся лечь на него животом. Я тебя вытяну.

– Мы будем идти всю ночь?

– Да, если не будет явной опасности.

– А днем мы что будем делать?

– Тоже идти. Чем скорее, тем лучше.

– «Скорее»! Это с ящиком-то на буксире?

– Он не помешает. погоди... Стой, говорю!

– Что случилось? – Кристи остановилась.

– Кажется, кто-то идет за нами...

И верно: ритмичное колыхание болота выдавало бреду-

щего человека надежнее, чем медный лунный свет. Топоча мокроступами, как водоплавающая птица своими перепонками, Эрвин повернулся к берегу. Шест остался в левой руке – правая невзначай легла на рукоять ножа.

– Стой, – скомандовал Эрвин.

Если Лейла и была вооружена, то в глаза это не бросалось. Низкий голос с чувственной хрипотцой произнес:

– Можно мне пойти с вами?

Шеста при ней не было, мокроступов тоже.

– Нет, – отрезал Эрвин.

– Я не стану обузой, обещаю.

– А что же твой... работодатель? Не передумал?

– Матиас? Он остался, прячется. Там щель в граните... маленькая, на одного. Велел мне искать другое место, только нет там никаких других мест, да и ночь светлая – обязательно заметят. Или заложит кто-нибудь из тех... – Лейла кивнула через плечо в сторону берега. – Ну и пусть он сдохнет, если ему хочется, – продолжала она с ожесточением, – а я решила уйти. Так можно мне с вами?

– Я же сказал: нет. Возвращайся, просись к Юсту, он возьмет.

Ни спорить, ни умолять Лейла не стала – ожгла ненавидящим взглядом, круто повернулась, всколыхнув болотный ковер, и зашагала прочь, к берегу.

– У нас есть запасные мокроступы, – тихонько сказала Кристи.

– Которые нужны нам самим, – оборвал Эрвин. – Мы зря теряем время. Вперед.

– Между прочим... ты точно заметил, откуда вылез тот язык? – Кристи завертела головой.

– Не беспокойся, язычника мы оставляем справа. Если только он не переполз... Давай двигай. И в следующий раз выполняй команду сразу, без болтовни. Кстати, не топчись подолгу на одном месте – затянет.

– Даже в мокроступах?

– Не знаю. Но лучше не искушать судьбу.

В медном свете луны водорослевый ковер отсвечивал антрацитовым блеском. Лужи казались покрытыми ржавой пленкой. Смачно, жирно чавкали мокроступы. То и дело какие-то мелкие создания, панически попискивая, спешили убраться с дороги и затаиться, слившись с упругим ковром. Не то крошечные тритоны, не то головастики.

– Хоть раз признался, что чего-то не знаешь о болоте, – насмешливо проговорила Кристи, оглянувшись через плечо. – А то слушаешь тебя – прямо знаток...

– Что ты этим хочешь сказать?

– Признался – значит, не безнадежен. Это комплимент.

– Я тронут... Между прочим, советую смотреть вперед. Да и под ноги тоже.

– Эти головастики опасны?

– Только если объешься ими. В них слабый токсин, но вообще-то они съедобны.

Крестину передернуло.

– Ты хочешь сказать, что нам придется ими питаться?

– И ими тоже... Стоп. Видишь впереди кочку?

– Да.

– Обойди-ка ее справа шагах в десяти.

Они обошли кочку. Ничего не случилось.

– Не поняла, – сказала Кристи. – По-моему, кочка как кочка. Комок водорослей.

– Возможно. Но экспериментировать мы будем днем, а не ночью. Пройди еще двадцать шагов и остановись.

– Зачем?

– Хочу взглянуть назад.

– На Юста и компанию?

– Ага.

Похоже, Эрвин в самом деле обладал незаурядным чутьем: выбранное им место казалось вполне надежным, и Кристина удержалась от язвительного замечания. Возможно, неглубоко под слоем спутанных, пропитанных болотной жижей водорослей пряталась каменистая мель.

– Так и есть, – сказал Эрвин, взглядевшись, – уже идут. Точно по нашему пути. Фонариками светят, идиоты.

– А недалеко же мы ушли, – разочарованно протянула Кристина. – Я думала...

– Что ты думала? Это болото. Торопливых оно любит – питается ими.

– Сам же говорил: чем скорее, тем лучше.

– Что, уже и глупость нельзя сказать?

– Сколько их там? – спросила Кристи, помолчав.

– Не вижу... Семь, наверное, считая одалиску. Сутенер наверняка не примкнул – знаю я таких. Упрямый идиот.

– Пойдем, – Кристи потянула за веревку.

– Подожди. Полчаса сейчас кончатся.

Ждать пришлось не больше минуты – и снова над болотом повис тягучий вой сирены. Загорелся и забегал по берегу луч прожектора, выхватывая из сумрака валуны, комки водорослей, остатки обреченной рощицы.

Затем, на мгновение развалив ночь надвое, на западе что-то ярко вспыхнуло и погасло. Донеслось короткое шкворчащее шипение – словно плюнули на раскаленную сковородку. И сейчас же что-то гулко лопнуло – вероятно, треснул не выдержавший нагрева гранит.

– Все, – констатировал Эрвин. – Одним меньше.

* * *

Когда занялся рассвет, Эрвин объявил привал. Третья луна, самая маленькая, бледнела на глазах, поглощаемая разгорающимся алым заревом. Легкая дымка висела над болотом. Оживали стаи насекомых, несомненно из породы убежденных кровососов, но, по-видимому, человеческая кровь их не привлекала. Кусаться не кусались, но лезли и в глаза, и в уши, и за ворот.

Пожалуй, лишь в хорошую оптику отсюда удалось бы разглядеть верхушки деревьев на покинутом берегу да площадку наблюдателя на дозорной вышке. Сам же берег исчез бесповоротно, как и не было, – ни знака, ни намека, ни едва угадывающейся темной полосы на западном горизонте. Казалось, что здесь уже середина Саргассова болота, хотя фактически было еще побережье.

Мелей больше не попадалось, с середины ночи и до утра шел сплошной зыбун. Эрвин уложил параллельно оба шеста, взгромоздил на них ящик и, усевшись на край крышки, приглашающе похлопал ладонью рядом с собой:

- Отдыхай.
- Сперва отвернись.
- Зачем еще?
- Мне надо кое-что сделать.
- Мне тоже, и можешь не отворачиваться. Привыкай.

Через минуту они сидели на ящике спина к спине, с наслаждением вытянув гудящие ноги. Не сговариваясь, оба посмотрели на запад. Километрах в полутора брела по направлению к ним цепочка людей Юста. За ночь они отстали не менее чем на час.

- Как ты догадался? – спросила Кристина.
- О чем?
- Насчет ящика. А то пришлось бы валиться прямо в грязь.
- Еще придется, – утешил Эрвин. – Спать ты где будешь

– на ящике? Ради одного лишь сиденья не стоило отдавать за ящик еду.

– А для чего еще?

– Переплывать полыньи, например.

– Вдвоем?

– Поодиночке. На неширокую полынью веревок у нас хватает.

– Не вижу ни одной полыньи.

– Еще будут. Погоди-ка... Не скажу наверняка, но, кажется, нам везет... Оно или нет?

– Что?

Не ответив, Эрвин вскочил с ящика и, прочмокав мокроступами по зыбуну, добрался до малоприметной былинки, поднявшейся над водорослевым ковром на какую-нибудь пядь. На вид – первый чахлый росток будущего куста, проклюнувшийся из занесенной ветром споры. Внимательно и с величайшей осторожностью осмотрев былинку, Эрвин покачал головой и, скинув робу, ухватился за росток через плотную ткань.

Ответный рывок растения был таков, что Эрвина едва не швырнуло лицом в грязь. Водорослевый ковер прогнулся, ноги в мокроступах ушли до середины икр в выступившую коричневую жижу. Кристине было видно, как под очень белой кожей на спине Эрвина отчаянно напряглись мышцы, она слышала, как он застонал, но не выпустил растение. Пядь за пядью упругая лоза – или хлыст? – сдавалась, покидая зы-

бун. И вдруг – сопротивление разом ослабло. Эрвин упал на спину. Чавкнуло болото.

Гибкая петля хлестнула, безошибочно найдя человеческую плоть, оставила на коже красный рубец и пошла, пошла опутывать ворочающегося в грязи человека. Кристи вскрикнула. Вскочив с ящика, неуклюже заметалась, выбивая мокроступами фонтанчики грязной воды, не зная, бросаться ли на помощь или резать веревку и бежать прочь.

– Ножом наискось! – прохрипел Эрвин. – Не здесь! Дальше...

Натянувшаяся лоза страшно закрипела под лезвием, но поддалась. Обрубок шустро втянулся в болотный ковер. Кряхтя, Эрвин поднялся на ноги, попробовал почиститься, размазывая грязь.

– Спасибо...

– Дурак! – бросила Кристина. – Тебе что, все потрогать надо?

Эрвин засмеялся. Опутавший его обрезок лозы вяло шевелился. В длину в нем оказалось метра четыре.

– Сойдет...

– Не поняла, – сказала Кристи.

– Счастье, что я все-таки не выпустил эту дрянь, – заметил Эрвин, надевая робу через голову, и поморщился, задев рубец. – Если бы хлестнуло концом... Я видел такие раны – зрелище не для слабонервных. Бывает, помирают от одного удара.

Обрезок шевельнулся в последний раз и замер. Эрвин аккуратно смотал бич.

– Так это что – оружие?

– Угу.

– Против людей?

– Против всех.

Они снова сели на ящик.

– Лучше бы ты нашел что-нибудь поесть, – заметила Кристина.

Эрвин покачал головой.

– Здесь – нет. Если хорошо пойдем, то завтра – может быть. Сегодня придется поголодать. Пей воду, помогает.

– Меня от нее тошнит. А твои местные ресурсы?

– Были бы, если бы до нас здесь никто не ходил. Изгонять закоренелых преступников в Саргассово болото начали на Хляби еще лет сто назад. Можешь не сомневаться: что у берегов не подъедено, то распугано. Здесь мы ничего не найдем, кроме головастика. Да и тех мало.

– А дальше?

– А дальше доходят не все. Слушай, может, хватит говорить о еде? Давай поболтаем о чем-нибудь другом.

– О чем? – спросила Кристина, не оглядываясь.

– Например, о том, почему ты решила пойти со мной, а не с ними. – Эрвин кивнул в сторону приближающейся команды Юста.

– Тебе это интересно?

– Не очень. Но не молчать же.

– Я думала, ты крутой мужик.

– И кем же я оказался на самом деле? – спросил Эрвин с усмешкой.

– Кабинетным работником, – объявила Кристина. – Когда ты снял робу, мне все стало ясно. Белое тело, жирок даже... Ты и вправду никогда не бывал в этих краях.

– Жалеешь?

– Теперь нет. Но если бы пришлось выбирать снова... не знаю, не знаю. Юст, конечно, подонок, но выглядит понадежнее тебя... уж прости за прямоту.

– Прощаю. Кстати, еще не поздно переиграть.

Кристи не ответила, и Эрвин не настаивал. Отдыхая, оба долго смотрели, как, растянувшись по болоту шагов на пятьдесят, к ним приближаются люди Юста.

Первой в связке шла Лейла. Поравнявшись, скользнула по Эрвину ненавидящим взглядом и остановилась. Веревка провисла, попала под ноги шумно дышащей Кубышечке. Запутавшись, та рухнула на четвереньки. Колыхнулся зыбун, Кубышечка охнула.

Все тяжело дышали.

– Тесны дороги на Хляби, – объявил Эрвин, дождавшись Юста, идущего предпоследним в связке. – Двоим никак не разойтись.

– Ты! – прорычал Юст. – Я тебе говорил: не попадайся мне не болоте? Говорил, нет?

– С удовольствием, если ты не будешь наступать мне на пятки.

Не вставая с ящика, Эрвин поигрывал бичом. Очевидно, этот предмет был хорошо знаком Юсту ван Боргу, поскольку тот сразу сбавил тон:

– Полярный Волк ходит там, где хочет. Между прочим, – Юст помедлил, прищурившись, – я раздумал продавать тебе этот ящик. Верни его.

– Ты его уже продал.

– Да? Что-то не припомню. По-моему, ты добровольно отказался от своего рациона, только и всего. Кто думает иначе? Но так и быть, можешь получить назад свои брикеты.

Кристина сглотнула.

– Нет, – Эрвин с улыбкой покачал головой.

– А если я очень хорошо попрошу? – Глаза Юста угрожающе сузились.

– Попытайся.

– А если попросим мы все?

Свистнув, бич рассек веревку между Юстом и Джобом. Еще один свистящий удар окончательно отделил Юста от связки.

– Так тебе будет удобнее просить...

– Сволочь!.. – выхаркнул Юст. Шест, что он держал, как пику, оканчивался острием примотанного за рукоятку ножа, отнятого, как видно, у Кубышечки. Собственный нож Юста висел, как положено, у него на шее. – Ты уже труп, понял,

придурок? – Однако, против ожидания, Юст шагнул не вперед, а назад.

– В следующий раз я уполовиню твой шест, – зловеще предупредил Эрвин. – А потом тебя самого. Устраивает?

– Отстань от человека, Волк, – проговорил Обермайер. – Что продано, то продано, он в своем праве.

Вряд ли Юст всерьез накинулся на старого проповедника, скорее, обрадовался возможности сохранить лицо.

– Ась? Как ты сказал? А ну, повтори! От че-ло-ве-ка?!!

– Господь Вездесущий внушает ему нечто, нечто же Он внушает и нам. Нам не отнять ящик, а значит, Он того хочет.

– Козел старый, – прокомментировал Хайме.

Лейла угрюмо молчала. Кубышечка опять начала всхлипывать. Джоб нагреб под себя ком мокрых водорослей и сел, тяжело дыша. Валентин тупо топтался на одном месте, выдавливая болотную жижу.

– Эй, Юст! Твои люди не могут поискать место для привала где-нибудь еще? – спросил Эрвин.

– Сам поищи!

– А что, и поищу. – Эрвин встал. – Пойдем, Кристи, пора. А вам – счастливо оставаться. – Он насмешливо сделал ручкой, обращаясь преимущественно к Юсту. – Между прочим, не советую идти по нашему следу.

– Тебя, умника, не спросили, – огрызнулся тот.

– Ты что, не мог их прогнать? – спросила Кристи, когда они удалились на полкилометра.

– Мог, наверное. Но зачем? Они устали, а мы уже в порядке. Можем идти. Спорим, они пойдут по нашему следу?

Мутное красное солнце дрожало на востоке, путаясь в болотных испарениях, и не резало глаза. Зыбун не кончался. Маслянистая пленка на поверхности луж казалась ржавой и при свете дня. Чавканье и чмоканье мокроступов накладывались на однообразный шорох ползущего за Эрвином ящика.

– Как это глупо, – глуховато сказала Кристина, не обратив внимания на ответ. – Глупо и унижительно. Я о приговоре. Нам приказали – мы ушли. Без слова, без писка. Месим вот грязь. Один Волк огрызнулся... и тот по-шакальи.

– Он не Юст Полярный Волк, – сказал Эрвин. – Полярного Волка застрелили полгода назад. Я видел труп. Этот тип самозванец.

– Он бывал на болоте, – уверенно возразила Кристина.

– Ну и что? По-твоему, всякий мелкий паханчик, кого раз-другой угораздило промочить здесь ноги, – уже Полярный Волк?

– Я этого не сказала... Кстати, откуда здесь вообще люди?

– Какие люди? Никого здесь нет... разве что подальше,

на Гнилой мели. На севере – да, бывают. Там безопаснее. Кормятся у берега, далеко не ходят. Изгой всякие, сектанты, беглые преступники... словом, шваль болотная. Настоящий Полярный Волк тем и прославился, что сколотил из них банду и терроризировал прибрежные поселки. Так она и называлась: братство Волка – в пику братству Савла и иным бандам. Как перебрался в столицу, так и погорел. Его свои же подставили. А кроме того, этот наш «Юст» не знал, что солдатам на нас начхать, они не стали бы вмешиваться в разборки. Я соврал, а он поверил.

– Тогда почему ты не рассказал это остальным? – оглянувшись, спросила Кристина.

Эрвин пожал плечами.

– А зачем?

– Сам же говорил: всех погубит, только бы самому дойти.

– Так и сделает. – Эрвин кивнул. – А нам-то какое дело?

Не несмышлениши ведь – взрослые люди, у каждого есть голова на плечах... теоретически. Выбор у них был. Они выбрали.

– Лейла хотела выбрать нас, – поддела Кристина. – То есть тебя. Или тебе не по душе профессионалки?

– Я тоже выбрал. Лейла нам не нужна. И никто другой. Вдвоем всего безопаснее, только они этого еще не знают. Ходить по болоту толпой – только кормить язычников и прочую фауну. Юст кретин.

Несколько минут Кристина двигалась молча.

– А кого бы ты взял, если бы я отказалась?

– Зачем тебе знать?

– Просто хочется. Каприз.

– Избавляйся от капризов. Но так и быть, скажу. Бухгалтера. Или проповедника.

– А почему не Валентина?

– Амеба.

– И Джоб – амеба.

– Он был бы послушной амебой. Ему нужен начальник, особенно на болоте. Окажись он здесь в одиночку, не думаю, чтобы он рискнул пойти к Счастливым островам. Но и подставить себя под луч у него не хватило бы духу – так и мыкался бы невдалеке от берега, пока не сгинул бы. Но что толку об этом говорить – он выбрал Юста.

– А почему вдвоем безопаснее?

– Скоро увидишь. – Эрвин оглянулся. – Ага, тронулись. Точно за нами, как я и говорил. – Он коротко рассмеялся. – Возьми-ка чуть правее.

– Прямо надежнее.

– Я вижу. Вправо, я сказал. Нет, не так круто... Хватит. Держи это направление.

– Ты что затеял? – тревожно спросила Кристи.

– Немного поучу их уму-разуму. Урок здравого смысла. Не беспокойся, не утонут. Не должны.

Очень скоро под мокроступами зачавкало сильнее. Водорослевый ковер отчаянно прогибался под весом людей, при

каждом шаге приходилось словно выбираться из ямы, вот только яма никак не кончалась.

– Хватит, – тяжело дыша, сказал Эрвин. – Теперь держи левее. А то и мы провалимся, веселого мало будет.

Они двигались еще с полчаса, прежде чем сзади их нагнал крик. Кричали двое: Кубышечка и, кажется, Хайме.

Эрвин засмеялся.

– Теперь можно не спешить – у них покамест есть занятие. Может, сообразят, что по Саргассову болоту гуськом не ходят. Давай-ка возьми еще левее. Кочки видишь? Там и пождем.

– Зачем нам их ждать?

– Послушай, ты не могла бы не задавать лишних вопросов?

– Это и меня касается. Ты что, намерен заботиться обо всех?

– Еще не хватало. – Эрвин хмыкнул. – Но сама подумай: зачем они нам за спиной? Пусть идут впереди или хотя бы тащатся параллельно, больше проку будет.

Прошлепав по последней ржавой луже, Кристи выбралась на относительно надежное место и с облегчением перевела дух.

– А не лучше ли нам рвануть как следует и оставить этих копуш далеко позади?

Ответа не последовало, и Кристи обернулась. Эрвин молча качал головой – со снисходительным сожалением и

немного насмешливо.

Глава 4

Все еще девять

Костер зажегся с первой попытки: стоило поднести огонек зажигалки к кучке ломкого хвороста, как огонь взвился и загудел, зашипели под ним мокрые водоросли. Должно быть, корчащиеся в пламени ветки болотного кустарника содержали в себе немало эфирных масел.

К ночи изнемогли все: и люди Юста, и Эрвин с Кристиной. Связка из семи человек теперь двигалась по правую руку, держась метрах в двухстах, и видно было, что, наученные опытом, они плетутся не гуськом друг за дружкой, а уступом, напрочь забыв о том, чтобы тропить тропу по водорослевому ковру, превращая зыбун в трясину. Надежный упругий ковер под ногами все чаще сменялся вязким гниющим месивом, где только остановись – затянет и в мокроступах. Пробулькивая сквозь грязь, с важной медлительностью лопались крупные пузыри, распространяя гниlostную вонь. Появились «окна» заведомой топи.

В полдень Эрвин увидел первую змею и показал Кристине. Метровое тело небольшой твари жирно лоснилось. Не напав, змея легко обогнала людей, пересекла их курс и исчезла, скользнув в водорослевый субстрат. Немного позже далеко на юге показалось стадо каких-то некрупных животных. Они передвигались с поразительной быстротой, словно

скользя по болоту. Неожиданно в воздух взвилось щупальце язычника, проворно очертило круг и исчезло. Схватил ли хищник кого-нибудь, нет ли – разглядеть не удалось.

Еще через час Кристи нагнулась и подобрала вывалянную в грязи тряпочку. Судя по обрывку лямки, это был фрагмент рюкзака. Никаких иных следов человека, дошедшего до этого места, на глаза не попало.

Последние километры перед местом ночевки – длинной, хорошо заметной издали мелью, где рос кустарник и даже сумели укорениться несколько чахлах деревцев, – Кристи шла чисто механически, мечтая лишь об одном: бросить тяжелый шест, упасть и забыться. Так и сделала, чуть только ковер под ногами перестал колыхаться. Не хотелось ни разговаривать, ни двигаться, ни жить.

Спустя час, однако, она очнулась и с удивлением обнаружила, что больше не хочет лежать. Вряд ли пропитавшую водоросли грязную воду можно было назвать холодной, но тем не менее женщину начал колотить озноб. В пяти шагах от нее Эрвин нагреб кучу гниющих водорослей, которой, очевидно, предстояло послужить постелью. От потрескивающего костра приятно тянуло смолистым дымком.

– Грейся, – предложил Эрвин, и Кристи благодарно под села к костру. Скоро от ее робы повалил пар. Слышно было, как поодаль на той же мели переговариваются и хрустят кустами люди Юста. Там тоже горел костер, пожалуй, более яркий.

– Вообще-то таких экспериментов без острой нужды лучше не делать, – сказал Эрвин, подбросив в огонь скупую порцию дров. – Вдруг рядом с нами вызревает метановый пузырь? Пшикнет – от нас с тобой, пожалуй, только ящик и останется.

– Ничего не имела бы против, – глуховато отозвалась Кристи.

– А я имел бы, – без усмешки возразил Эрвин. – Это у тебя с непривычки. Трудно, я понимаю. Будет еще труднее... и опаснее. Это тоже могу обещать. Но я решил дойти до Счастливых островов, а значит – дойду. Я собираюсь выжить. Следовательно, и у тебя есть шанс.

– Я хочу есть.

– Представь себе, я тоже. Еда будет завтра, обещаю. Вряд ли здесь много головастика, так что не стоит их ловить, тем более ночью.

– А помнишь, у берега? Там их много было...

– Еще бы! Кто из осужденных не знает, что они съедобны, тот их и не ловит, а кто знает, тот еще не голоден. Впрок их не запасешь, а питаться ими можно только при зверском аппетите. Понятно, что тут их уже ловят... Мель удобная. Как еще все дрова до нас не сожгли – удивительно...

Кристи передвинулась на ящике, подставив огню другой бок. Убрала с лица прядь слипшихся волос.

– Как у тебя все всегда логично получается...

– Ты удивлена?

– Не очень. Когда ты сегодня молчал почти целый день – ты думал о наших шансах?

– И о них тоже. Немного. Больше развлекался.

– Чем же это?

– Считал. Известная задача трех тел из звездной динамики – никогда не слыхала? Задаются массы, скажем, один, три и пять, задаются векторы начальных скоростей, а дальше – численное решение дифференциальных уравнений, расчет траектории каждого тела с учетом их взаимного притяжения. В конце концов одно из тел, обычно самое легкое, вышвыривается из системы ко всем чертям. Я пытался подобрать начальные условия, при которых система потеряла бы не самое легкое, а самое тяжелое тело.

– Ну и как, подобрал? – саркастически спросила Кристи.

– Пока нет.

– Ты что, математик?

– Я не получил степени. Да, по правде сказать, она мне никогда не была нужна. Но я хорошо считаю.

– Тогда лучше бы подсчитал, как нам не загнуться в этом болоте!

– Уже. Еще тогда, на берегу. Естественно, появляются новые данные, вносится коррекция, кое-что приходится просчитывать заново... Но это, как правило, несложно. Есть стандартные математические методы. Есть методы, которые разработал я сам.

– Врешь, – убежденно сказала Кристи.

– Твое право не верить.

– Значит... ты выбрал меня в напарницы по математическому расчету?

– Значит, – кивнул Эрвин.

– Все равно я тебе не верю.

– Я и не сомневался.

– Все-таки кем ты был на воле? Мозговым центром преступной шайки?

– Вроде того. Советником президента Сукхадарьяна. Меня взяли на третий день после переворота.

– Ты? – Кристи хрипло расхохоталась. – Ты был советником президента Хляби?

– Представь себе.

– Что-то я о тебе ничего не слышала.

Эрвин вздохнул.

– Беда в том, что не все черпают информацию из программ новостей, как ты... Но есть советники и советники. Помнишь дело о банкротстве корпорации «Империиум» три года назад? Хотя да, откуда тебе знать... Я оставил их без гроша. Они поддерживали не тех, кого надо. Ударил Сукхадарьян, да так, что никто не понял, чьих рук дело, а я лишь просчитал, куда и когда ударить, чтобы не отбить кулак... кстати, это было нетрудно. Последние шесть лет президент делал ходы, просчитанные мною, и, кажется, об этом не жалел.

– А потом, естественно, возник какой-нибудь неучтенный

фактор... – Кристи фыркнула.

– Ничего подобного. Конечно, один-единственный неучтенный фактор может радикально изменить всю картину – задача вычислителя в том и состоит, чтобы при любом неожиданном раскладе у системы оставался достаточный «запас прочности». Хуже, когда президент сам пилит под собой сук. Всего один раз Сукхадарьян меня не послушал, и только потому, что Прай был его другом со школьной скамьи. Если бы этот друг вовремя погиб в катастрофе, Сукхадарьян не сидел бы сейчас под домашним арестом и не проклинал свою сентиментальность в ожидании смерти «от сердечного приступа». А я не сидел бы на этом ящике.

– Так ты вроде компьютера?

Эрвин похмыкал, покрутил головой.

– Это ты сказала, не подумав... Ладно, я не сержусь. Неужели ты полагаешь, что Сукхадарьян не мог бы по примеру иных политиков обзавестись собственным аналитическим центром с лучшими компьютерами и раздутым штатом? Он выбрал меня, что обошлось ему несколько не дешевле. И он ни разу об этом не пожалел.

Костерок прогорал. По-видимому, Эрвин не собирался поддерживать его всю ночь.

– В миллионе случаев машина переиграет человека. Но обязательно найдется хоть один человек, который переиграет машину.

– Ты не наломаешь еще хвороста? – спросила Кристи.

– Нет.

Кристи поежилась. Обхватила руками плечи. Над болотом слоился туман, сырость пропитывала только что высохшую одежду. Малая луна исчезла, крупную размыло в мутное пятно.

– Все равно не понимаю, как можно просчитать действия людей. Одного – и то, по-моему, невозможно. А уж целой толпы...

– Толпы как раз проще, – отозвался Эрвин. – А вообще, уже давным-давно наработано немало методов расчета поведения отдельных людей и сколь угодно больших их групп. Как правило, все они оказываются бесполезными из-за не достоверной вводной информации. Как раз машина не умеет отличать вранье от правды. У меня это получается лучше.

– Как же тебя взяли... такого хитроумного? Неужели ты не догадался позаботиться о себе?

– Я дал деру накануне переворота, – неохотно признался Эрвин. – Та еще была комбинация... моя гордость, можно сказать. Вмешалась случайность, которая входила в процент разумного риска. Из-за пустячной поломки перед нуль-прыжком лайнер вернулся на Хлябь. Последние сутки перед посадкой я сидел в судовой библиотеке и читал все, что мог найти о Саргассовом болоте. Самое трудное началось потом: мне надо было получить высшую меру по приговору, а не луч в спину при попытке к бегству.

– Что тебе инкриминировали?

– Пособничество преступному режиму, что же еще. Как будто бывают режимы не преступные...

– Что же ты не рассчитал так, чтобы тебя оправдали? – ехидно спросила Кристи.

– Я не рассчитываю невозможного...

Долгий вздох раздался со стороны болота. Что-то большое, скрытое туманом, ворочалось в трясине к западу от мели – там, где недавно прошли люди. Кристи вскочила. «Сядь», – прошипел сквозь зубы Эрвин, и она послушно опустилась на ящик.

В болоте всхлипнуло, чмокнуло, поворочалось еще немного и стихло.

– Что это было?

– Не знаю, – ответил Эрвин. – Я о таком не читал. Между прочим, здесь могут существовать твари, еще неизвестные человеку. Саргассово болото никто по-настоящему не исследовал.

Еще минуту он находился в напряжении. Затем немного расслабился.

– Ну ладно, – сказала Кристи, когда прошел испуг. – Допустим, я тебе поверила. Это имеет значение в твоих расчетах?

– Незначительное.

– А эту ночевку ты тоже рассчитал заранее?

– Мель – нет. Откуда мне было о ней знать?

– А теперь?

– У нас есть полночи. Потом начнется прилив, мель затопит, и нам будет лучше уйти. А до того – выспаться... В ближайшие часы Юст и его шпаненок к нам не сунутся – слишком устали.

– Мы будем спать не по очереди?

– Да. Стоит рискнуть. Мы должны отдохнуть, завтра будет трудный день.

Прижавшись друг к другу в попытке сохранить тепло, они лежали на куче мокрых водорослей, то проваливаясь в сон, то просыпаясь и с тревогой прислушиваясь к реальным или кажущимся звукам болота. Мутное лунное зарево медленно смещалось на запад. Временами в болоте начинали негромко верещать какие-то мелкие существа – застрекочет и смолкнет в одном месте, отзовется в другом. С той стороны, где устроились на ночевку те, кто видел жоака в Юсте, тоже доносились слабые звуки: потрескивание непогашенного костра, шорох водорослей, иногда кашель и приглушенные стоны полуспящих, полубодствующих людей.

Пронзительный вопль – мужской, долгий, страшный, полный боли и ужаса – подбросил обоих. Такой крик мог бы издать человек, схваченный громадным хищником, почему-то медлящим сомкнуть челюсти на бьющейся жертве.

– Жди. Отсюда – ни шагу! – Эрвин схватил бич.

– Нет! – Кристи вцепилась в его рукав, замотала головой.

– Пусти... Я скоро.

Чавкая грязью, он исчез. Туман величаво тек через мель.

Дрожа, женщина съежилась, стараясь казаться меньше и незаметнее. Мерещилась огромная пасть, что вот-вот выдвинется из тумана и пожрет ее.

Крики, свист бича. Прыгали тени. Было слышно, как хрипло командует Юст и визжит Кубышечка. Затем крики изменили тональность – возле костра начали переругиваться.

Минуту спустя вернулся Эрвин.

– Змеи, – объяснил он, тяжело дыша. – Явились на свет костра, как я и говорил. С пяток, не больше. Но крупные. Нож их берет, но бич лучше. Одна присосалась к Валентину, ну он и завопил. Ничего, оклемается. Если быстро убить эту дрянь, потеряешь лоскут кожи, но жив будешь.

– Он сможет идти? – спросила Кристи, пытаясь справиться с дрожью.

– Дурацкий вопрос, извини. Он так же хочет выжить, как и ты. Кстати, он легко отделался – догадался перекатиться в костер. Змея отвалилась сразу.

* * *

Заснуть снова не удалось: прилив превратил мель в непролазное месиво, и Эрвин объявил, что нет смысла сидеть в грязи, дожидаясь рассвета. Мель могла бы спасти изгнанников от нападения малоподвижных тварей, вроде язычника, но не от змей и не от иных, пока не встретившихся на пути

охочих до человечины порождений болота, больше привычных искать добычу, нежели поджидать ее. Эрвин крикнул в туман, предупреждая об уходе, и почти сразу люди Юста завозились, собираясь в путь.

Мутное пятно луны временами гасло в тумане. Кристи только удивлялась, как Эрвин умудряется ориентироваться, держа направление на восток. Шли медленно, пробуя путь шестью. Людей Юста не было ни видно, ни слышно. Один раз Кристи провалилась по пояс, и Эрвин, вытащив ее, дал здоровенный крюк, обходя трясину. В другой раз Кристи не удержала равновесие и упала, когда в каких-нибудь полотора-двух десятках шагов от нее кто-то отчаянно заскрипел, заверещал, забарахтался в топи, а потом что-то резко хлестнуло по мокрым водорослям, и звуки стихли.

Больше ничего не произошло до самого рассвета. К утру туман поредел, зато небо заволокло сплошной серой пеленой, заморосил мелкий дождь. Стало встречаться больше глубоких луж, по которым привязанный к Эрвину веревкой ящик не полз, шурша, а плыл с важной неспешностью ковчега. Зыбун колыхался сильнее, ноги утопали по колено.

Вскоре провалился Эрвин – там, где только что прошла Кристи. Он успел лечь грудью на шест и, крикнув, что справится, сумел выбраться сам, выбившись из сил и потеряв мокроступ с правой ноги. Пришлось взять из рюкзака запасной.

Отдыхали, как и вчера, на ящике, дотащив его до места,

показавшегося относительно надежным. Юста и его людей по-прежнему не было видно, впрочем, видимость не превышала полукилометра, насколько глаз мог оценить расстояние на болоте.

– А они не заблудятся? – спросила Кристи, дав Эрвину отдышаться.

– Вполне возможно. Это только по карте до Счастливых островов триста километров – на деле нам повезет, если уложимся в пятьсот. Потеряем направление и будем кружить... Солнечные дни, как вчера, здесь редкость.

– А ты еще не потерял направление?

– Думаю, что нет. Плюс-минус, конечно. Но пока еще есть смысл идти. Примерно вон туда. – Эрвин махнул рукой. – Когда я не буду уверен, я скажу.

Они не двигались с места до тех пор, пока морось окончательно не выела туман, и тогда заметили далеко справа медленно движущуюся цепочку людей. Их по-прежнему было семь. За это время Эрвин наловил в лужах с десятков мелких существ, прозванных Кристи головастиками, и первый попробовал местную пищу. Еда оказалась отвратительной на вкус, еще вчера Кристи стошнило бы от такого завтрака, а позавчера – от одной мысли о нем, но сегодня голод уже успел сказать свое слово. Они поделили головастиков поровну, затем нацедили в миску грязной солоноватой воды и по очереди напились. Когда с завтраком было покончено, стало видно, что цепочка из семи человек приблизилась и все

сильнее забирает влево, явно стремясь выйти на параллельный курс.

– Ага, – сказал Эрвин. – Так я и думал.

– Что ты думал?

– У Юста все же есть толика разума. Впереди нас он, конечно, не пойдет, но и тащиться сзади я его отучил. Теперь он думает, что мы с ним в равных условиях.

– А разве нет?

Эрвин поскреб в затылке.

– Положим, всемером отбиться от змей легче, чем вдвоем. Но, видишь ли, какое дело... вот, скажем, сидит где-нибудь на дне язычник, этакий здоровенный моллюск, ждет... Над ним торф и водоросли. Зрение и слух ему ни к чему. Считается, что он нападает, когда чувствует колыхание зыбуна в пределах досягаемости щупальца... Не знаю, так ли это, и никто не знает, но если так, то идти всемером в одной связке – глупость...

Змея атаковала его снизу, прорвав в броске водорослевый ковер. Разматывать бич было некогда. Взвизгнула Кристи. Эрвин отмахнул рукой тварь, нацелившуюся в лицо, и тотчас рука его опустилась под тяжестью лоснящейся гадины. Больше всего она напоминала полутораметровую пиявку и присасывалась, как пиявка. Рукав представлял для нее преодолимую помеху – полетели клочья ткани.

Змея умирала долго – ее пришлось буквально состругивать с руки, но и уполовиненная, она продолжала висеть, со-

сать, грызть... Когда Эрвин со стоном отодрал от себя то, что осталось, на уцелевшем брюхе твари обнаружились два ряда круглых отверстий, окаймленных мелкими коричневыми зубами. Некоторые пасти продолжали открываться и закрываться, сжимаясь в точку.

Ему повезло: змея не успела вьестись как следует, пострадал только рукав, да на предплечье кровоточил лишенный кожи круглый пяточок. Всего-навсего один. Эрвин совсем оторвал мокрый разодранный рукав, и Кристи перевязала ему руку.

– Пора двигать, – морщась, произнес Эрвин.

– Больно? – участливо спросила Кристи.

– Нет, приятно. Обожаю, когда меня едят живьем. Исключительное удовольствие.

– Извини... Хочешь, возьму рюкзачок?

– Нет... Направление запомнила? Ну, вперед.

Они шли, и поверхность болота все так же прогибалась под ногами, напоминая сгнивший и непрочный, но все-таки еще упругий батут. Мелкий дождь не прекращался. Шагах в ста справа держались люди Юста. По-прежнему связанные в одну цепь, они двигались не гуськом друг за другом, как вчера утром, и не одним уступом, как вчера вечером, а двумя: впереди два человека, за ними сзади и сбоку три, позади еще двое. Юст шел четвертым.

– Научились кое-чему, – сообщила Кристи не без злорадства. – Еще немного, и догадаются пойти порознь, тремя

связками.

Эрвин отозвался не сразу – завязла нога, и он старался вытащить ее, не потеряв мокроступ.

– Они бы догадались – пахан не позволит. Кто его тогда будет прикрывать спереди и сзади?

– Может, устроят бунт...

– Разве что Юст станет для них страшнее болота. Только это вряд ли.

Они замолчали на целый час. За этот час Лейла, по-прежнему возглавляющая вереницу людей, проваливалась дважды и один раз с привычным визгом провалилась Кубышечка. Тогда Кристи останавливалась без команды Эрвина, и оба ждали, когда, вытащив тонущих, люди Юста продолжат путь. Опасность грозила отовсюду, но справа она была несколько меньше.

Когда Лейла провалилась в третий раз и Джоб с Яном Обермайером, надсаживаясь, тянули ее из трясины за веревку, давно утратившую белый цвет, Юст заорал, привлекая внимание Эрвина:

– Эй, придурок! У тебя нет запасных мокроступов? На время.

Он махал над головой рукой с зажатым в ней пищевым брикетом, возможно, последним из оставшихся, но Эрвин и не подумал отвечать. Смолчала и Кристи.

Они дождались, пока облепленную грязью Лейлу вновь поставили во главе цепочки, и тоже двинулись. А еще через

полчаса справа, правее людей Юста болото со всхлипом выперло наружу крутой бугор, из его прорвавшейся вершины выметнулся в морозящее небо гибкий лиловый язык, даже не очень длинный, рухнул между Джобом и Хайме, мигом нащупал веревку, рванул... Закричали люди.

Хайме первым успел освободиться. Джоба потащило волоком по водорослям и грязи, но справился и он, ухитрившись рассечь лезвием ножа именно веревку, а не собственное бедро. Лиловый язык отдернулся. Одно мгновение казалось, что он утащит обрезок веревки и на время оставит людей в покое, но, по-видимому, колоссальный донный моллюск оказался не столь туп, как надеялись люди.

Бросив веревку, язык хлестнул вновь – горизонтально, над самой поверхностью, вихрем пронесся над ворочающимся в грязи Джобом и молниеносно обернулся вокруг Хайме, на свою беду успевшего вскочить на ноги. Рывок – и в воздух на мгновение подняло не только Хайме, но и Валентина, орущего и режущего веревку, связывающую его с обреченным. Зыбун заходил ходуном.

Валентин шлепнулся в грязь плашмя, выбив собой ошметки гнилых водорослей. Поднимаемый все выше над болотом Хайме извивался, выл и кромсал ножом язык-щупальце. Не обращая никакого внимания на эти мелочи, язык, выпрямившись подобно обелиску, начал быстро втягиваться в трясину. Последний отчаянный вой, громкий чавкающий всплеск – и стало слышно, как вокруг кричат люди.

Шесть человек бежали в сторону Эрвина и Кристи, а кто никак не мог встать на ноги, тот полз, спеша уйти от смерти хоть на карачках. Лейла снова провалилась и движением, ставшим уже рефлексорным, выбросила в стороны руки, опираясь на зыбкий ковер. Связанный с нею веревкой Ян Обермайер орал, буксовал на месте, рискуя провалиться сам, возможно, убежденный, что Господь Вездесущий пребывает своей частицей и в этой кошмарной твари, причем в наихудшей своей ипостаси.

Лиловый язык не высунулся вновь, не стал шарить вокруг себя в поисках другой добычи. Понемногу к людям возвращалось самообладание. Кубышечка прекратила визжать и начала всхлипывать. Юст рычал, раздавал плюхи и наводил порядок. Джоб, пытаясь связать себя с Валентином, неумело сооружал морской узел. Беззвучно шевеля губами, молился Ян Обермайер по прозвищу Скелет и гладил гнилые водоросли костлявыми ладонями. Проповедники Господа Вездесущего обходились без четок и прочей религиозной атрибутики. Вытащенная из топи Лейла осмелилась подобраться ползком и спасти вываленный в грязи шест Хайме. Пробирая лиловым языком дыра в водорослевом ковре понемногу затягивалась. Ничто более не выдавало присутствия затаившегося в засаде хищника — на какое-то время сытого.

Глава 5

Восемь

– Что у него там? – содрогаясь, спросила Кристи, когда место трагедии потерялось в морosi далеко позади.

– У кого и где?

– У язычника... там, внизу. Пасть? – Ее передернуло. – Или он высасывает человека, как паук муху?

– Ты действительно хочешь это знать? – поинтересовался Эрвин.

– Нет... Ты прав. Идем.

– Мы и так идем. А я бы хотел знать, что у него там. Но я не знаю.

Они по-прежнему двигались двумя параллельными связками – короткой, слева, и длинной, справа, но уже не такой длинной, как вначале. Как и прежде, Юст держался четвертым.

К полудню дождь пошел сильнее. Болото раскисало, рябые лужи не желали впитываться в водорослевый ковер. Эрвину все чаще приходилось останавливаться, подтаскивать к себе ящик и избавляться от накопившейся в нем дождевой воды. Крышку с ящика он снял, пресную воду объявил драгоценностью, пил сам и заставлял пить Кристи, несмотря на ее уверения в том, что ее ничуть не мучит жажда. Опустошив ящик и завалив его набок, он взбирался на него, высматри-

вая более надежный путь. Иногда он надолго задумывался, пытаясь сориентироваться по сторонам света, и, случалось, командовал взять общее направление чуть правее или левее, но особой уверенности в его голосе не было. Шестеро справа продолжали держаться в одной-двух сотнях шагов и чутко реагировали на изменение курса. По-видимому, Юст не доверял своим способностям ориентироваться.

– Что это? – спросила Кристи.

Их путь пересекала широкая грязевая полоса – но не полынья, как определил Эрвин, осторожно приблизившись и попробовав полосу шестом. Водорослевый ковер имелся и в полосе – но растрепанный, вдавленный, перемешанный с бурой грязью. Кое-где побулькивали пузырьки выходящего из глубины болотного газа. Казалось, громадная змея толщиной с вагон протащила здесь по болоту свое тело.

– Глупости, – буркнул Эрвин, услышав мнение Кристи. – Гигантских змей тут нет. Стадо каких-нибудь животных – другое дело. Это может быть. Натоптали.

На ту сторону перебрались по шестам, кинув их поперек грязевой полосы. Это оказалось даже более простым делом, нежели показалось вначале. Хищный лиловый язык, рисовавшийся воображению Кристи, пока она переползала на ту сторону, не выметнулся прямо из-под нее, не схватил, не уволок в топь. Лишь гораздо левее переправы из грязи вроде бы ненадолго высунулось что-то округлое, не очень большое, и скрылось без звука. Эрвин не был уверен, что это не

игра воображения.

На всякий случай все же отошли от полосы подальше и уже там отдыхали на ящике, дожидаясь, когда переправятся люди Юста. И снова начался поход под дождем – нудный, нескончаемый, выматывающий. Чавкал и качался под ногами зыбун, болото равнодушно разрешало людям углубляться в него все дальше и дальше.

Поднять ногу, перенести на полметра вперед, опустить... Поднять – перенести – опустить. С чмоканьем вырвать мокроступ из вязкого капкана, потыкать перед собой шестом и опять: поднять – перенести – опустить, поднять – перенести – опустить...

Спустя часа четыре Эрвин объявил, что потерял направление и не может ни за что ручаться. Кристи приняла его слова почти с благодарностью. Они остановились, уложили в грязь шесты и взгромоздили сверху ящик. Оба вымокли насквозь еще утром, но только сейчас их начала колотить дрожь.

– Надо поесть, – сказал Эрвин.

– Я не хочу.

– Скоро захочешь. Я тоже пока не хочу, а надо. Иначе так и будем дрожать до утра.

Они обшарили каждую лужу в радиусе ста шагов и поймали всего-навсего семь головастиков. Болото словно вымерло: то ли его обитатели, съедобные и несъедобные, и впрямь не любили дождя, то ли, что вернее, отсиживались глубоко

в грязи, блаженствуя. Эрвин поделил добычу поровну: трех головастиков покрупнее оставил себе, четырех помельче отдал Кристи.

– Лучше глотать их живьем.

– Я уже поняла.

– Ты молодец, – серьезно сказал Эрвин. – Хорошо держишься.

Кристи слабо улыбнулась.

– Разве у меня есть выбор?

– Разумеется. Ты можешь начать ныть. Но это не пойдет на пользу нам обоим.

Добыча разошлась по желудкам без особых тошнотных позывов. Сейчас же захотелось спать, и они подремали на ящике, привалившись спинами друг к другу.

Оба проснулись оттого, что поверхность болота вздрогнула, и сейчас же уши заложило ревом. Видимость была скверная, но им все же удалось разглядеть гигантский фонтан грязи. Целую минуту он бил в низкое небо навстречу дождю, потом опал, и снова дрогнуло болото. Дождь изменил цвет; по коже потекли грязноватые ручейки.

– Откуда здесь гейзер? – спросила Кристи. – Или это... животное?

– Прорвался большой пузырь газа, только и всего, – пренебрежительно заметил Эрвин, вновь присаживаясь на ящик. – А может, сработал грязевой вулканчик, в Саргассовом болоте их хватает...

– Не опасно?

– Опасно на нем сидеть, а около – на здоровье. Хм... Вообще-то я считал, что они начинаются восточнее, километрах в ста от берега...

– А мы сколько прошли?

– Километров сорок.

– Что-о? За двое суток?

Она почувствовала спиной, как Эрвин пожал плечами.

– А ты сколько думала?

– Минимум семьдесят-восемьдесят.

– Десятую часть пути до Счастливых островов – прошли, не спорю. При условии, что сегодня шли верно. Но не больше. Мы в болоте, а не на беговой дорожке.

– Я заметила.

Дождь продолжал моросить – уже не грязный, обычный. Поодаль, едва заметные, копошились на своем привале люди Юста.

– Я прожила на Хляби почти год, – произнесла наконец Кристи, – и ни разу не слыхала ни о каких Счастливых островах. Они правда существуют? Ты их видел?

– Только на карте.

– А на снимке из космоса?

– Нет. Такие снимки редкость, сама видишь, какая здесь погода. Но если бы даже я не видел карты и ничего не слышал ни о каких островах за болотом, я все равно знал бы, что они существуют. Саргассово болото – просто мелкое окраинное

море. Не будь оно отгорожено от океана цепочкой островов, его давно размыло бы океанскими волнами. Раз есть болото, значит, есть и острова.

– И люди...

– Только если кто-то из осужденных сумел до них добраться. Иного населения там нет, это я знаю точно.

– Откуда?

– Ты не представляешь, сколько информации приходится перелопачивать советнику президента... особенно вычислителю. Мне нетрудно нарисовать карту плотности населения всей Хляби, летом и зимой, во время отпусков и в пик наплыва сезонных рабочих. Счастливые острова – всегда белый цвет. Это аксиома. Лет пятьдесят назад на северном острове был полигон, но его давно прикрыли. Теперь там никого нет.

Кристина молчала, обдумывая.

– Ты еще говорил про какую-то Гнилую мель...

– Есть такая. Мы дойдем до нее дня через три, если сумеем сориентироваться, и будем идти по ней полдня, а то и день. Я предпочел бы ее обойти, но выйдет чересчур большой крюк.

– Почему обойти?

– Люди. Дойти до Счастливых островов почти невозможно, до Гнилой мели – реально. Представляешь себе, какая там подобралась компания?

– Понимаю... – Кристи задумалась.

Медленно гасли сумерки. Дождь почти кончился, или, вернее, морось измельчала и уже не сеялась с неба, а висела над болотом сплошной непроницаемой завесой. Когда совсем стемнело, Эрвин встал с ящика и шепнул:

– Пошли.

– Куда? – Кристи захлопала глазами.

– Тише. Переберемся на другое место. Спорим, ночью к нам заявятся? И не один Юст – он не такой дурак – все скопом... Хотя что тут спорить, и так ясно.

– За ящиком?

– За всем, что у нас есть.

Стараясь не шуметь, они прошли вперед шагов триста, и Эрвин решил, что этого хватит.

– Заблудится еще кто-нибудь, – вполголоса предположила Кристи.

– Не мы гоняли их по болоту, – отрезал Эрвин.

Он сел на ящик верхом и, обняв женщину за плечи, прижал к себе. Кристи не возражала: так было теплее, и в объятиях Эрвина не было ничего непристойного. У обоих урчало в животах, мешая дремать.

Прошел час, и два, и три. Потом из тумана донесся крик – негромкий, вполголоса. Кто-то кого-то окликал. Вскоре слышался ответный крик.

– Так и есть. – Эрвин негромко рассмеялся. – Заплутали. Следопыты! Аборигены Хляби, люди с перепонками на пальцах!

– Ты говоришь так, будто ты не настоящий хлябианец.

– Точно, – кивнул Эрвин. – Мать разродилась мною на космолайнере за три часа до посадки. Так что формально я не абориген и ругать Хлябь имею полное право.

– А откуда твои родители?

– Из Астероидной системы. Слыхала? – В ответ Кристина помотала головой. – Звезда там хорошая, желтая, не то что здешний красный пузырь, зато планет нормальных нет, вместо них тьма астероидов. Там мало кто живет, чаще прилетают работать по контракту. Отец был местный. Когда он погиб при метеоритной бомбардировке, мать решила, что остаться там незачем, ну а со мной, понятно, никто не советовался... Да оно и к лучшему. В Астероидной системе образование ребенку не дашь, разве что начальное, а моя мать хотела, чтобы я чего-то в жизни добился. Университеты на развитых планетах были ей не по карману, а вот на Хляби – другое дело... Очень она радовалась, когда я в люди вышел. Так и умерла год назад – счастливая...

Крик в тумане повторился. На этот раз кричали громче и тревожнее.

– Кто-то завяз, – прокомментировал Эрвин. – Кого-то тянут. Вольно же им было по ночам где попало шлаться, топографическим кретинам...

Эта ночь была ужасна. Два вымокших до нитки человека, мужчина и женщина, просидели на ящике до утра, обнявшись, иногда проваливаясь в дремоту, но и в дремоте чутко прислушиваясь к каждому звуку болота. Но еще хуже, вероятно, пришлось шестерым, не имевшим иной постели, кроме охапки мокрых водорослей. Когда Кристи думала о них, холодные мурашки стаями бегали по ее коже. И вместе с тем она чувствовала злорадство: не нашли! не ограбили! не убили, чтобы отобрать ящик – трон для своего пахана...

Ее злорадство усилилось, когда она подумала о том, что их пищевые брикеты уже, вероятно, поделены и съедены. Тем лучше! Сделка была честной. Пусть-ка поохотятся на головастиков, любители мокро сидеть, зато сытно есть, давно пора!

Перед самым рассветом немного развиднелось; в грязной мути неба проступило слабое зарево какой-то из лун. Можно было идти, но на этот раз Эрвин решил дожидаться дня. Когда стало светло и в редящем тумане удалось различить вдали лежку неудачливых ночных охотников, он покричал им и помахал над головой шестом.

– Мы не будем их ждать? – осипшим голосом спросила Кристина.

– Зачем? По-моему, мы легко обойдемся без них.

– Вчера ты говорил иное. – Кристи попыталась откашляться, но ее голос остался осипшим.

– Шучу. Но они должны поверить, что это не шутка.

Очертания шести человек, оставшихся позади, долго не желали таять в тумане. Встающее на востоке красное зарево споро подбирало сырость над болотом, и два человека, связанные между собой грязной веревкой, шли навстречу зареву, а за ними по потревоженному зыбуну с шелестом и шипением волочился ящик.

Через полчаса сделали большой крюк, обходя заведомую топь, и подверглись нападению небольшой змеи, которую Эрвин заметил вовремя и просто-напросто отшвырнул концом шеста. А спустя еще час неожиданно наткнулись на человека.

Даже Эрвину потребовалось усилие, чтобы поверить, что перед ним именно человек, а не очередной представитель болотной фауны. Все в нем протестовало против определения «человек» – и крайнее истощение, и перемежающиеся слои давнишней и свежей грязи, совершенно скрывшие обрывки одежды, и волосы, сбившиеся в неимоверный колтун, и полная грязи и водорослей борода, и черное лицо. Лишь глаза – воспаленные, полные гноя и боли – говорили о том, что это все-таки человек, а не человекоподобное пресмыкающееся.

Человек не шел – полз. Он не мог идти: его правая нога была сломана и, раздуваясь, примотанная оторванными от

штанины полосами к обломку шеста, безжизненно волочилась по грязи. Упорно, неостановимо, оставляя за собой борозду, человек с глухим рычанием подтягивался на локтях, подтаскивал под себя здоровую ногу, бросал тело на полшага вперед и медленно, с мучительным стоном поднимал лицо над болотной жижицей, моргая и щурясь перед следующим броском.

Эрвина и Кристи он заметил в пяти шагах, а заметив, перестал стонать и с рычанием попытался сесть, опираясь на левую руку, тут же ушедшую в зыбун по локоть. В правой руке оказался обломок ножа. Черные губы шевельнулись:

– Не...под...хо...ди...у...бью...

Брезгливость и жалость боролись в глазах Кристины. Потянув носом воздух, Эрвин обошел ползуна, заходя с наветренной стороны.

– Не тронем. Давно ползешь?

Человек не то зарычал, не то застонал, с ненавистью глядя на Эрвина.

– Между прочим, Счастливые острова в противоположной стороне, – заметил тот.

Судя по всему, человек это знал.

– Надо найти головастика, – сказала Кристи.

– Зачем?

– Он умирает с голоду.

– А ты хочешь, чтобы умерли мы? Ты еще скажи, что мы должны взять его с собой к Счастливым островам, куда он

вовсе не хочет.

– Все равно. – Кристи вызывающе тряхнула головой. – Ты как хочешь, а я поохочусь. Для него. Пусти!

Эрвин придержал ее за веревку.

– Хорошо подумала?

– Да! И не вздумай мне мешать!

Казалось, Эрвин колеблется. Затем он ухмыльнулся и почесал щетинистый подбородок.

– Идет. Поохотимся вместе.

Поиски в лужах дали четырех головастика. Эрвин подвигал кадыком, когда Кристи завладела ими, но сказал только: «Поосторожнее», – и вовремя, потому что человек внезапно махнул наотмашь обломком ножа, едва не распоров женщине ногу.

– Предупреждал ведь, – проворчал Эрвин, завладевая пищей. – Эй, ты! Есть будешь? В нашей забегаловке закуска бесплатная.

Новый взмах обломком ножа. Не удержав равновесия, человек плюхнулся лицом в грязь, но сейчас же с рычанием поднял голову.

– Дурак, – прокомментировал Эрвин, садясь на корточки. – Дают – бери. Мы не голодны. Нас выгнали на болото всего три дня назад, не видно разве?

Человек со стоном перевалился на другой бок. Было ясно, что он ни за что не хочет расстаться со своим жалким оружием, но все же решил рискнуть опереться на вооруженную

руку. Вслед за тем грязная лапа в одно мгновение сгребла извивающихся головастика с ладони Эрвина и, не уронив ни одного, столь же мгновенно вбила их в распахнувшийся провал рта. Человек яростно заработал челюстями.

– Мы не враги, – участливо проговорила Кристи.

Человек не обратил на нее внимания. Его воспаленные безумные глаза вперились в Эрвина как приклеенные.

– Еще, – сказал он. – Есть. Ты кто? Почему? Еще.

– Давно ползешь? – спросил Эрвин.

– Давно. Нет. Не знаю. Еще.

– Ты с Гнилой мели?

– Нет. Не дошли. Заблудились. Солнца нет. Еды мало. Со всем нет еды. Людей много... было. Еще!

– Куда ты ползешь?

– Назад. На берег. Где твердо. Не мягко, не жидко. Твердо. Меня простят, я знаю. Я доползу. Болото кончится. Меня простят. Еще еды!

Эрвин жестом остановил Кристи, собиравшуюся что-то сказать.

– Дорога впереди безопасна? На каком протяжении?

– Еще еды!

– Сначала расскажи о дороге.

– Чисто. Два, три дня ползком. Может, четыре, не помню. Еды! Дай еды!

– Извини, – сказал Эрвин, поднимаясь с корточек, – у меня больше нет. Мне очень жаль.

Ползущий человек был еще виден, когда Кристи на ходу обернулась к Эрвину, готовая вылить на него гнев и презрение, и осеклась – занятый какими-то своими мыслями, Эрвин молча качал головой.

– Что? – спросила Кристи.

– Ничего. Чистоплюй я, оказывается. Всегда полезно узнать о себе новое, но не всегда приятно.

– У него гангрена, да?

– Она самая. Но он умрет не от нее. Хорошо бы на него наткнулся Юст и утопил из жалости. Я, как видишь, не смог.

– Юст – из жалости?

– А мне плевать ради чего. Пусть хоть для удовольствия... или зарежет на мясо для себя и своих остолопов. Только это вряд ли: животы еще не подвело, побоится бунта. Заметила, как наш ползун успокоился, когда узнал про наши три дня на болоте? Мы еще не готовы к людоедству, вот в чем дело. На его беду. Далеко он не уползет, это ясно. Достанется змеям, а это... малоприятно.

– Мог бы, по крайней мере, найти ему еще пару головастиков.

– Хватит и того, что мы дали. За информацию надо платить. Мы заплатили.

– Он человек! – Кристи попыталась крикнуть, но ей удалось лишь просипеть.

– Он мертвец, и нам с тобой этого не изменить. А мы с тобой хотим дойти до Счастливых островов.

Несколько минут они шли молча, держась возле борозды, оставленной ползущим человеком. Понемногу плечи Кристины начали вздрагивать, и когда рыдающий крик перепугал мелких крылатых созданий, кормящихся на лету болотными насекомыми, Эрвин был готов к этому.

– Сволочи! Гады! Чистенькие! Изгнание – высшая мера! Нет презренной профессии палача! Не существует за ненадобностью! Жечь людей лучеметом – гуманизм не позволяет! Толкнуть в кордонный невод, чтобы порвало на мелкие кусочки, – тоже нельзя, человеческая жизнь священна! Ни один законопослушный кретин не должен быть запятнан убийством! Идите – впереди Счастливые острова! Ах, сволочи!..

– Перестань, – хмуро приказал Эрвин.

– Это придумали такие же чистоплюи, как ты! Скажешь нет? Ну скажи!

– Да, – сказал Эрвин. – Это придумали такие чистоплюи, как я. Другие чистоплюи возвели придумку в закон, третьи не возразили. Четвертые за чистоплюйство платят. А теперь прекрати истерику, успокойся и смотри под ноги.

– Я спокойна!

– Тебе так кажется. Можешь заодно опротестовать закон всемирного тяготения. Очень перспективно.

– Ты! – Кристи с яростью обернулась. Какое-то мгновение Эрвину казалось, что она кинется на него, как дикая кошка. – Скотина! Мразь! Ублюдок!

– Я ублюдок, который хочет дойти до Счастливых островов, – напомнил Эрвин.

– Засунь их себе в задницу, свои острова!

– Рад бы – не влезут. – Эрвин улыбнулся углом рта. – Стоп. Клади шест. Привал до готовности.

– Я могу идти!

– Ты – можешь. А я не пойду с тобой в связке, пока ты не придешь в себя. Садись, отдыхай. Я пока поищу головастика, перекусим. Вон та лужа, по-моему, перспективная. Любишь головастика, а?

Глава 6

Семь

Борозда, вспаханная ползущим человеком, неровно извиваясь, упрямо вела к востоку. Успокоившись, Кристи приободрилась. В самом деле, если уж полумертвый от голода калека сумел проползти здесь и уцелеть, двое здоровых людей, пусть уставших, но еще далеко не обессиленных, пройдут легко. Жаль, конечно, несчастного, погибнет... но ведь он так и так обречен. До материка ему не доползти ни при каких обстоятельствах, а если небеса все же сжалятся над безумцем, уберут с его пути гиблые топи и прожорливое зверье, если дадут ему сил выползти на берег, то сделают это лишь для того, чтобы там его сожгли лучеметом. А Эрвин... Эрвин прав. Жесткий рациональный подход – только так, по-видимому, можно здесь уцелеть... и рано или поздно дойти, дочавкать, доползти, если придется, до Счастливых островов. Пробыться к тверди через болотные хляби – и жить. Просто жить, не дрожа от страха каждую минуту. И ходить по твердому, и спать на твердом...

Она попыталась представить себе глубину болотной хляби под ногами. Сколько там ее – десять метров трясины? двадцать? сто? К своему удивлению, Кристи не ощутила ужаса. Мысль о холодной вязкой ловушке под тонким ковром живых и гнилых водорослей сделалась привычной и больше не

вгоняла в дрожь. Где-то там, в черной глубине, сидят в засаде гигантские хищные твари, зреют пузыри газа, готовятся к извержению грязевые гейзеры – что ж, ни у кого и не было сомнений, что это болото несовместимо с человеком, все правильно. Жить в нем нельзя, но можно уцелеть какое-то время и успеть дойти до Счастливых островов. Особенно если не быть жалостливой душой и не испытывать без нужды терпение Эрвина... Он знает, что делает. Что можно принять умом, то можно принять и сердцем.

И чем раньше, тем лучше.

Не успели пройти вдоль борозды и трех километров, как Эрвин вновь распорядился устроить привал. Несмотря на данное себе слово, Кристи не удержалась от недоуменного вопроса:

– Зачем?

– Подождем наших попутчиков. Вон там, в сторонке.

– Какой смысл? Тот человек прополз тут без проблем.

– Вот именно, – сухо ответил Эрвин и вдаваться в более пространные объяснения не пожелал.

Размытое пятно солнца давно собралось в аккуратный оранжево-красный диск, большой, как суповая тарелка. Заметно пригревало. Ночное оцепенение покинуло головастиков; выбравшись из сплетения морских трав, они кишмя кишели в лужах и не так-то легко давали себя поймать. Большие гляцевые черви – возможно личинки местных змей – пресмыкались на поверхности, временами легко ныряя в

зыбун. От мошкеры звенело в ушах. Питающиеся ею мелкие крылатые создания поднялись повыше и жировали, попискивая. Одна крупная крылатая тварь сделала несколько сужающихся кругов над присевшими на ящик людьми, заставив Эрвина на всякий случай подобрать шест, но не решилась атаковать, сглотнула на лету мелкого летуна, зловеще квакнула и улетела. Очень далеко на севере один за другим поднялись два хищных языка, покачались и втянулись в болото. Кристи, охнув, хлопнула себя по щеке и продемонстрировала Эрвину раздавленное насекомое.

– Оно меня укусило!

– Это хорошо.

– Не поняла! Больно, между прочим...

– Кто бы сомневался. А хорошо потому, что вообще-то у здешних кровососов иной пищевой ресурс. Не человеческий.

– Ну и что?

– Похоже, до Гнилой мели не так далеко, как я думал. Если, конечно, эта букашка не залетела с материка. Но это вряд ли: ветер восточный.

Кристи яростно поскребла ногтями зудящую щеку и охнула. В месте укуса уже успел возникнуть болезненный волдырь.

– На Гнилой мели что, в самом деле много людей?

– Думаю, да. Есть кого кусать.

Кристи передернуло.

– Мы ведь там не останемся, правда?

Эрвин молча кивнул.

– О чем ты думаешь? – спросила Кристи.

– Я не думаю. Я считаю.

– Наши шансы?

– Отстань.

Людей Юста пришлось дожидаться дольше, чем предполагала Кристи. Вероятно, они тоже встретились с ползущим калекой и потеряли время, зато теперь продвигались довольно быстро, держась возле борозды. Как видно, сегодня Лейле дали передохнуть – на этот раз первой шла Кубышечка, без шеста, но все-таки в мокроступах. Юст, как и прежде, держался четвертым.

Эрвин размотал бич, но он не понадобился. Шесть человек прошли мимо, не остановившись для отдыха, не сделав попытки напасть. Проверенная дорога вела их на восток. Никто не сказал ни слова, только Юст одарил Эрвина тяжелым взглядом и плюнул сквозь зубы.

– Мы пойдем за ними, да? – спросила Кристи.

– Умница, – проворчал Эрвин, сматывая бич. – Все понимаешь.

– Ты боишься идти первым? По пробитой дороге?

– Вот именно поэтому. Язычники чувствуют движение болотного ковра. И умеют ползать там, в трясине.

– Так быстро?

– Я не знаю, быстро или нет. И никто не знает. Зато я знаю наверняка, что наш ползун соврал. Безопасных дорог на бо-

лоте не бывает. Юст поверил – я нет.

– Зачем ему врать?

– А зачем ему говорить правду? В глубине души он знает, что не выползет из болота. Он измученный калека, а мы пока нет – разве это не повод ненавидеть нас? И потом, разве мы вернемся, чтобы наказать его за обман?

Покачив головой, Кристи принужденно рассмеялась.

– И за что только ты ненавидишь людей...

– За глупость. Хотя живу только благодаря ей. Забавный парадокс.

– А я – за подлость.

– Это то же самое. Подлец – не более чем эгоист, просчитывающий свое будущее лишь на один шаг, а значит, тот же глупец. Мудрый эгоист слывет альтруистом.

– Особенно ты! – не удержалась Кристи.

Эрвин улыбнулся:

– Я не мудрец, а вычислитель... Готова? Пошли.

Они шли и час, и два, и три. Шестеро впереди также не останавливались на отдых. Красное солнце, удобно устроившись в зените, добросовестно жарило, словно собралось иссушить болото. Вонючие испарения заставляли дрожать горизонт. Пот заливал глаза. Болотные насекомые тучами роились вокруг путников, набивались за пазуху, норовили залететь в нос, но ни одно не ужалило. Никакой опасности не наблюдалось ни снизу, ни сверху, ни с боков. После полудня Кристи потребовала от Эрвина признать, что он ошибся в

своих расчетах, однако тот отрицательно мотнул головой:

– Гляди в оба.

– А тот... ему что, перебили ногу в драке?

– Может быть.

– Ты в это не веришь, да?

– Я не знаю... Стой!

Сказано было не громко и не веско – Кристи остановил не голос, а рывок натянувшейся веревки.

– Что такое?

– Когда я говорю «стой», это значит именно стой, а не иди, – пробурчал Эрвин, отмахивая от лица мошкарю. – Глянь вправо от себя. Да не вдаль, оно от тебя в двух шагах... Видишь? Вон тот грязный пятачок.

– Вижу. – Кристи опасливо отшагнула влево.

– Здесь росла лоза-бичевка. Только что. Не знаю, как называется это растение по-научному, а на местном жаргоне – лоза-бичевка.

– Это на каком местном жаргоне? – прищурилась Кристи.

– На жаргоне прибрежного населения, разумеется, – пояснил Эрвин. – Один раз я сопровождал Сукхадарьяна в его поездке по побережью.

– Ну и что?

– Только то, что у Юста теперь есть бич. Пошли, нечего стоять.

– Обязательно надо было показывать? – зло спросила Кристи. – Словами сказать не мог, да?

– А ты моим словам веришь? – ухмыльнулся Эрвин.

Прошел еще час, и красное солнце начало жечь затылок, а под ноги идущим легли короткие тени. Временами среди плотного сплетения водорослей попадались кочки, поросшие ядовито-зеленым мхом, и даже кусты. Сразу две стайки некрупных животных быстро-быстро пробежали в отдалении и исчезли.

– Они съедобны? – спросила Кристи, провожая их голодными глазами.

– Кажется, да. Но поймать их можно только случайно. Чересчур прыткие.

– Как это случайно?

– Отнять у хищника. Или наткнуться на гнездо. Должны же они где-то выводить свое потомство... Вот что, прибавь-ка ходу. Эти ненормальные прямо бегут.

Люди Юста и в самом деле ушли далеко вперед, и пришлось поднажать, чтобы приблизиться к ним. Километр за километром оставался позади, а борозда, вспаханная проползшим здесь человеком и уже понемногу затягивающаяся, по-прежнему вела на восток. Иногда угадывалась лежка – здесь калека отдыхал или коротал ночь. Ни один хищник не попался на глаза, и болотный ковер казался надежным. Проверенная, безопасная дорога... Идти и идти по ней без остановки, уходить в болото все дальше и дальше, а там и Гнилая мель, где наверняка нет кошмарных донных моллюсков-язычников, где даже живут люди, – но не останавливать-

ся там, а сразу двинуться к Счастливым островам... только бы подольше не кончалась эта надежная дорога...

Так думала Кристи, пока до нее не долетел отчаянный вопль Кубышечки. Было хорошо видно, как люди Юста метнулись в сторону и остановились, пробежав несколько шагов.

– Так я и знал, что это не язычник, – проговорил Эрвин. – Там что-то другое, не пойму что...

Это и вправду оказался не язычник. Над болотным ковром, низко стелясь, покачивалось нечто змееподобное, похожее на покрытую чешуей пожарную кишку, шарило на ощупь безглазой головой, беззвучно разевало усеянную зубами пасть. Захлебываясь слезами, Кубышечка надрывно кричала и, волоча окровавленную ногу, пыталась отползти. Понемногу это ей удавалось – как удалось обреченному, встретившемуся утром. Не найдя добычи, «пожарная кишка» негромко заскрипела, встопорщила зеленоватые чешуйки, похожие на мелкие листья, отчего стало ясно, что это скорее растение, нежели животное, и, раззявив пасть, поднявшись над болотом во весь рост, замерла, как видно, в намерении принять солнечную ванну. С мощных зубов-пил срывались капельки прозрачной жидкости.

– Ядовитая тварь, – объяснил Эрвин, отвернувшись. – Но, похоже, на человека ее яд не действует. Голень насквозь прокусила – это да.

– Заткнись! – крикнула Кристи и всхлипнула.

– Пожалуйста. Заткнулся.

– Ты все знал заранее!

– Ага. И ты тоже.

Навзрыд, как ребенок, рыдала Кубышечка, размазывая по лицу слезы и грязь. На нее старались не смотреть, но все-таки смотрели украдкой. Ян Обермайер по прозвищу Скелет беззвучно шептал, прося о чем-то Господа Вездесущего. Во взглядах, бросаемых на Эрвина, читалась неприкрытая ненависть проигравших к выигравшему.

– Ты за это заплатишь, – с угрозой пообещал Юст.

– За твою глупость заплатят они. – Эрвин небрежно кивнул на его спутников.

– Тебе конец, умник! Ты труп, запомни!

Эрвин не ответил, но снял с плеча бич. Опомнившаяся Кристи судорожно ухватила за рукоятку ножа.

Широко размахнувшись, едва не задев Джоба, Юст стегнул бичом. Со второго удара «пожарную кишку» перебило надвое, отсеченная часть принялась бешено извиваться, кусая водоросли, брызгая зеленой пеной; обрубок втянулся в зыбун.

Никто не напал на Эрвина и Кристи, когда они обходили людей Юста по широкой дуге, хоть Лейла скрипела зубами от ярости, а на грязном страшном лице Юста катались желваки.

Борозды впереди больше не было – встреченный утром человек дошел до этого места и, брошенный товарищами,

начал отсюда свой путь ползком в никуда.

Не успели отойти на полсотни шагов, как Эрвин объявил, что пойдет первым. На один миг болезненная гримаса Кристи сменилась удивлением.

– Ты – первым? Что-то новенькое.

– Кусачая тварь – растение. Многие растения растут группами. Ты не умеешь драться бичом, а у меня какой-никакой опыт, понятно?

– Понятно.

– И будь добра, не заставляй меня всякий раз объяснять тебе то, что я делаю!

– Извини...

То ли хищное растение росло и поджидало добычу в одиночестве, то ли выбранный Эрвином путь оказался удачным, но повторных атак не последовало, и бич остался без работы. Кристи снова начала всхлипывать.

– В чем дело?

– Она улететь отсюда хотела...

– По-моему, ты тоже не отказалась бы. А я даже попытался. В чем разница?

– В том, что искалечена она, а не ты. Ты подумал о том, что с ней будет?

– Отберут у нее мокроступы и пойдут дальше. Ей мокроступы уже ни к чему. А нож у нее давно забрали, что досадно. Нам бы пригодился третий нож – пику бы сделали. Полезная вещь. Пожалуй, за нож я бы даже рискнул схватиться

с Юстом на бичах.

– Ты всех их подставил!

– А ты бы хотела, чтобы они нас?

– Она на твоей совести!

– Вовсе нет. Она подвернулась под руку во время переворота, и здесь никто не виноват, даже судья. Случайность. А другая случайность состоит в том, что она не утонула в трясине в первый же день. Признаюсь, не ожидал... Оглянись назад: та компания идет за нами?

– Идет.

– Значит, не стали добивать. Милостивцы!.. Вот что, давай-ка иди вперед, опасное место мы, кажется, прошли.

Отчаянные крики Кубышечки мало-помалу затихали вдали и наконец перестали быть слышны. Размеренно чавкали мокроступы. Шурша, полз ящик. Огромное красное солнце клонилось к закату. Казалось, оно оглушительно зашипит, коснувшись болота.

– Ха! – сказал вдруг Эрвин. – Я нашел решение.

Кристи оглянулась – ее спутник улыбался и был, по-видимому, чрезвычайно доволен собой.

– Какое решение?

– Численное, конечно. Не общее. Решение задачи трех тел с массами один, три и пять. Я нашел начальные условия, при которых из системы выбрасывается самое массивное тело.

Кристи смолчала.

Этой ночью они почти не разговаривали и не сидели в обнимку – ночь выдалась теплой. При свете трех лун сумели даже поохотиться на головастика, в изобилии шнырявших в мелких лужах, и кое-как заглушили голод. Спали по очереди: трехлунной ночью далеко видно, заметят люди Юста, что сон сморил обоих, – нападения не избежать. И кто знает, не шастают ли по болоту негуманоидные хищники? Не все же они сидят в засаде, ожидая, когда колыхнется под дичью болотный ковер. Помимо язычников и зубастых растений могут быть и иные плотояды: бегающие, ползающие, летающие...

Кристи дежурила вторую половину ночи, и ей все казалось, что она слышит далекий, безнадежный плач брошенной на болоте Кубышечки. Конечно, только казалось, и она понимала это, но не раз вскакивала с ящика и прислушивалась.

Ночь не принесла беды. Утром компания Юста попыталась было нагло пристроиться сзади чуть ли не след в след, но отстала, едва Эрвин демонстративно свернул в сторону заведомой трясины. После нескольких хитрых маневров пошли, как раньше: двумя параллельными связками, с той разницей, что более длинная укоротилась на одного человека и находилась не справа, а слева. Впереди ее на этот раз выша-

гивал Джоб. Как видно, Юст, по-прежнему идущий в середине связки, решил поберечь доказавшую свою живучесть Лейлу.

– Пахан, пахан, а политик, – фыркнул Эрвин, кивнув влево, и тут же, ругнувшись, хлопнул на щеке кусачее насекомое. – Справедливость, мол, и очередность. Соображает, что близко Гнилая мель.

– И что?

– Перед Гнилой мелью ему обиженных и озлобленных не надо.

– Ты просто не слышал, – возразила Кристи. – Он с этой девкой полночи возился, сопел на все болото. Надо думать, понравилось.

– И поэтому решил ее поберечь? – насмешливо отозвался Эрвин. – Зря так думаешь. Одно другому не помеха.

Утро еще не перетекло в день, когда горизонт на юго-востоке покрылся неровной корочкой. Кристи невольно ускорила шаги.

– Это... лес? Там остров?

– Не знаю. – Голос Эрвина выдавал недоумение. – Может быть, дальше щупальце Гнилой мели. Подойдем поближе – увидим.

Прошел час, и корочка, переместившись по правую руку, действительно превратилась в рощу, но стало также ясно, что это еще не Гнилая мель. Округлый заболоченный островок приютил на себе сотни низкорослых деревцев и

непролазные заросли кустарника. Над весело зеленеющим подростом корявыми свечками торчали мертвые сухие стволы задущенных болотом деревьев постарше. Многие накренились, но еще держались, и после смерти продолжая цепляться за неверную почву подгнившими корнями.

– Свернем? – предложила Кристи.

– Нет. Лишний крюк.

Кристи вздохнула.

– Жаль, вчера не дошли до этого места. Костер бы развели, высушились, погрелись...

– Ты разве замерзла?

– Я устала. А там хорошее место для отдыха. А то и для дневки.

Эрвин колебался, скреб пальцами щетинистый подбородок. Кристи оглянулась с надеждой:

– Может, все-таки свернем, а? Хорошее место.

– Даже очень. Первое приличное место из всех мест, какие мы видели. Это-то и плохо. Не нравятся мне приличные места в Саргассовом болоте. Пари держу, что оно занято.

– Кем? Людьми?

– Если не хуже. Перетерпим. Давай-ка вперед помалу. Не нашумим, так, может, и проскочим.

Не проскочили. В одно мгновение лесной подрост взбурлил, подобно кипящей воде, и воздух над рощей почернел. Донесся шум, как от налетевшего шквала. Уже знакомые черные крылатые твари на сей раз всерьез заинтересовались

людьми. Их были тысячи, тысячи, тысячи... Гигантская стая затмила солнце, выбирая момент для атаки на двуногую пищу, осмелившуюся прогуливаться возле ее гнездовий. Как дождь, заморосил помет.

– Спина к спине! – крикнул Эрвин. – Маши шестом во всю дурь! Отступаем к этим... – Он не договорил, к кому, но Кристи поняла. Семь шестов лучше двух.

Потом командовать стало некогда. Атаки шли волнами, одна за другой. Хриплый ор повис над головами. Сбитые наземь твари корчились, злобно разева пасти, угрожающе выставляя вперед бритвенно-режущие кромки крыльев. От шестов летели щепки. Одну тварь, вильнувшую вбок от шеста, немедленно рассекло пополам точно такой же тварью. Шесты вносили неразбериху в волны штурмующих, и только это позволило двум изгнанникам добраться до другой кучки осажденных и всемером составить единый оборонительный круг.

Позднее даже Эрвин со своим чутьем времени не мог сказать, сколько продолжалось сражение: пять минут или час? Он помнил лишь то, что под конец руки онемели и уже с трудом управлялись с шестом. Ни одна боеспособная тварь не прорвалась в оборонительный круг, но то и дело валились подбитые и, уже издыхая, кусали, кромсали, царапались, пока их не втапывали в хлябь мокроступами. Одна вцепилась зубами Эрвину в шею, и он сумел стряхнуть ее под ноги только вместе с клочком кожи и мяса. Никто не заметил перело-

ма в битве, когда волны атакующих тварей стали пожиже и набегали уже не так часто. Затем как-то вдруг выяснилось, что черная туча над головами расточилась по всему окоему, твари нападают поодиночке и все реже, а еще несколько минут спустя семеро окровавленных, столпившихся на угрожающе прогнувшемся зыбуне людей поняли, что на сей раз смерть прошла стороной и можно подсчитать потери.

Никто, даже Юст не избежал ран. И хотя раны в большинстве были мелкие, поверхностные, кровь хлестала так, словно всю жизнь мечтала выбраться на свежий воздух. Кристи отделалась резаной раной предплечья, не считая царапин. Джоб сосал половинку отрубленного мизинца. Лейла замывала водой из лужи рассеченное ухо. У всех от тюремной одежды остались окровавленные, перемазанные помехом лохмотья. Режущие кромки черных тварей рассекли веревку в десятке мест. У Валентина, пострадавшего меньше других, уполовинило шест.

– Сволочи, – густым басом пробубнил Ян Обермайер, по примеру Лейлы промывая рану на колене соленой болотной водичкой. – Могли бы по крайней мере кинуть в ящик аптечку.

– Так было угодно Господу Вездесущему, – зло отбрил Джоб, на секунду вынув изо рта кровоточащий обрубок пальца.

Никто его не поддержал, и тема неожиданного богоборчества проповедника развития не получила.

– Уходим? – шепнула Кристи.

Эрвин отрицательно мотнул головой и поморщился от боли. Небольшую, но обильно кровоточащую рану на шее он зажимал ладонью.

– Сейчас они опомнятся...

– Я знаю.

Юст получил многочисленные, но неглубокие ранки и, казалось, не обращал на них внимания. Нарочито не спеша, хлюпая мокроступами, он вразвалочку подошел к ящику и, усевшись верхом, демонстративно поерзал сидением, устраиваясь поудобнее. Поигрывая бичом, вожак не скрывал глумливого удовлетворения. Как ни странно, настроен он был, по-видимому, благодушно.

– Что, умники, раздумали спастись вдвоем? Прибежали под крылышко?

Кристи молчала. Эрвин через силу кивнул.

– Ты был прав... Полярный Волк. Прав с самого начала.

– Хочешь присоединиться, а?

Новый кивок. Ленивый замах, свист бича – и испачканный пометом клочок волос соскользнул с головы Эрвина и упал к ногам.

– С тобой беседуют, обосранный. Невежливо молчать.

– Всемером... легче, – выдавил Эрвин.

– Умница! – похвалил Юст. – А куда нам теперь идти, не подскажешь? Что-то я компасу не верю.

– Туда. – Эрвин покорно указал на восток.

– Уверен? – Юст широко ухмыльнулся. – Вот и покажи нам дорогу вместе со своей девкой. А мы уж за вами как-нибудь... мы не гордые. А если не согласен – не держим.

– Согласен. – Эрвин наклонил голову. – Я пойду первым.

Низенький пухлый Валентин скользнул по нему внимательным взглядом и смолчал. Зато торжествующе захохотала Лейла, и хриплый смех отогнал последнюю крылатую тварь, кружащуюся над людьми.

Глава 7

Гнилая мель

– Может, скажешь, для чего тебе это нужно? – вызывающе спросила Кристи, едва тронулись в путь и расстояние, отделившее ее и Эрвина от остальных, внушило уверенность, что ее голос не будет услышан Юстом. – Или ты просто струсил?

– Нет, соскучился. – И Эрвин подмигнул. – В компании веселее.

– А может, тебе нравится роль миноискателя?

– Может, и нравится. Должны же язычники чем-то питаться.

Вымученно улыбнувшись, Кристи покачала головой.

– Я тебя совсем не понимаю.

– И не надо, – хмыкнул Эрвин. – Поверь, так будет лучше.

– Подсчитал оптимальный вариант, что ли? А меня ты спросил?

– Нет. А что, надо спрашивать? Я же сказал: доверься мне. Как по-твоему: почему Юст не потребовал наше оружие? Все будет хорошо, вот увидишь.

– Ты правда пойдешь первым? – недоверчиво спросила Кристи.

– Ага.

– Тебе решать. Я, конечно, не напрашиваюсь... Но вспомни, что ты сам мне говорил.

– Я помню. Устану – сменишь. Пока расслабься.

За день одолели всего ничего. Мало того, что потеряли время, перевязывая раны обрывками одежды, мало того, что потеря крови ослабила людей, а Ян Обермайер охромел и ковылял через силу, так еще дорога вконец испортилась. Не успел остров крылатых тварей отодвинуться к горизонту, как стало ясно, что никакая пуповина не связывает его с Гнилой мелью. Напротив, по всем признакам, глубина болота здесь увеличилась, и зыбун казался не столь надежным. Появились обширные участки топей и открытые полыньи затхлой воды. В иных шумно булькали пузыри болотного газа.

Металлический ящик теперь волочился на веревке следом за Кристи и дважды пригодился всем семерым, когда полыньи смыкались, закрывая путь на восток. Тогда искали пролив поуже и поодиночке переправлялись в ящике, как в пароме. Оба раза Эрвин переправлялся первым под глумливые понукания Юста и завозил конец веревки на тот берег, с величайшей осторожностью загребая шестом, пробуя собой неизведанную пучину под тонким металлическим дном. Во второй раз что-то огромное всплыло к поверхности неподалеку от ящика, но не вынырнуло и не напало, зато ящик закружился в водовороте над НИМ, когда ОНО вновь ушло в глубину.

И все же к вечеру опасная зона была пройдена, под ногами зачавкал обыкновенный зыбун. Проклятый лесистый остров, все еще ясно различимый на западе, иззубрил снизу баг-

ряный полукруг заходящего солнца. Все выбились из сил, зато далеко на востоке смутно обозначилась темная полоска, и Юст, взобравшись на ящик, долго вглядывался в горизонт, после чего объявил, что это и есть Гнилая мель.

Еще вчера это известие приободрило бы каждого – сегодня оно не произвело должного впечатления. Никто не пошел собирать головастика, сил у людей едва хватило на то, чтобы нагрести под себя сырых водорослей и провалиться в сон, как в омут. Юст пинками расталкивал спящих.

– Первую половину ночи дежуришь ты, – сказал он Эрвину, – и ты, – палец ткнулся в Валентина. – Вторую – ты и ты, – указал он на Джоба и Кристи. – Попробуйте мне заснуть. Кто не понял?

– Я понял, Волк, – торопливо отозвался Эрвин. – Не сомневайся, все сделаем как надо.

Кристи отвернулась. Саднила рука под уродливой повязкой, и ныла, жалуясь на усталость, каждая мышца. Пришлось стиснуть зубы, чтобы не разреветься в голос от боли и обиды. Она ошиблась, ошиблась в выборе! Тот, кто казался ей надежным спутником, пусть не героем, но все же мужчиной, защитником, сдал ее обыкновенному бандиту, не авторитету даже, а просто самозванцу... Неужели и вправду вычислил шансы выжить – свои шансы! – и совершил гнусность, выгадывая лишний процент? Вряд ли. Скорее всего он с самого начала морочил ей голову байками о несуществующем советнике-вычислителе поверженного президента этой

гнушной планеты и идиотской задаче трех тел... Трус и болтун, вырядившийся циничным рационалистом! Безголовый и безвольный моллюск! Какой же надо быть душой, чтобы сразу не распознать его, чтобы увидеть твердь там, где ничего нет, кроме хляби...

Смрадно, тяжело дышала трясина, и волнами колыхалсяzybун. Нападали змеи – десятки, сотни проворных гибких тварей, глянцево блестящих в свете многих лун. Язычник высовывал свое лиловое щупальце, хватал луны по одной и утаскивал в топь. Мириады летающих тварей с крыльями, подобными бритве, атаковали стебли хищных растений, извивающихся и клацающих зубами. Кристи хотела бежать, но мокроступы намертво вросли в болотный ковер, пустили упругие ветвистые корни, и не хватало сил нагнуться, чтобы перерезать ремешки. Одна срезанная зубастая «голова», разбрызгивая зеленый сок, упала на нее сверху, впилась в раненую руку и стала поедать живое мясо, причмокивая, давясь и захлебываясь.

Кристи закричала и выплыла из трясины сна. Эрвин тряс ее за плечо. Она села рывком, потревожила руку и от боли проснулась окончательно. Ну конечно! Пришел черед ей сторожить.

– Уже середина ночи? – сердито спросила она и, взглянув на небо, поняла, что ночь уже далеко зашла за половину и вот-вот зарозовеет восток. Невдалеке, сидя на ящике, мирно дремал Джоб. Валентин давно спал и стонал во сне.

– Прости, – сипло выговорил Эрвин, и Кристи поняла, что он держится из последних сил. – Не хотел тебя будить, но... Словом, мне надо поспать хотя бы пару часов, иначе днем я не буду ни на что годен. А день обещает быть незаурядным.

– Конечно. – Кристи с усилием покинула лежку. – Ложись тут.

– Возьми бич. Тут вроде безопасно, но... сама понимаешь. Увидишь змею – бей, но осторожно, иначе отхватишь себе что-нибудь.

Эрвин свалился кулем на примятую кучу водорослей, благодарно пробормотал: «Нагрела место», – и минуту спустя уже блаженно похрапывал, ни о чем не заботясь, словно буквально только что закончил труд титанического объема и неизмеримой сложности. Кристи даже показалось, что он улыбается во сне.

Она толкнула Джоба – тот недовольно забормотал и попытался вновь уснуть. После шлепка по щеке он поднял голову и проныл:

– Не сплю я, не сплю, отстань...

– Вижу, как ты не спишь, – отрезала Кристи. – А ну, встань!

– Чего еще? – недовольно пробубнил клерк. – Сказал же: не сплю.

– Тихо!

– Что? – Сон с Джоба слетел в одно мгновение.

– Кто-то ходит...

– Где?

– Не вижу.

Джоб долго прислушивался.

– Никого нет, – сказал он недовольно. – Показалось.

– Тш-ш-ш!.. Нет, не показалось. Кто-то был только что.

Вот... Чувствуешь, опять?

– Что опять? – Джоб перешел на шепот.

– Зыбун колышется. Но теперь слабее.

– Ничего не чувствую.

– Это не под нами. Кто-то ходит вокруг...

– Кто тут может ходить? – забубнил Джоб. – Эти твари либо ползают, либо летают.

Кристи изо всех сил сжала руку Джоба и, наверно, потревожила обрубок мизинца, потому что Джоб коротко взвыл не своим голосом, выдернул руку и зашипел сквозь зубы, как прохудившийся шланг.

– Тише ты, – шикнула она. – Вот, опять... Неужели не чувствуешь?

– Еще как чувствую, – со злобой объявил Джоб в полный голос. – Тебе бы так почувствовать! Иди спи. Истеричек мне тут не хватало! С видениями!

Кристи не могла сказать, показалось ли ей или обострившийся слух в самом деле уловил чуть слышное чавканье мокроступов, удаляющееся прочь.

До утра ничего не случилось. Она еще дважды пыталась растолкать клюющего носом Джоба, но тот лишь ругался и

ныл, прежде чем вновь уснуть верхом на ящике. Угроза разбудить Юста, чтобы навел порядок, подействовала ненадолго, и в конце концов Кристи оставила попытки. К ней самой сон не шел, а в лунную ночь одного часового вполне достаточно.

Рассвет наступил даже раньше, чем она предполагала. Красное распаренное солнце еще не успело выглянуть из-за горизонта, как стало ясно, кто бродил ночью возле спящих. Две вертикальные черточки вдали, с первого взгляда вроде бы замершие на одном месте, а на самом деле быстро уходящие к Гнилой мели, могли быть только людьми и никем иным.

* * *

Ночной визит незнакомцев встревожил всех, даже Юст казался обеспокоенным и не вполне уверенным в себе.

– Перейдем Гнилую мель ночью, до вечера будем отдыхать, – объявил он и, поколебавшись, добавил без угрозы: – Кто не согласен, пусть скажет.

День занимался ясный, не обещая ни волглой мороси, ни непроглядного тумана. Видимость – как назло – от горизонта до горизонта.

– Через Гнилую мель только ночью, – подобострастно, как показалось Кристи, поддержал Эрвин. – Проскочим, если не нашумим. И лучше обойтись без фонариков. Лун не будет,

зато большой прилив обеспечен, и, думаю, мель затопит. Надеюсь, местным будет не до нас.

Юст посмотрел на него с подозрением.

– Насчет прилива и лун – точно?

– Я подсчитал.

– Гляди, умник, не ошибись... Ну-ка все осмотрелись! Ни у кого ничего не пропало?

Не пропало ни одной вещи – как видно, ночные гости испугались голосов дежурных и не решились приблизиться, – но все понимали главное: новых встреч с обитателями Гнилой мели скорее всего не избежать, и готовились к худшему. С утра никуда не тронулись. Юст обрезал облохматившийся конец веревки, велел расплести ее и привязать ножи к шестам. Долго рыскали по болоту вокруг лагеря в надежде найти лозу-бичевку, но не нашли. Почти не нашлось и головастика – не иначе, на них был изрядный спрос далеко вокруг Гнилой мели. Знакомых хищников не попадалось, а незнакомого либо не увидишь, либо не поймешь, что это хищник, пока он тебя не схватит. Но и незнакомых любителей человеческой плоти не встретилось, кроме жгучей мошкары, ожившей с рассветом. Эрвин первым вымазал лицо грязью и подставил солнцу, чтобы быстрее затвердела защитная корка. Очень скоро его примеру последовали и остальные.

Пищу не делили. Кто замечал головастика, тот, дрожа от голода и вожделения, не мог успокоиться, пока ему не удалось схватить его и отправить в рот, и был безутешен, если

головастик успевал ушмыгнуть в зыбун. Ян Обермайер, чья благообразная седая грива давно уже превратилась в грязный ком, а колено за ночь распухло до того, что пришлось дополнительно надрезать штанину, страдая от боли, попробовал жевать соплодия водорослей, но сейчас же выплюнул их с отвращением и долго отплевывался, мыча и мотая головой.

Он так ничего и не нашел, если не считать нескольких крошечных слизнеобразных созданий, прицепившихся снизу к ленточным водорослям, слишком ничтожных, чтобы тратить силы на их поиски. Проповедник явно это понимал. Никто не знал, могли ли они вообще служить пищей, но, по видимому, яда в них не содержалось.

Полоска Гнилой мели, растаявшая было в лучах восходящего светила, теперь отчетливо различалась на горизонте. Две спешащие к ней далекие фигуры давно исчезли. Ни вблизи, ни вдали ничто не выдавало чужого присутствия.

– Чего им сюда хлюпать? – мрачно озвучил Валентин. – Разведали, сколько нас, теперь ждут. Мимо Гнилой мели не промахнешься.

Никто ему не ответил – глупо возражать против очевидного. Сколь бы недалек умом ни был человек, пять суток в Саргассовом болоте собыют доверчивость с кого угодно. Люди Гнилой мели... можно себе представить, каковы они!

Кристи не пыталась обмануть себя. Многочисленные люди, раз основательно подъели головастиков чуть ли не на

полдня пути вокруг своего обиталища! Вероятно, вечно голодные и наверняка опасные двуногие болотные крысы... Опаснее любого болотного зверя. Расчетливее Эрвина. Цепче Лейлы. Коварнее Юста.

До полудня отдыхали, набираясь сил перед ночным рывком. Спали, разморившись под лучами солнца, искали головастиков, цедили и пили солоноватую грязь, отходили опорожниться и снова спали, пока Обермайер не поднял тревогу, первым заметив медленное колыхание зыбуна. Кто-то большой и грузный нетерпеливо пропихивал громоздкое тело сквозь гиблую торфяную взвесь под зыбуном, торопясь добраться до беспечных существ, осмелившихся топтаться в его владениях. В ста шагах от бивака он ощутил под собою дно, отчего водорослевый ковер над чудовищем вздулся пологим бугром. Бугор рос, приближался.

Был ли это язычник или иная, еще незнакомая тварь, никто не собирался выяснять.

Теперь первую связку возглавлял Валентин – так распорядился Юст. Эрвина он поставил вторым, за ним Кристи. Сам встал во второй связке между Лейлой и Джобом, которому выпало послужить буксиром для Обермайера – тот плелся последним, сильно припадая на больную ногу.

Кристи заметила, что Эрвин держит голову несколько набок.

– Как твоя шея, болит? – не выдержала она.

Эрвин с усилием повернул голову. Кристи показалось,

что, не будь его лицо скрыто под коркой грязи, оно все равно было бы черным.

– Кусаная рана. Я бы предпочел резаную. Наверно, в слюне той твари была какая-то гадость...

– Я могу взять твой рюкзачок.

– Не нужно. Ты и без того тянешь ящик.

Чем яснее вырисовывалась темная полоса на горизонте, тем легче становилось идти. Никто больше не проваливался, хотя жижа по-прежнему охотно выдавливалась из-под мокроступов. Ленточных водорослей стало меньше, появился мох. Кое-где укоренились чахлые корявые кусты. Болото словно вывернулось наизнанку, явив иную свою сторону – надежную и по сравнению с оставшимися за спиной хлябями почти приветливую.

Солнце еще висело высоко, когда полоса на горизонте расширилась и придвинулась. Отсюда уже можно было разглядеть сплошные заросли кустов, обрамляющих Гнилую мель, а может быть, и покрывающих ее целиком. Здесь и остановились, чтобы дожидаться темноты. Юст проткнул шестом пружинящий субстрат под ногами и, вогнав в него шест едва ли не на всю длину, нащупал дно. Пожалуй, нападения язычника здесь можно было не опасаться.

Люди не показывались.

– За нами наблюдают, да? – шепнула Кристи Эрвину, улучив момент.

Тот кивнул:

– Наверняка. Ты устала?

– Немного. Больше есть хочется. Язычника бы съела, двусторчатый он там или нет. Вместе со створками.

– На, держи.

Эрвин разжал грязный кулак – на ладони оказались три некрупных головастика, неподвижных и помятых. Два черных, глянцевого, и один пятнистый. Когда Эрвин успел их поймать, как сумел припрятать и чего ему стоило отказаться от них самому, осталось неизвестным.

Кристи непроизвольно сглотнула.

– Это... для меня? – Ее голос дрогнул.

Эрвин кивнул. На добытую пищу он старался не смотреть.

Не в силах отвести взгляд от ладони Эрвина, Кристи замотала головой.

– Я не могу их взять...

– Мне силой тебя кормить? – В голосе Эрвина прозвучала злость. – Ешь быстрее, пока никто не видит.

Этот последний толчок разрушил хлипкую запруду гордости. В одну секунду от трех пропахших мужским потом жалких созданий не осталось и следа.

– Спасибо...

– После будешь благодарить, на Счастливых островах, – проворчал Эрвин. – А пока считай, что я это сделал из эгоизма. Сегодня ночью... придется поработать. Всем, даже Юсту. И тебе тоже. Так что шататься от голода погоди пока.

– А потом? – спросила Кристи.

– Что потом?

– Ты пресмыкался перед Юстом только для того, чтобы вместе перейти Гнилую мель? Потом мы уйдем от него, да?

Эрвин пожал плечами.

– Там посмотрим.

* * *

Треск ломаемых кустов – и луч фонарика выхватил из темноты коренастую человеческую фигуру. Над кустами возникли головы и плечи еще нескольких.

Даже многих.

В единый миг надежда обмануть карауливших рассыпалась в труху. Напрасно сделали обманный зигзаг, до захода последней из лун двигаясь к Гнилой мели наискось на север и уже при свете одних только звезд резко повернув к югу.

Начинался прилив. Зыбун медленно поднимался вместе с кустами. Влажный мох под ногами превращался в зыбучее месиво.

Веревка ослабла – Валентин подался назад. Юст выругался и сплюнул.

Выступивший вперед человек был одет в лохмотья, но все-таки не гол, чего нельзя было сказать о его спутниках. Но спутанные бороды у всех равно спускались на грудь, и корка засохшей грязи равно покрывала лица.

– Меня зовут Крюк. Просто Крюк, понятно? Я тут глав-

ный.

– Рад познакомиться, – оскалился Юст. – Ты там главный, а я тут.

– За право ступить на мою землю вы отдадите мне одну женщину, пять крепких ножей и всю веревку, – продолжал Крюк, не обращая внимания. – Ваше право жить среди нас обойдется вам еще в два ножа, два топора, семь шестов и этот ящик. Наконец, за то, что вы пытались обмануть нас и увильнуть от пошлины, вы заплатите штраф: отдадите обеих женщин, все оружие, всю одежду и все ваши вещи, кроме мисок. Миски оставьте себе.

– Ха! – бешено крикнул Юст.

– Мы не собираемся у вас оставаться, – высоким и как бы жалующимся голосом встрял Джоб. – Сами живите на Гнилой мели! Мы пойдем к Счастливым островам.

Крюк засмеялся. Загоготали, заухали, заперхали его подручные.

– Туда многие уходили, а вернулись только те, кто видел, как подыхали их дружки, – объяснил он, отсмеявшись. – Кто хочет жить, живет здесь. Мы никого не гоним и никого не держим, кроме баб. Надоело жить – иди хоть на материк, хоть к Счастливым островам.

– Это без снаряжения-то? – крикнула Лейла.

Вопрос позабавил аборигенов – в кустах снова заухали. Кто-то залился было радостным смехом с привизгом, но сейчас же подавился хриплым кашлем.

– Конечно без, – снисходительно усмехнулся Крюк под одобрительное хрюканье подпевал. – Зачем добру пропадать вместе с вами? К тебе, девка, это, кстати, не относится.

– Бери баб и дай пройти нам, – угрюмо высказался Юст.

– Нет! – Кристи дернулась и натянула веревку. Лейла зашипела на вдохе.

И снова – хрюканье в кустах.

– Не торгуйся, малыш. – Крюк картинно погрозил пальцем. – Ты знаешь цену.

Не прячясь Юст в крошечной темноте – и тогда было бы ясно: он колеблется.

– Нам надо посоветоваться и решить.

– Здесь решаешь не ты.

По знаку главаря вновь затрещали кусты – выломившись из зарослей, аборигены Гнилой мели споро и привычно брали новоприбывших в кольцо. Их было десятка полтора. Только один из них приволок с собой самодельную пику из шеста и ножа – прочие поигрывали бичами.

– Режь веревки! – неожиданно и дико закричал Эрвин. – Ничего не бросать! Сдвинься теснее!

Оттолкнутый в сторону Валентин едва устоял на ногах, а фонарик из его руки был выхвачен. Эрвин коротко хакнул. Крюк заморгал, ослепленный конусом света, попытался заклонить глаза рукой, отшатнулся назад и с хрипом схватился за шест, ударивший его в грудь и почему-то не отскочивший. По мере того как шест опускался под собственной тяжестью,

а Крюк медленно заваливался навзничь, пятнадцать сантиметров стали, вошедшие ему в подреберье, описывали дугу, расширяя и без того смертельную рану.

Мощного рывка, на который, видимо, рассчитывал Эрвин, надеясь успеть подобрать брошенное с десяти шагов оружие, не получилось: разгонный толчок вогнал ногу вместе с мокроступом по колено в зыбун. Зато опомнился Юст. Его бич свистнул едва ли не раньше бичей грабителей. В непроглядной тьме кто-то взвыл дурным голосом. С рыком, похожим на рев действующего гейзера, Юст прыгнул вперед, заняв подобающее вожаку место на острие прорыва.

Грабители попятились. Нет, они не отказались от лакомой добычи, но поножовщина их ничуть не привлекала. Два-три удачных удара бичом издали – и делай с жертвой что угодно, она уже не поднимется. А поднимется, так все равно истечет кровью и далеко не уйдет.

Бичами они владели умело. Подобно собаке, чья лапа хрустнула на зубах конкурента в драке за пищу, скуляще взвыл Валентин. Фонарик выпал из руки Эрвина, рвущего ногу из цепкой трясины, и упал в грязь. Вскрикнул Обермайер.

– В кусты-ы-ы! – стонал Эрвин, получивший режущий удар бичом, и сам хлестал в ответ, рискуя задеть своих.

Вопли, стоны, хриплый ор... Свист бичей. Длинный порсячий визг. Выброшенная наугад пика входит в мягкое, ударивший бьет еще раз, не понимая, что орудует уже не пи-

кой, а половинкой шеста, вторая же половинка с примотанным ножом, сбритая ударом бича, осталась неведомо где.

Наступая друг другу на пятки, сослепу ввалились в непролазь зарослей, колыхающихся вместе с зыбуном, но успели, успели продрасться, проломиться сквозь самую гущу живым, терзаемым корявыми ветвями тараном и не дали снова замкнуть себя в кольцо.

Словно спина исполинского дышащего животного, ворочалась под двадцатью парами ног переплетенная корнями полутвердь-полухлябь, оторванная приливом от каменного дна. Трещали кусты, хрипели и дрались люди. Кристи вскользь ожгло бичом, и сейчас же кто-то голый, грязный, невыносимо зловонный налетел на нее из темноты, попытался сбить с ног...

Закричав, она оттолкнула его и сама удивилась, когда нападавший, потеряв равновесие, шлепнулся в грязь и очень некстати для себя задергался, зашелся хриплым кашлем. Вскрикнув еще громче и страшнее, Кристи пырнула его острым обломком шеста, стараясь попасть в живот, и попала. Исступленная радость убийства заставила ее ударить еще раз и еще, пока укол чьей-то уцелевшей пики не заставил дергающееся тело скорчиться и замереть. Тогда она увидела, что драться больше не с кем.

Хлестал бичом Эрвин, добивая кого-то визжащего. Юст крушил кусты топором, и в кустах вопили, пытаясь отползти. Сопящий Ян Обермайер с миссионерским усердием втапты-

вал в грязь чье-то быющее, пускающее пузыри тело, и хромота была ему не помеха.

Уцелевшие грабители вовсе не хотели умирать. Они вечно цеплялись за жизнь, называли жизнью собственное гниение на относительно безопасном участке посреди Саргассова болота и тысячу раз были готовы купить такую жизнь ценой чужой жизни. Десятки раз им удавалось обирать новоприбывших до нитки, и это было хорошо, потому что увеличивало шансы прожить подольше, может быть, лишний год или два. Иногда они встречали отпор, и это было плохо, потому что уменьшало шансы на выживание. Тогда лучше было отступить и дожидаться более удобного момента. А может быть – такое тоже случалось – признать вожака пришельцев своим новым вожаком.

– Хватит! – рыдающе воскликнула Кристи. – Да хватит же!

В корявых зарослях вскрикнули особенно пронзительно и смолкли. Тяжело дыша, из кустов выдрался Юст.

– Бегом! – выдохнул он. – Кто отстанет – пожалеет!

Когда бежать стало неважно, задыхаясь, повалились друг на друга. До восточного края Гнилой мели было еще далеко, но каждый был готов кричать от радости и кричал бы, если бы воздух, со свистом врывающийся в легкие, не причинял такой боли, если бы не плыли перед глазами круги – багровые и зеленые...

И если бы каждый не был уверен: первое нападение не

станет последним.

– Все здесь? – скорее простонал, нежели прорычал Юст.

Все были здесь, даже хромой Обермайер. Все, кроме Лейлы. Из оружия удалось сохранить один бич, один топорик, две пики и острый обломок шеста Кристи. Что было совсем удивительно, уцелел даже помятый ящик, влекомый на буксире по кустам и кочкам.

Не было только Лейлы. Когда она исчезла – во время боя или позже, во время бегства, – не мог сказать никто.

Глава 8

Шесть плюс один

– А ты, оказывается, герой, – хрипло выдохнула Кристи. Эрвин тоже не мог отдышаться и поминутно сплевывал.

– Приходится... Я боялся... что Юст попытается... прорваться назад в болото. И попытать счастья в другом месте. Так... ох... так, наверно, другие и делали. Заметила, как Крюк удивился?

– Заметила, как он умер.

– Да, но удивиться он все-таки успел...

– Может быть... Самое главное, что он покойник, а мы прорвались.

Эрвин помотал головой, и от этого движения на лицо Кристи упала капля то ли крови, то ли жидкой грязи.

– Ты думаешь, его некому заменить? И считаешь, что на Гнилой мели только один пахан?

– Она слишком велика для этого?

– Да. Не разговаривай, дыши... Сейчас опять рванем. Чем быстрее проскочим мель, тем живее будем, это даже Юст понимает...

До восхода первой луны успели отмахать километров пять, ориентируясь по звездам. Должно быть, в сухой сезон на Гнилой мели не везде хлюпало под ногами, но большой прилив превратил ее в сплошное месиво грязи. Продирались

вслепую, напролом, то и дело застревая в кустах, проваливаясь в неожиданные ямы, хрипя и ругаясь. Не раз и не два Кристи казалось, что кто-то осторожно и ловко движется параллельно, ни на минуту не упуская из виду крохотный отряд и оставаясь невидимым сам. Она не знала, так ли это было на самом деле.

За час до рассвета все почувствовали, что идти стало легче. Прилив пошел на спад, а в небо выползла вторая луна. Кусты здесь росли не так густо, что давало надежду избежать внезапного нападения. И все же люди не останавливались, даже Обермайер не заикался о привале и ковылял из последних сил.

А потом в миазмы Гнилой топи вплеся иной, полузабытый запах, и среди куп кустов мелькнул дрожащий огонек.

– Костер... – сипло выдохнул Валентин и всхлипнул.

Это действительно был костер, и три голых человекоподобных существа сидели вокруг него на корточках. При первом треске ломаемых кустов они вскочили, дико озираясь, и одно из них схватило бич.

– Ловушка, – безнадежно предположила Кристи, ловя запахи и чувствуя, как ее рот неудержимо наполняется слюной. Сейчас ей больше всего на свете хотелось ошибиться. Ну пусть кто-нибудь возразит ей и высмеет ее! Пусть хоть раз случится чудо и болото сжалится над людьми!..

– Они сами боятся, – возразил Эрвин, снимая с плеча бич.

И верно: увидев шестерых, не расположенных шутить,

трое не стали испытывать судьбу и, быстро похватав что-то разложенное возле костра, наперегонки кинулись туда, где кусты росли погуще. Двое из троих хромали, кажется, на обе ноги, и Кристи мельком подумала, что даже теперь смогла бы, пожалуй, обставить их. Ревматизм у них, что ли? Наверное. Гнилая мель – все-таки не остров...

– Мясо! – алчно выдохнул Джоб.

– Да, – бесцветно подтвердил Эрвин. – Тоже мясо.

Костер больше дымил, чем горел. В дыму коптился надетый на палку окорок, явно принадлежавший самому хищному существу, обитающему на Хляби. Правда, не самому удачливому экземпляру.

– Вот такая, значит, здесь жизнь, – сдавленно произнесла Кристи, отвернувшись от копченой человечины. – Такое, значит, право предлагал нам купить этот Крюк...

– А ты что думала? – рявкнул Юст. – Отдали бы мы им оружие – тут бы нам и конец.

– На Гнилой мели полно народу, всех головастиками не прокормишь, – подтвердил Эрвин и добавил: – Я подсчитал.

– Заткни хайло, умник! – Юст угрожающе двинулся к Эрвину. – Будешь вякать тогда, когда тебя об этом попросят. Понял, нет?

– Понял.

– Поди сюда.

Эрвин покорно подошел и покорно повернулся спиной, повинуясь короткому приказу. Юст поколебался и сплюнул

под ноги.

– Пшел вон. Ты! – Кивок в сторону Валентина. – Бери это мясо, клади в рюкзак. Отвечаешь за него башкой, понял?

Казалось, Валентин вот-вот захнычет, как ребенок.

– Почему я?!

– Заткнись и делай. Повторять не стану.

Какие движения души отражались на лице Валентина, когда он выполнял приказ, рассмотреть не удалось: большая луна скрылась за облаком.

– Так нельзя, – шепнула Кристи, сглотнув слюну. – Я не стану это есть. Оно когда-то было человеком.

– Сначала человеком, потом изгнанником, потом дичью, – констатировал Эрвин. – А теперь это мясо. Просто мясо.

* * *

На рассвете удалось взять «языка». Голое худосочное создание, сплошь покрытое грязью и фурункулами, пыталось удрать на ревматических ногах, но было схвачено, за звериный вой получило удар по зубам и обещание, что не будет убито и съедено, если начнет говорить членораздельно.

Пленника звали Марк Вонючка, его фамилией никто не поинтересовался. Давно ли он живет здесь? Очень давно. Может быть, полтора года, а может, и два. Он не помнит. Кому это надо – считать время? На Хляби нет смены времен года, а считать дни – глупое занятие. Удалось поесть и

увильнуть от охотников за человечиной – ну и жив. Далеко ли восточный край Гнилой мели? Нет, совсем недалеко, говорил пленник, принюхиваясь к рюкзачку Валентина. Он с удовольствием проводит, если ему дадут немного поесть...

– А жив остаться хочешь? – усмешливо спросил Юст, поигрывая топориком, после чего пленник выразил готовность вести эту странную шестерку куда прикажут, не задавая лишних вопросов и не докучая просьбами.

В самом деле, часа через два под ногами привычно заколыхался болотный ковер. За это время путники трижды видели вдали небольшие шайки аборигенов и не останавливались, понимая, что те не решатся напасть малым числом. Марк Вонючка подтвердил: грабители и охотники за человечиной предпочитают охотиться наверняка, и только самые могучие шайки вступают в схватки с противником, способным огрызнуться. Конечно, на Гнилой мели безопаснее, чем на болоте, язычников нет, и змей совсем мало, зато климат... Даже малая рана, нанесенная ножом или бичом, обязательно загноится и вряд ли когда-нибудь зарубцуется. Во всяком случае, он, Вонючка, таких случаев не знает. Бывает, от пустячной царапины люди живьем гниют, да только еще никому не удавалось спокойно догнить... Обезножешь – конец, ползи в кусты и помирай с голоду, если прежде не найдут. Когда бы с материка постоянно не гнали сюда все новых и новых дурачков, жизнь совсем была бы никуда: большие банды, вроде банды Крюка – не слышали? – живо подъели бы

одиначек, а потом принялись бы друг за друга... Нет, кто из новичков посильнее и при оружии, те, конечно, устраивают. Если набрать десятка полтора верных людей, можно отбить кусок на западном побережье – встречать новеньких. Он, Марк Вонючка, далеко не из самых худших, и пусть его проверят в деле, он не подкачает...

– Ты пойдешь с нами, – бросил Юст.

– Куда? – Замешательство Вонючки длилось недолго. Он с ужасом уставился на восток. – Туда-а?

– Туда. И заткнись. Сто-ой!!!

Отчаянному стартовому рывку Вонючки позавидовал бы любой чемпион по спринту. Правда, прыти в ревматических ногах хватило ненадолго, и через полминуты пленник был настигнут и сбит с ног.

– Я не люблю повторять дважды, – процедил Юст.

– Никто... – Вонючка задыхался, растратив на рывок весь небогатый запас сил. – Никто еще не доходил до Счастливых островов...

– А ты откуда знаешь? – прищурился подошедший Эрвин.

– Никто... – Пленник не слышал. – Лучше уж здесь...

– Побежишь еще раз – и вправду останешься здесь, – сказал Юст. – Но сначала я ударю тебя бичом, запомни. Ударю сильно, чтобы ты не так долго гнил. Я не садист. Ты понял? Повтори.

– Я пойду. – Вонючка усиленно закивал.

– Ты пойдешь первым.

У последней купы кустов остановились наломать корявых веток, чересчур ломких, чтобы послужить добротным материалом для починки уцелевших мокроступов и плетения новых взамен потерянных, но выбирать не приходилось. Ведь выходят же аборигены на болото промыслять головастики? Выходят. И не босыми. Лучше иметь плохую вещь, чем ничего.

Еще до полудня изнемогли все. Чуть только Юст объявил привал, как люди попадали кто где. Вонючка, выбившийся из сил раньше других, моментально заснул, свернувшись вроде эмбриона. Болото здесь было почти таким же, как до Гнилой мели, и зыбун гнулся и пружинил под тяжестью тела. Уронив голову во вдавленную руками ямку, Джоб жадно хлебал соленую торфяную бурду. После ночного броска через Гнилую мель люди напоминали огромные, слабо шевелящиеся комья грязи.

– Может, ты бросишь, наконец, этот ящик? – едва слышно просипела Кристи, не уверенная, что Эрвин услышит. Но он услышал и отрицательно замотал головой.

Она впала в забытие, даже не удивившись тому, что ей уже не хочется ни есть, ни пить, ни жить. Только спать. Ее жалили кусачие насекомые – она не чувствовала укусов. Ей было все равно, проснется она или нет.

Однако она проснулась, когда Эрвин потряс ее за плечо, и поняла, что надо встать и идти. Валентин и Джоб уже стояли на ногах. Юст пинками будил Вонючку. Кряхтя, стара-

ясь зря не тревожить раненую ногу, поднимался Обермайер. Солнце понемногу клонилось к закату, но до темноты еще оставалось несколько часов, а значит, можно было пройти еще несколько километров и устроиться на ночевку чуть-чуть ближе к Счастливым островам.

* * *

– Вот где болото начинается, – сказал Эрвин.

За час до заката все заметили, что идти стало труднее. С каждой сотней шагов болото становилось все менее проходимым. В иных местах непрочный растительный ковер тонул под ногами, и люди шли по колено в бурой жижице. Провалился и с трудом был вытащен Джоб. Теперь уползающий за горизонт краешек солнца ясно освещал обширное топкое пространство, раскинувшееся на востоке. Где оно кончается, разглядеть не удавалось.

– Ночуем здесь, – скомандовал Юст, указав на относительно прочное место. – Завтра мы пройдем эту дрянь.

– Завтра надо повернуть, – неожиданно для всех заявил Вонючка.

Губы Юста искривились в саркастической усмешке.

– Назад на Гнилую мель?

– Не назад. – Вонючка старательно замотал головой. – То есть чуток назад, понятно, а там направо или налево. Все равно. Впереди сплошняком топи, прохода нет. Я помню, я

ходил... давно когда-то...

– Думаешь, правее или левее есть проход?

– Я не знаю... Может, и есть. Только идти надо долго, несколько дней.

Юст выругался.

– Ты уверен? – спросил Эрвин.

– Еще час пути прямо, и все равно придется возвращаться. Только будет гораздо труднее. Там такая жижа... – Вонючку передернуло.

– А в других местах?

– Не знаю, можно ли пройти там или там, – Вонючка махнул рукой на север и на юг, – но прямо идти нельзя, это точно. Умные здесь не ходят, а глупые тонут. Ну, конечно, бывает, что возвращаются чуть живые. Иной раз сидишь себе, смотришь на болото – оттуда еда ползет... Зато помню, однажды собралось человек пятнадцать, сразу двинули на север. Обошли они топь или нет, не знаю, а только больше их на Гнилой мели никто не видел. Может, и дошел кто до Счастливых островов...

– Значит, надо идти вдоль Гнилой мели? – ласково спросил Юст. – Сбежать захотел? – В ответ Вонючка мелко-мелко затряс головой. – Нет? Умный мальчик. Завтра мы пойдем прямо на восток, и ты пойдешь первым. Усвоил?

Вонючка обреченно взглянул на восток и закивал.

В лунном свете Юст разделил еду. Вонючке досталась кость с ошметками мяса, и он набросился на нее по-волчьи,

урча и подвывая. Остальные вели себя более сдержанно. Юст первым подал пример, вонзив зубы в копченую человечину.

– Я не стану это есть! – резко заявила Кристи.

– Твои проблемы. – Некоторое время Юст пребывал в размышлении, не съесть ли ему прямо сейчас второй кусок, затем, раздумав, бросил его обратно в рюкзачок и затянул горловину. – Дежуришь первая – ты. И ты, – кивнул он на Джобба. – Если этот, – кивок в сторону Вонючки, – ночью удерет, пеняйте на себя.

Эрвину выпало дежурить с Обермайером вторую половину ночи. Мучимый икотой, он с трудом заснул на куче мокрых водорослей, но спустя час проснулся и довольно хмыкнул, увидев, что спят только Юст и Валентин. Остальные сгрудились вокруг ящика и о чем-то шептались.

– Стоит начать, и дальше это уже не остановить, – разобрал он голос Кристи. – Кто станет следующим, когда у всех подведет животы? Вонючка? А может быть, ты или я?

Эрвин встал и, разминая затекшие мышцы, подошел к шепчущимся.

– Не спится, – благодушно сообщил он. – Кто хочет спать, ложитесь на мое место. Я подежурю.

– Они хотят уйти, – робко сообщил Джобб, указав на Вонючку и Обермайера. Он явно колебался, не зная, стоит ли вопить, поднимая тревогу.

– О! – удивился Эрвин. – Вдвоем?

– Я говорил с ним о Господе Вездесущем, и он понял, –

низко пророкотал Обермайер. – Пока человек не чувствует Бога повсюду, а главное, в себе, он только червь. Марк первый в моей пастве. Вместе с ним я вернусь на Гнилую мель и буду проповедовать истину. Господь Вездесущий дал нам с тобой разные дороги. Хромому не дойти до Счастливых островов, а проповеднику не должно искать счастья вдали от заблудших душ. Господь Вездесущий указал мне мое настоящее место, и не мне с ним спорить.

Эрвин поскреб в голове и стряхнул с руки ком грязи.

– Ты не передумашь?

Ян Обермайер медленно покачал головой.

– Желаю вам всем дойти до Счастливых островов.

– Желаю тебе не быть съеденным в первый же день, – негромко сказал Эрвин. – Постой... Оставь шест, он тебе не нужен. Иначе я разбужу Юста. Так хочет Господь Вездесущий.

– Бери, червь. – Шест воткнулся в кочку, качнулся и замер в наклонном положении. Зачавкал зыбун под осторожными шагами. Некоторое время было видно, как два нечетких силуэта – человека голого и человека, одетого в лохмотья, – уходят на запад, к тонкому серпу заходящей средней луны. Потом они исчезли из виду.

Первым нарушил молчание Джоб:

– Юст... – сказал он жалобно и вздрогнул всем телом.

– С Юстом придется объясняться тебе, – объявил Эрвин. – Мы с Кристи тоже уходим.

– Как? – выдавил Джоб и вздрогнул еще раз.

– Пешком. Мы вольные люди, разве нет? Кстати, мы zabezем свое имущество и этот шест. Сейчас отойдем немного и дождемся утра. А утром двинемся разными дорогами.

Кристи заморгала. Эрвин выглядел таким же, как всегда, с поправкой на оборванность, грязь и растущую щетину. Скучный, заурядный и непостижимый. И однако же, она все еще жива только благодаря ему.

Интересно знать: о чем он беседовал с Валентином и Джобом в ночь перед Гнилой мелью?

– У нас нет даже ножа, – шепнула Кристи. – Правда, у тебя есть бич...

– Вот именно. Бич в драке лучше топора.

– Ты еще скажи, что подсчитал, как на болоте можно обойтись без ножа...

– Я подсчитал другое. Идем.

Он потянул за веревку, и помятый ящик, тихо шурша, пополз за ним по гнилым водорослям. Помедлив, двинулась и Кристи.

Джоб смотрел им вслед. Он так и не решился поднять тревогу.

К удивлению Кристи, уже через какую-нибудь сотню шагов Эрвин начал искать место понадежнее и, найдя его, сел на ящик, кивком предложив Кристи последовать его примеру.

– Поспи, если хочешь. А я буду ждать.

– Утра? – спросила Кристи, положив голову ему на плечо, и зевнула.

– Гостей.

Гостя выдало колыхание зыбуна. Разбуженный Джобом Валентин едва не прошлепал мокроступами мимо, как видно, убежденный, что Эрвин выбрал место на гораздо большем расстоянии от общего бивака.

– Значит, уходите? – выдохнул он.

– Извини, что не попрощались, – отозвался Эрвин. – Не хотели будить. Тебя Юст послал?

Несколько секунд Валентин о чем-то напряженно думал. Затем, видно, решил взять быка за рога:

– Он не Юст Полярный Волк. Настоящего Юста на Гнилой мели должны были узнать. Настоящий Юст не отдал бы свою женщину. Настоящий в три дня прибрал бы к рукам местную шваль. Если бы ему захотелось пойти к Счастливым островам, он погнал бы перед собой сотню шестерок, чтобы насытить язычников и расчистить путь, и, скорее всего, дошел бы! А может, нашел бы способ вернуться на материк – поквитаться...

– Допустим. – Эрвин усмехнулся. – Но какое мне до всего этого дело?

– Ты еще не понял? – Валентин кривил губы, и корка грязи шевелилась и трескалась на его щетине. – Он легко отдал Лейлу, отдаст и нас. Гнилую мель мы прошли, ему теперь от толпы проку нет. Он всех нас сдаст по дешевке кому угодно:

змеям, язычникам, местным дикарям на мясо... если только не утопит завтра в трясине.

– Вас, – поправил Эрвин. – Вас, а не нас. Мы пойдем так, как сказал Вонючка. А Юст пусть идет прямо. Трясины там хватит на миллион Юстов.

– Ты никуда не уйдешь отсюда? Я сейчас.

И хотя Эрвин отрицательно покачал головой, Валентин торопился, точно боясь, что Эрвин передумает и все-таки уйдет.

– Я опять тебя не понимаю, – сказала Кристи.

– Разве? По-моему, все яснее ясного.

Кристи замотала головой.

– Тебя трудно понять. Сперва мы идем вдвоем и не позволяем себя ограбить. Потом присоединяемся к Юсту, терпим унижения и рискуем гораздо больше, чем нам нужно. Ты дерешься с людоедами на Гнилой мели и сам ешь человечину... – Кристи передернуло. – Я думала, мы сразу покинем Юста и остальных, как только снова окажемся на болоте. Почему мы не ушли сразу?

– Напомни, что я сказал тебе насчет этого перед Гнилой мелью.

– По-моему, ты сказал «посмотрим», только и всего.

– Вот именно, – хмыкнул Эрвин. – Посмотрим, кто уйдет, а кто останется.

Валентин вернулся не один, а с Джобом.

– Мы хотим пойти с вами, – сказал Валентин, и Джоб уси-

ленно закивал. – Можно?

Эрвин задумчиво щипал пальцами оттопыренную нижнюю губу.

– Какое у вас оружие?

– У нас есть нож, – быстро ответил Валентин.

– Один нож на двоих? – Эрвин саркастически усмехнулся. – И ни одного шеста? А сколько у вас веревки?

– Остальное у Юста. – Джоб развел руками. – Второй нож, топорик, шест. Он спит с барахлом в обнимку.

Общее молчание нарушало только одышливое дыхание Джоба. Эрвин продолжал щипать губу.

– Это надо решить, – сказал Валентин, и Джоб снова кивнул, соглашаясь. – Сегодня же решить. Лучше прямо сейчас.

Оба смотрели на Эрвина. Первым, не выдержав встречного взгляда, отвел глаза Джоб.

– Это не мое дело, – бесцветным голосом сказал Эрвин.

– Верно, – понимающе хмыкнул Валентин, – это наше дело. Пошли, бухгалтер.

Зыбун заколыхался под двумя парами мокроступов и успокоился. Два силуэта растаяли. На болото ложился туман.

– Они не прогонят его, – сказала Кристи. – У них духу не хватит ограбить и прогнать. Они собираются убить его, да? Сонного?

– Это не мое дело.

– Вот как? Какое же дело, любопытно знать, ты считаешь

своим? – почти крикнула Кристи.

Эрвин улыбнулся, и несколько чешуек грязи упали с его лица.

– Не шуми, там человек спит. Какое мое дело? Дойти до Счастливых островов, только и всего. Дойти самому и довести тех, кто хочет туда дойти, понятно? Тебя, например.

Двое ушедших вернулись минут через десять, когда Эрвин уже начал проявлять признаки нетерпения.

– Юст? – спросила Кристи.

– Уснул и не проснулся, это бывает, – объявил Валентин. У него дрожали руки.

Джоб усиленно закивал, подтверждая, и, протянув Эрвину рюкзачок, искательно заглянул в глаза.

– Там нож и топорик. Все остальное тоже цело.

Эрвин благосклонно кивнул.

– Можете спать.

Когда оба заснули, он пошарил в рюкзачке и достал кусок подкопченного мяса.

– Ешь, – сказал он, протягивая кусок Кристи. Ей с трудом удалось заставить себя отвести от еды взгляд и изобразить гадливость.

– Я... я не могу, – сказала она и сглотнула.

– Ты должна. Иначе тебе не дойти до Счастливых островов. А я хочу, чтобы ты дошла.

– Зачем?

– Если тебе на себя уже наплевать, сделай хотя бы одол-

жение лично мне, ладно?

– Ты... правда хочешь, чтобы я дошла? – Кристи сморгнула непрошеную слезу.

– Да. Не спрашивай зачем. Мне так надо. Поверь, мы еще забудем весь этот кошмар. Бери и ешь, я отвернусь.

Холодное мясо пахло дымом и оказалось сладковатым на вкус. Разжевав с усилием первый кусочек, Кристи ожидала, что ее тут же мучительно вывернет наизнанку, однако этого не произошло. Кусок еды исчез удивительно быстро.

Глава 9

Четыре

Восемь дней спустя они были еще живы и упрямо шли на север, держась ничейной полосы между Гнилой мелью и полыней, больше похожей на море. Кое-где полоса расширялась до полутора дневных переходов, и путь уклонялся в сторону от Гнилой мели; в иных местах полоса сужалась до нескольких сот метров, эти места старались пройти быстрее, избегая возможных встреч с людьми. На ночлег устраивались ближе к полынье, куда вряд ли часто заходили собиратели головастика, всегда мучимые голодом и всегда готовые убить, чтобы насытиться.

Один раз путники были атакованы небольшим язычником, по суждению Эрвина, очень голодным, потому что он начал атаку преждевременно и не сумел дотянуться языком до людей. Больше язычников не встретилось, вероятно, потому, что здесь не водились быстროногие стайные создания, служившие им пищей, а человеческий ресурс был ненадежен. Хищных растений не попадалось вовсе, зато змеи встречались в изобилии, и дежурным не приходилось скучать по ночам.

Гиблые топи по краю полыньи тянулись не сплошняком, но легче с того не стало. На темную торфяную воду, разлившуюся до горизонта, не хотелось и смотреть. Во время при-

ливов она, вероятно, незаметно для глаза поднималась вместе с «берегом», но никому до этого не было дела. Тем, кто бродит по зыбуну, опасны не приливы, а совсем другое.

Запасных мокроступов больше не было, а те, что еще спасали путников от увязания, приходилось чинить каждый вечер. Лучше они от этого не становились.

Никто уже не жаловался на режущие боли в желудке – рези остались в прошлом вместе с пищей. Ловля головастика давала самые ничтожные результаты. По примеру проповедника пытались есть комочки слизи, обирая их с ленточных водорослей.

Миазмы Гнилой мели ощущались и на расстоянии от нее; у всех четверых воспалились раны. Джоб едва плелся, держа ноги раскорячкой. Валентин надоедливо ныл и был готов забиться в истерику, как капризный ребенок. Нет, ему ничего особенного не нужно, но пусть Эрвин громко признает, что ошибся направлением. Сколько можно тащиться все на север да на север? Надо было двинуть на юг – небось уже давно обошли бы полыню. И почему, спрашивается, бросили в пищу змеям тело Юста? Были бы сейчас сыты. Ах, Кристи настояла, чтобы бросили? А кто она такая, Кристи, и по какому праву распоряжается? Сама ела человечину ничуть не меньше, чем другие. Вон Лейла слово боялась сказать без одобрения Юста, писк не решалась издать, не то что командовать! А эта шлюшка что творит? При правильном вожаке и порядки правильные, а при неправильном...

На восьмой день, когда его жалобы стали звучать в полный голос, Эрвин молча рассек ножом веревку.

– Иди ищи себе правильного вожака. Удачных поисков.

Целых полдня после этого Валентин не решался ныть.

На девятый день слева показался край темной полосы. Гнилая мель кончилась, а чудовищной полынье еще не было видно ни конца, ни края.

– Наверное, многие доходили до этого места, – поделился соображениями Джоб. – Например, та компания, о которой говорил Вонючка. По идее, должны быть какие-то следы...

– Если эти люди сгинули, от них вряд ли остались следы, – оборвала его Кристи. – Болото все подберет. А если они как-то прошли, то следов не осталось тем более.

Через день заметили, что топкий берег мало-помалу поворачивает на восток, и приободрились. Но уже к вечеру того же дня путникам стало ясно, что они всего лишь вышли на мыс, а полынья простирается дальше на север. С окончечности мыса удалось разглядеть несколько островов и далекую полосу на востоке, отличающуюся цветом, – видимо, противоположный край полыньи. Но какой смысл видеть, если не можешь достичь?

Валентин и Джоб стояли потерянные. Упав без сил, Кристи разразилась горьким смехом.

– Дошли... Это я понимаю – дошли...

– Не мешай, – бросил Эрвин. – Я считаю.

Он больше ничего не сказал за весь вечер и не пошел ло-

вить головастика. Но утром подозвал Кристи и указал на восток.

– Ничего не замечаешь?

– Нет.

– Острова сдвинулись. Я так и думал, что это просто обрывки болотного ковра. Они плавают.

– Собираешься переплыть на ту сторону на острове? Ты правда сумасшедший?

– Что, очень заметно? – улыбнулся Эрвин.

Кристи не приняла шутки.

– За один день не переплыть, а ночью нас отнесет назад. Если эти острова вообще двигаются, то их мотает туда-сюда. Ночью ветер дует с материка, днем – на материк.

– Умница, – похвалил Эрвин. – Это бриз. Если мы сумеем днем замедлить дрейф острова, общий результат будет в нашу пользу. У тебя есть иное решение?

– Идти на север! Когда-нибудь эта полынья кончится!

Эрвин покачал головой.

– К тому времени у нас могут кончиться силы. Еды нет, и дождей нет, как назло. Нельзя все время пить соленую бурду – опухнем и умрем.

– На Гнилой мели живут подолгу...

– Наверное, они тоже как-то собирают дождевую воду. И еще они едят человечину, а мы вроде больше не собираемся... Или собираемся?

– Нет! – крикнула Кристи. – Ни за что!

Всколыхнулась потревоженная память, кошмарное видение явилось наяву: ночь, треск кустов, тяжелое дыхание, свист бичей, крики, хрип и кашель... и старожилы Гнилой мели, грязные, голые, покрытые нарывами человекоподобные существа, стайные хищники, добытчики двуногой дичи... И зачем только Эрвин напомнил о них? Нельзя превращаться в таких существ даже ценой сохранения жизни. Лучше смерть, какой бы она ни была – медленной, от голода, или быстрой, в желудке болотного хищника.

– Ладно, – сказала она, тяжело дыша. – Говори, что ты придумал. Пока что мы здесь, а твои острова вон где.

– Мы вырежем остров сами. Думаю, ковер под нами не толще метра. Работа тяжелая, но выхода все равно нет. У нас есть топор и два ножа. Нам нужен очень небольшой островок, чтобы только держал четверых... или троих, если ты отказываешься плыть.

– Четверых, – решительно сказала Кристи. – Черт с тобой, я согласна. Когда начнем работу?

– Прямо сейчас.

* * *

На рассвете Эрвин столкнул в воду сооружение безобразного вида и сомнительной эффективности – все тот же помятый ящик с двумя шестами, привязанными к боковой стороне для плавучести и устойчивости. Черпнув черной воды,

ящик лег набок и исчез с поверхности. Шесты остались на плаву. Медленно-медленно натягивалась веревка, привязанная другим концом к обломку шеста Кристи, на две трети вбитому в островок. Натянулась. Обломок шеста чуть накренился. Теперь оставалось только надеяться, что от самодельного плавучего якоря будет какой-то прок.

За ночь островок отнесло от мыса довольно далеко, но восточный берег, казалось, ничуть не приблизился. Измученные люди приняли этот факт почти равнодушно.

Островок имел треугольную форму, был мал и не любил, когда кто-нибудь подходил к его краю. Под тяжестью пяти-шести человек он наверняка затонул бы, но четверых держал сносно. Никто не заикнулся о том, что его надежности вовсе не помешали бы более солидные размеры. Даже ноющий Валентин не трогал эту тему, хорошо помня вчерашний каторжный труд и тупое отчаяние: не успеть до ночи, не успеть...

Успели. Выиграли один день.

– Я дежурю первый, – объявил Эрвин, зевнув с прискуливанием, и потер воспаленные глаза. – Остальным предлагаю лечь спать. Кстати, парусность будет меньше. Вторая смена – Кристи, далее Валентин, за ним Джоб.

Вскоре он привалился спиной к шесту и сам задремал. Вережка оставалась натянутой, а это значило, что все идет как надо.

Он очнулся, когда похожее на раскаленный медяк солнце

уже перевалило через зенит, и с беспокойством огляделся. Все спали. Высоко в небе кружили две черные твари; на воде было спокойно. Мыс немного приблизился и сместился вбок. Несмотря на плавучий якорь, плот все-таки мало-помалу сносило на запад.

По идее уже наступило время дежурства Валентина, но Эрвин решил разбудить Кристи. Пусть нытик выпится, от этого всем будет только польза.

Кристи спала на спине, и многодневная, не раз возобновленная защитная корка грязи на ее лице растрескалась под лучами солнца. Проснувшись, она первым делом захотела умыться.

– Кровососов здесь уже нет...

– Кому что, – философски заметил Эрвин. Он хотел добавить еще что-то, но смолчал.

– Тебе тоже надо промыть раны.

– Уже промыл. Ты поосторожнее там на краю...

– Я знаю.

Только покончив с туалетом, молодая женщина обвела глазами пространство вокруг дрейфующего островка и сердито хмыкнула:

– Тут нам неделю плыть...

– Поменьше. Дня три-четыре, пожалуй. Если только не налетит шторм с океана и не выбросит нас обратно на западный берег.

– Если прежде не растреплет этот лоскуток в клочья...

– Приятно побеседовать с умной женщиной, – кивнул Эрвин и указал глазами на спящих. – Ты только при них этого не говори, хорошо? Пусть не дергаются.

– Ладно.

– А знаешь, – вдруг сказал Эрвин, – ты красивая.

– Ого! – прищурилась Кристи. – Это ново. А кто говорил: ноги, мол, кривые?

– Так я же не на ноги смотрю...

Он потрогал веревку. Сейчас она была натянута сильнее – бриз усиливался. Мелкие сердитые волны мочалили край островка. Очень медленно, но неотвратимо шел попятный дрейф.

– Можно кидать эту штуку впереди острова и подтягивать за веревку! – вдруг осенило Кристи. Она даже вскочила. – Понимаешь, о чем я? Мы и днем сможем плыть вперед! Или хотя бы держаться на месте!

Эрвин прищурился и почесал за ухом.

– Неплохо придумано, – признал он. – Как ни странно, мне это в голову не приходило. Оно, правда, и к лучшему.

– Почему?

– Для такой работы нужны двое, а двоих край островка не выдержит. Это раз. Кроме того, нашумим, набултыхаем и наверняка привлечем чье-нибудь внимание. Это два. Я не знаю, какие твари плавают под нами, да и не хочу знать. И последнее: мы устали, и у нас нет еды. Вряд ли на том берегу стоят мясные склады, поэтому лучше не надрываться, а

спать. Чем больше, тем лучше.

Он и вправду уснул вновь, наглядно показав, что намерен беречь силы, сколько бы их ни осталось.

На закате наступил штиль. Когда веревка провисла, плавающий якорь подтянули к островку и с большим трудом выволокли на зыбкую поверхность. Валентина так и не стали будить, он проспал весь день и проснулся сам от вечерней свежести.

Ночью задул ветер с материка. Можно было не дежурить – в полынье не водились змеи, а в случае нападения из-под воды крупного хищника шансы спастись равнялись нулю, дежурь не дежурь, – но люди спали мало. Они почти не разговаривали, только Джоб бормотал себе под нос что-то неразборчивое, вероятно, моля богов местных стихий послать ветер покрепче, да поскуливал Валентин, кутаясь в обрывки робы.

Должно быть, Джоб молился не зря: к утру восточный край полыньи различался яснее и четче западного. Утренний штиль выгладил полынью – ни волны, ни ряби. Асфальтово поблескивала черная вода. С первым дуновением встречного ветерка опять столкнули в воду плавающий якорь и долго смотрели, как разматывается и натягивается веревка.

Новый день не принес особых тревог. Джоб уверял, будто мельком видел в воде далеко от островка что-то большое, но не смог описать, на что оно было похоже. Он сам не был уверен, что не галлюцинировал. В дежурство Валентина над

островком упорно кружились несколько крупных крылатых тварей, и он счел за благо разбудить остальных. Твари так и не напали. Эрвин уверенно заявил, что они принадлежат к какому-то иному, еще не знакомому путникам виду. Может быть, они лишены и бритвенных кромок на крыльях?

– Стервятники, – мрачно предположил Валентин. – Ждут. Все с ним молча согласилось.

– Не дождутся, – отрезала Кристи, но ее слова прозвучали как-то не очень убедительно.

Ночной бриз был хорош, но все же недостаточен для окончания дрейфа. На рассвете островок замер в нескольких сотнях метров от цели. Спустя час он медленно поплыл назад, таща за собой плавучий якорь.

По мере того как удалялся восточный берег, людьми овладевала апатия. Эрвин через силу говорил бодрые слова, но не мог расшевелить никого. С ним соглашались: да, остались лишь сутки дрейфа, все идет хорошо – и снова впадали в молчаливое уныние. Их можно было хлестать бичом – они лишь вздрагивали бы под ударами, не двигаясь с места.

Они были правы – по-своему, но правы. Эрвин с раздражением понял, что и сам ждал чуда и едва не обиделся, как ребенок, осознав, что сегодня островок ну никак не достигнет берега. Что ж... это пройдет. У всех до единого. Это должно пройти завтра утром... если только с океана не притащится циклон... уму непостижимо, сколько времени держится хорошая погода...

Впору было молиться, как Джобу.

Он проснулся от крика, полного отчаяния. Примерно так же кричал Хайме, схваченный язычником. Но на этот раз кричали двое – Кристи и Валентин. Джоб молчал, уткнув лицо в колени. Спина его мелко вздрагивала.

Эрвин понял все. Во время дежурства Джоба плот потерял плавучий якорь. Джоб заснул, не подперев собою шест. Мало-помалу тот наклонялся, пока узел не соскользнул с него и веревка не уползла в чернильную воду.

Островок довольно далеко отнесло на восток. Плавучего якоря нигде не было видно.

Джоб шевельнулся, приоткрыл воспаленный глаз, встретился взглядом с Эрвином и прикрыл голову руками.

– Успокойся, – с ненавистью сказал Эрвин. – Ты виноват, но мы не станем тебя наказывать. Это все голод и усталость.

– Да? – рыдающе воскликнул Валентин. – А что мы делать будем, а? Помирать? Скажи, умник!.. Я три дня не ел! Тянуть жребий – кого первого?..

– Заткнись. Если погода не изменится, нас все равно принесет куда надо. Только не так быстро.

– Это почему? – без особой надежды в голосе спросила Кристи.

– Волны. Мы ближе к восточному берегу, а значит, волны с запада будут выше и круче восточных. Там у них больше простора для роста. Паршивый, а движитель.

– Теоретик! – скривился Валентин.

– Закройся и спи. Ночью у всех будет занятие: высматривать наши шесты с ящиком. Быть может, сумеем поймать.

Ночь обманула надежды: с запада приволокло сплошную облачность, погасившую лунный свет. Несколько раз начал моросить дождь, и люди, жалея о пропавшем ящике, собирали дождевую влагу в миски, ловили ее прямо ртом. Каждому удалось набрать по глотку, не больше.

К рассвету островок находился еще дальше от берега, чем вчера, но продолжал едва заметно двигаться на восток. Западный ветер еще не иссяк, но дул неуверенными порывами с большими паузами, словно раздумывая: а стоит ли стараться?

Еще до полудня он стих окончательно. Над темной водой повисла волглая морось – не туман и не дождь.

Потерянный плавучий якорь так и не был замечен.

«Шагов четыреста», – прикинул Эрвин расстояние до берега и поймал себя на том, что Саргассово болото успело сильно изменить его понятие о шаге. Пожалуй, до цели оставалось метров сто пятьдесят.

В полдень морось начала падать косо. Ветер понемногу тащил размокший островок на запад.

– Придется подождать еще сутки, – со вздохом объявил Эрвин.

Джоб и Кристи приняли его слова безучастно, зато Валентин, казалось, только их и ждал.

– Сутки?! Да мы тут сдохнем! Ты взгляни, что у тебя под

ногами! Через сутки эта твоя дрянь просто развалится!

– Меньше топчись, и не развалится, – холодно посоветовал Эрвин, уже понимая, что Валентин не успокоится. Чересчур взвинчен. Сил осталось как раз на одну хорошую историю.

– Это ты нас сюда затащил! Ты-ы-ы!..

Обвинение было столь нелепым, что Эрвин не сдержался:

– Я все рассчитал правильно! Если бы не этот идиот...

– Джоб не виноват! Ты сам дрых во время дежурства! Что, нет? Я видел!

– Дрыхнуть тоже надо с умом!

– Да? Тебе просто повезло, а ему нет! Скажешь, не так? А теперь мы сдохнем, ты понял? Сдохнем! Если бы с нами был Юст...

Эрвин глубоко вдохнул и сосчитал про себя до десяти.

– Брэк, – сказал он спокойнее и поморщился, не дождавшись тишины. – А ну-ка взяли себя в руки! Всех касается. Ты собираешься только вопить или что-нибудь предложишь?

Джоб и Кристи молчали, но апатия начинала терять над ними власть.

– Я поплыву туда, – орал Валентин, указывая на недалекий берег, – а вы оставайтесь, если хотите подчиняться этому придурку! Обойдусь без вас! Без тебя и твоей шлюхи! Джоб, ты со мной?

– Я не умею плавать... – понуро сознался Джоб и покачал головой.

– Тогда я один. Счастливо оставаться. Может, встретимся на Счастливых островах...

– Ты останешься, – сказал Эрвин, снимая с плеча бич. Валентин моментально выхватил нож.

– Да? Останови меня, умник.

Эрвин медленно замахивался. Долгую секунду Валентин с налитыми кровью глазами решал, прыгнуть ли немедленно в черную воду или сперва попытаться убить виновника всех бед. Затем коротко размахнулся и метнул нож.

Не умея метать ножи, он взял слишком высоко. Нож, вращаясь, пролетел над головой Эрвина и где-то далеко позади с бульканьем ушел в воду. Спустя мгновение Валентин сильно оттолкнулся и оказался в воде сам.

Ему удалось проплыть почти половину расстояния до берега. Затем асфальтовая вода вокруг него взбурлила, голова пловца скрылась и больше не показывалась.

Кристи отвернулась. По лицу Джоба текли слезы. Эрвин положил руку ему на плечо.

– Иногда не уметь плавать – это достоинство...

Глава 10

Три

Серая крылатая тварь сидела на краю островка, наблюдая за людьми внимательными глазами. Эрвин хрипло закричал, и она нехотя поднялась в воздух. С полдесятка ее сородичей лениво чертили небо высоко над островком.

Крик Эрвина разбудил Кристи. В забытьи, больше похожем на голодный обморок, ей чудились Счастливые острова. Она никогда не видела их, но была уверена, что это они. Там было синее море, и белый песок нестерпимо сиял на солнце, а от морских водорослей пахло йодом, а не гнилью. Разве обязательно надо куда-то идти, чтобы оказаться там? Достаточно просто закрыть глаза...

— Умереть с голоду вам здесь не дадут, и не надейтесь, — зло сипел Эрвин, безжалостно разрушая сладкие сны. — Эти стервятники не станут дожидаться, когда мы помрем, им вполне достаточно, чтобы мы не сумели отбиться...

Прошло еще двое суток, прежде чем ветер и волны все-таки подогнали островок к западному краю полыньи. Ночами все трое бодрствовали и, несмотря на плачевное состояние островка, почти все время стояли на сыром ветру, распахнув на себе грязное тряпье, чтобы создать хоть какую-нибудь парусность; днем спали или просто лежали ничком.

На рассвете третьего дня они перебрались на берег, и зы-

бун показался им надежной твердью. Хотелось плясать. Хотелось гладить и целовать гнилые водоросли. Джоб плакал и смеялся. Даже последовавшая сразу после высадки атака двух крупных змей не сразу погасила лихорадочное возбуждение: одну змею Эрвин исхлестал бичом в лапшу, вторую Кристи насадила на острый обломок шеста и с криком ярости стряхнула в полыню, где извивающаяся тварь и затонула.

– Хорошо, что их было только две, а не пять, – немного погодя сказал Эрвин, покачав головой. – Иначе бы они до нас добрались.

Люди приходили в себя. Понемногу в затуманенные головы возвращалась одна и та же мысль: сколь мала одержанная победа по сравнению с оставшейся частью пути! Счастливых островов нет и нет, а частные успехи никогда ничего не решали...

Кристи не смотрела в глаза. Джоб сплюнул и безнадежно помотал головой.

От опасного лихорадочного возбуждения до губительной апатии только один шаг, и этот шаг нельзя было дать им сделать.

– Сколько осталось веревки? – грозно спросил Эрвин. – Всего-то? Мало. Обрывки есть? Вяжи их вместе. Идем одной связкой. Джоб, ты впереди. Кристи, отдай ему шест и возьми нож. Мне хватит бича.

Весь день сеялся мелкий дождь, и пришлось взять направ-

ление по компасу, надеясь, что он все-таки не слишком врет в этих местах. За день прошли всего ничего, зато кое-как насытились: крупные жирные головастики изобиловали в мелких лужах. Серые твари отстали, язычников не встретилось. Временами нападали змеи, но до кожи не добрались и никакого ущерба не нанесли.

Следующий день оказался похожим на предыдущий, с той разницей, что к вечеру добрались до кupy чахлых кустов, произросших прямо на зыбуне, и заночевали хотя и под дождем, но все-таки не в луже. Одна зажигалка еще действовала, но костер развести не удалось: насквозь сырые прутья категорически не желали гореть.

Как и вчера, Эрвин и Кристи легли, обнявшись. В двух шагах от них кашлял и постанывал Джоб – первый дежурный в эту ночь. Болото слабо фосфоресцировало. Крошечным светящимся организмам не было никакого дела до сорока миллионов человек, топчущих единственный материк планеты и выбрасывающих в заболоченное окраинное море свои человеческие ошметки. Всесильное болото могло даже позволить им пожить подольше себе на забаву.

– Смешно подумать, – шепнул Эрвин, убрав с уха Кристи слипшуюся сосульку некогда рыжих волос. – Когда-то я считал это правильным.

– М-м? Ты о чем?

– Об изгнании из социума, принятом на Хляби. Социологи до сих пор спорят о том, что такое приговор: наказание ли,

предостережение ли остальным, искупление ли, шанс ли задуматься, а может, просто-напросто тривиальная месть общества индивиду. Странно, но мне всегда была по душе социальная защита. Нет преступника – и общество защищено от него, а куда он делся, в сущности, не так уж важно... Честное слово, прогулка к Счастливым островам вместо луча в затылок представлялась мне прямо-таки благородной гуманностью! Я не шучу.

– А теперь? – равнодушно спросила Кристи.

Эрвин долго молчал.

– Расскажи, как ты убила своего муниципального инспектора.

– Зачем тебе это знать?

– Просто хочется.

– Ножом... Он визжал, как свинья... Ты не хочешь узнать, за что я его убила?

– Я знаю. Он привез тебя на Хлябь, сулил златые горы и положение в обществе, на самом же деле завез в гнилую дыру и в конце концов бросил или уступил кому-нибудь. Так?

– Откуда ты только все знаешь?

Кристи показалось, что Эрвин улыбнулся, прежде чем ответить:

– Я же как-никак вычислитель...

– Ты уже вычислил, сколько мы еще продержимся? – спросила Кристи, глотая злые слезы. – День, два? В неделю не верю.

Эрвин вздохнул – и совсем не безнадежно.

– Мы все-таки дойдем, – сказал он. – Я хочу дойти. Мы уже столько прошли, что искупили все мыслимые грехи, прошлые и будущие. Будет обидно, если все это окажется напрасным, понимаешь?

– Не знаю, – всхлипнула Кристи.

– Ну что ты, маленькая, – ласково сказал Эрвин, погладив ее по голове. – Мы уже прошли больше, чем нам осталось. Все будет хорошо, вот увидишь...

* * *

Еще три дня они шли на восток под нескончаемым мелким дождем, связанные между собой остатками веревки, шли, кормясь головастиками, отгоняя змей и вытаскивая провалившихся. Почему-то здесь не встречалось язычников, может быть, в силу большой глубины топи, а может быть, как неуверенно предположил Эрвин, оттого, что у донных моллюсков наступил период сезонного поста, связанного, например, с размножением. Один раз, правда, метрах в пятидесяти позади путников, там, где они только что прошли, вздулся очень знакомый бугор и прорвался с оглушительным хлопком, однако вместо лилового щупальца в небо ударил фонтан бурой грязи, забрызгавшей всех троих, и дыра в зыбуне еще долго булькала пузырями остаточного метана.

На четвертый день головастиков стало меньше, а на пя-

тый они пропали вовсе. Куда-то исчезли и змеи, что могло только радовать, тем более что лоза-бичевка, редкая по ту сторону полыньи, по эту сторону не встречалась совсем. Зыбун казался прочным. Если бы не голод, не слабость, не воспалившиеся, плохо рубцующиеся раны... Через каждые сто двести шагов ноги останавливались сами, и люди ждали, когда рассеется черная качающаяся пелена перед глазами, когда перестанет бешено колотиться сердце.

Кристи чувствовала, что тупеет, и это странным образом не пугало ее. Джоб потерял всякую способность возражать приказам и покорно шел впереди без смены, с каждым днем все сильнее кашляя и постанывая при каждом шаге. Эрвин стал молчалив и лишь изредка нарушал равномерное чавканье шагов короткой хриплой командой взять немного правее или левее.

Шлеп, шлеп. Плюх, плюх. Чвак, чвак.

Зеленые водоросли. Бурые водоросли. Живые водоросли и гнилые водоросли, переплетенные, как гамак, сваленные, как войлок. Гроздья соплодий – еще незрелых и уже выбросивших споры, гниющих, похожих на старые мочалки. Жижа и пузыри под разваливающимися мокроступами.

Болото впереди, болото сзади. Болото и справа, и слева, и под ногами. Лишь сверху – низкая каша серых облаков и заунывный мелкий дождь.

К вечеру дождь пошел косо, ветер быстро усиливался. Облачная каша зашевелилась, словно кто-то огромный орудо-

вал небывалой поварешкой. Успокоившись на несколько минут, ветер стал налетать короткими злыми шквалами.

Эрвин остановился первым. Кристи не услышала его слов, и ему пришлось потянуть за веревку.

– Что? – крикнула она.

Новый шквал заставил попятиться Джоба.

– Остаемся здесь! – прокричал Эрвин, указывая себе под ноги. – Кажется, это серьезно!

Заслоняясь от ветра, Кристи указала вперед, где кончались рябые лужи и начиналась кочковатая полоса, на вид более сухая и прочная.

– Может, лучше там?

– Не нравятся мне эти кочки, – прокричал Эрвин ей в ухо.

Покорного, безразличного ко всему Джоба подтянули за веревку, заставили лечь и легли сами. Быстро темнело. На Саргассово болото падала ночь, и вместе с нею усиливался ветер. Стало трудно дышать. По небу стремительно неслись облака, плотные и черные, как комья грязи. Дождь бил горизонтально.

Оставалось ждать – и надеяться, что ветер не будет усиливаться бесконечно. Но он усиливался. Лишь несколько слов не сказали – прокричали друг другу в ухо люди, смирившиеся с неизбежным:

– Держись крепче – может снести...

– Держусь... Откуда идет этот ураган – с океана?

Кристи не расслышала ответа, но по кивку поняла, что

Эрвин ответил утвердительно.

– Значит, он прошел над Счастливыми островами?

– Значит. И даже был сильнее там, чем здесь.

– Понимаю... Просто жить, дышать и ходить по твердой почве – это уже счастье, верно?

– Вот именно.

Потом разговаривать стало невозможно. Рев ветра перекрыл все звуки. Ураган нес над болотом вырванные кусты, швырял в лицо растрепанные клочья водорослей, водяную пыль. В болото били молнии.

Это было нестерпимо, но это нужно было вытерпеть, тесно прижавшись друг к другу, чтобы не замерзнуть и не умереть.

Ураган продолжался всю ночь и стал стихать лишь под утро. С рассветом он сделал еще одну попытку усилиться, но быстро изнемог и в полдень сбавил напор до обычного крепкого ветра. Красный диск солнца выглянул из-за туч, но еще долго трое полуобморочных людей лежали неподвижно или слабо ворочались, не в силах встать.

Кристи первая заметила черную тварь, кружащую высоко в небе. Очень скоро к ней присоединилось с десятков ее сородичей. Крылатые хищники, удивительно скоро оправившиеся от урагана, высматривали добычу, постепенно снижаясь.

Неизвестно откуда появились несколько крупных серых летунов и отогнали черных. Падальщики собирались первыми получить свою долю. Ловя ромбовидными крыльями вос-

ходящие потоки, они терпеливо ждали, по-видимому, несколько не сомневаясь, что ждать придется недолго.

Эрвин застонал и сел в луже. Затем попытался встать, и у него это получилось.

– Подъем...

Далеко не сразу ему удалось поставить на ноги Кристину, а затем с ее помощью – Джоба. Казалось, тот вот-вот рухнет плашмя, как бревно. Мутный взгляд клерка выражал только одно: уйдите все, не тормозите, мне так хорошо в покое, зачем тащить меня куда-то?..

– Он не сможет идти, – хрипло сказала Кристи, безнадежно покачав головой, – да и я пока тоже... Нужен отдых.

– Я пойду, – сомнамбулически пробормотал Джоб и пошатнулся.

– Ты видишь? – крикнула Кристи. – Видишь?

– Вижу. Пойдем завтра с рассветом, а сейчас только устроимся на ночь. Джоб, сходи вон туда, посмотри место, – Эрвин показал рукой, – там, по-моему, посуше. Мы с Кристи пока соберем барахло.

Джоб механически кивнул и, освободившись от веревки, размеренно, как автомат, зашлепал по лужам к кочкарнику. Эрвин сматывал веревку, неотрывно глядя ему вслед.

– У меня голова раскалывается, – пожаловалась Кристи.

– Резкий перепад атмосферного давления... Ну и недоедание, конечно. Первое пройдет. Второе тоже... когда-нибудь.

– Ты на это еще надеешься?

– Уверен.

Джоб продолжал неуклюже шлепать прямо к кочкам.

– Почему ты вчера сказал, что тебе не нравятся эти кочки? – шепотом спросила Кристи.

– Потому что там суше, а кусты почему-то не растут, – так же шепотом объяснил Эрвин.

– Так может... – начала Кристи и не окончила. Смысл действий Эрвина стал виден, как на ладони, и надо было совсем лишиться рассудка от усталости и голода, чтобы не понять его. Почему она считала Эрвина подлецом? Он лишь цинично рационален, зато кругом прав. Только так тут и можно идти – пробуя гнилые хляби живым зондом, выбирая на эту роль слабейших, которым все равно не увидеть края болота. Просто Эрвин понял это сразу, а до нее дошло только что...

Все произошло очень быстро. До ближайшей кочки оставалось несколько шагов, когда, взбив в лужах фонтанчики, навстречу Джобу рванулись какие-то тонкие белые нити и в один миг оплели его по рукам и ногам. Рывок – и сбитый с ног Джоб забарахтался и закричал, скорее удивленно, чем испуганно. Не выдержав, охнула Кристи.

На бегу – если только неуклюжее шлепанье по болоту можно было назвать бегом – Эрвин замахнулся бичом. Свистящий удар упал на белые нити, но не перебил их. Второго удара не получилось: бич был схвачен нитями, с необычайной легкостью вырван из руки Эрвина и утянут в зыбун.

Джоб завопил, по-видимому, скорее от ужаса, чем от боли. Он быстро превращался в белый кокон. Затем он замер, застонал, дернулся два раза и остался недвижим.

– Он... мертв? – сглотнув, спросила Кристи.

Эрвин кивнул. Они стояли и смотрели, как новые белые нити выползают из болотного ковра, безошибочно тянутся к жертве, касаются ее и вроде бы замирают.

– Они прорастают прямо в него, – угрюмо сказал Эрвин. – Он их питательный субстрат.

– Растение? – Кристи хотела отвернуться и не смогла.

– Думаю, гриб. Эти нити – его гифы. Мицелий.

Молча они отошли на безопасное расстояние и выбрали место для ночевки. Солнце садилось в уходящую на запад тучу так нехотя, словно боялось запачкаться. Два лунных серпа проступили в налившемся густой синевой небе.

– А ведь Джоб нас спас сейчас, – сказала Кристи почти равнодушно. – Завтра мы пошли бы прямо туда...

– Да, – глухо ответил Эрвин. – Так и случилось бы. И тогда Джоб спас бы нас завтра.

Глава 11

Два

К утру от Джоба осталось немного: кожа, кости и обрывки одежды, наполовину втянутые в зыбун и уже покрытые буро-зеленым налетом. Было ясно, что через несколько дней лишь продолговатая кочка будет отмечать место гибели тихого клерка, осужденного за неведомые прегрешения.

Хищный гриб оказался не один – похоже, впереди их притаилось великое множество, и не везде их присутствие отмечали кочки. Привязав веревку к обломку шеста, Эрвин метал его перед собой, как гарпун. Втыкался ли шест в зыбун или падал плашмя – всякий раз к нему тянулись тонкие белые нити, и надо было успеть выбрать веревку, чтобы не остаться без шеста, хотя бы уполовиненного. Прошло полдня, прежде чем двоим путникам удалось обогнуть опасное место, сделав большой крюк к югу.

Хуже было другое: ураган растрепал болотный ковер, и там, где заведомо не могли прятаться хищники, теперь пузырилась болотными газами новорожденная трясина. Словно сбившиеся в плотную стаю льдины, недвижно лежали водорослевые поля, разделенные рваными полосами булькающей грязи. Движение сильно замедлилось, приходилось искать более или менее надежные места переправы с поля на поле, часто останавливаясь и, уподобляясь шахматистам, рассчи-

тывать путь на несколько ходов вперед.

– Зато сразу видно, где слабина, – утешал Эрвин.

Ему пришлось сознаться в ошибке, когда Кристи внезапно провалилась по грудь в, казалось бы, прочном месте и, не будь при ней обломка шеста, неминуемо ушла бы в трясину с головой.

Два головастика составили всю добычу дня, честно поделенную поровну. Кристи пробовала ловить мелких рачков, суесящихся в водорослях, но они оказались отвратительными на вкус и вряд ли съедобными.

За день прошли мало. Засыпая в объятиях Эрвина, Кристи уже спокойно думала о том, что голод убьет их раньше, чем из дымки на горизонте покажутся Счастливые острова. А может быть, карты сознательно врут и вместо островов Саргассово болото упирается в океанский простор? Кто там разберет, почему оно не размывается океаном...

На следующий день им повезло. В первых лучах разгорающегося рассвета Эрвин набрел на ночную лежку одного из стремительных стайных созданий, виденных прежде только издали, и успел прикончить животное ножом, прежде чем оно вскочило и унеслось прочь.

Они остановились на отдых задолго до заката только потому, что опять наткнулись на заросли кустарника. Эрвину удалось запалить костерок и кое-как обжарить на нем добычу. До ночи они упивались сочным мясом, мучаясь необходимостью есть часто, но понемногу, и все равно корчились

от рези в желудках.

Весь следующий день они провели на месте и доели поймавшее животное до пустой, тщательно выскобленной хитиновой оболочки. Они глодали бы и кости, но существо было лишено костей.

Потом они спали, обнявшись, и сквозь сон чутко прислушивались к тому, что делается на болоте. Когда Эрвин начал снимать с женщины обрывки тюремной одежды, Кристи помогла ему. И они исступленно любили друг друга, ворочаясь в темной пузырящейся луже на болотном ковре, прогнувшемся под тяжестью двух сплетенных тел над гиблой топью, вдыхая гнилые миазмы болота и не ощущая их, удивляясь про себя только одному: как у них обоих еще хватает сил и желания любить.

– Мы ведь дойдем до Счастливых островов, правда?

– Да. Осталось уже не так много.

– Раньше я не верила... А теперь вот верю. И знаешь, я хочу тебя спросить об одной вещи... только ты ответь честно...

– О какой вещи?

– Сперва пообещай, что ответишь честно.

– Честное уголовное.

– Перестань...

– Тогда честное земноводное. Еще пару ночей поспим в лужах, и у нас жабры отрастут.

– Ты не шути, ты пообещай по правде...

– Обещаю. О чем ты хотела спросить?

– Ты ведь все наврал, да? Ты врал с самого начала? Прото, какой ты умопомрачительный вычислитель и как все оптимально просчитываешь? Ты меня успокоить хотел, да?

Она ждала ответа, и ответа не было.

– Почему ты молчишь? Жалеешь меня?

– Да, – глухо сказал Эрвин. – Я все наврал. Ты расстроена?

– Нет, что ты. Я рада. Это ужасно – любить человека, который может рассчитать твою любовь и ввести ее в систему уравнений, правда?

– Правда.

Ночь выдалась чудесная: ясная, но теплая. Не напали змеи, не шевельнулась топь, выдавая медленное приближение язычника. В эту ночь они поняли, что болото может быть щедрым.

Утром Кристи спросила:

– Мне по-прежнему идти впереди?

– Так надежнее, – ответил Эрвин, вздохнув. – Пусть я не вычислитель, но ясно же... Но если хочешь, мы будем идти первыми по очереди.

– Ладно уж. – Кристи махнула рукой и улыбнулась. – Плетьсь сзади, любуйся на мои кривые ноги.

– Они прямые...

Чем дальше они уходили на восток, тем меньше жизни становилось в болоте. Бывали дни, когда им не попадалось ни одно живое существо. Поиски головастика изнурили,

не давая результата. Комочки слизи – и те куда-то исчезли с ленточных водорослей. Лишь серые крылатые твари по-прежнему висели высоко в небе, неотступно дожидаясь своего часа.

На девятнадцатый день, считая от Гнилой мели, Кристи стала жаловаться, что ее ботинки жмут. По-видимому, от голода и соленой воды стали опухать ноги. Эрвин с трудом снял с нее обувь и спрятал в рюкзачок, больше похожий на ком грязи. На завтра он почувствовал, что начинает опухать сам, разулся и, не желая таскать лишний вес, зашвырнул обе пары ботинок в ближайшую лужу.

– Лучше быть босыми, но живыми, – прокомментировал он свой поступок.

На двадцатый день огромный язычник взорвал зыбун в каких-нибудь пятидесяти шагах от них. Его взметнувшееся вверх лиловое щупальце было ростом с телемачту. Когда оно изогнулось и начало обшаривать болото вокруг себя, по водорослевому ковру заходили штормовые волны. Спасаться бегством было бессмысленно. «Не шевелись!» – крикнул Эрвин, хотя Кристи и без того оцепенела от ужаса. Щупальце описало круг, прошло выше Кристи, задело и вдавило в зыбун неподвижного Эрвина, но не схватило. Быть может, ближе к основанию оно было не столь чувствительно.

Они ползли из опасного круга, боясь колыхнуть зыбун, боясь шевельнуть гнилой водорослью, часто и надолго замирая. Им уже удалось отползти на безопасное расстояние, ко-

гда язычник вновь почуял добычу и, оставшись ни с чем, принялся бешено хлестать щупальцем во все стороны, мигом превратив болотный ковер в непролазную топь. Они успели убежать, а потом долго лежали в теплой соленой луже, не в силах подняться и продолжить путь.

– А помнишь нашу ночь? – еле слышно спросила Кристи.

– Конечно, – прохрипел Эрвин. – Разве можно забыть?

– Болото швырнуло ее нам, как подачку. Больше у нас не будет таких ночей.

– Наверное... То есть не будет на болоте. Вот погоди, доберемся до Счастливых островов...

– Я буду уродиной там, на Счастливых островах, опухшей злой уродиной. Даже если отмою всю эту грязь. Там прыщи. Ты и смотреть на меня не захочешь. Саргассово болото просто так не отпускает. А по ночам я буду кричать от кошмаров.

– Ты будешь самой лучшей. Самой прекрасной.

– По-моему, эта грязь никогда не отмоется...

– Отмыть можно все, поверь. Мы забудем прошлое, как дурной сон. А болото забудем в первую очередь, это я тебе обещаю.

– Я не смогу. – Кристи покачала головой. – И ты не сможешь.

– Кто знает. Во всяком случае, мы с тобой очень постараемся, правда?

На двадцать первый день хищное растение незнакомо-

го вида, больше похожее не на растение, а на клубок иссиня-черных змей, пропустило Кристи мимо себя и набросилось на Эрвина. Ему удалось срезать с тела лианы-щупальца и освободиться от рюкзака, очевидно, принятого растением за лакомую добычу.

В тот же день Эрвин нашел лозу-бичевку и срезал ее, но потерял при этом нож, утащенный в забун взбесившимся обрывком лозы, и едва не лишился кисти. Горевать не приходилось: только тот, кто никогда не ходил по Саргассову болоту, мог воображать, что нож ценнее бича.

На двадцать третий день Эрвин обнаружил, что передвигаться на четвереньках, оказывается, гораздо проще и приятнее, нежели на двух ногах. И почему он не знал этого раньше?.. Лишь невероятным усилием воли он заставил себя встать, выждать, когда рассеется чернота перед глазами, и в первый раз из многих тысяч раз за этот день выдрать из вязкой грязи ошметок мокроступа.

Чвак. Чвак. Чвак.

Голодные обмороки повторялись с пугающей регулярностью. Когда падала Кристи, Эрвин отмечал этот факт сознанием, но продолжал идти вперед, пока не спотыкался о распростертое тело и не падал сам. Когда падал Эрвин, Кристи некоторое время пыталась идти вперед, зря натягивая веревку, затем нехотя возвращалась. Помогая друг другу подняться, они думали о том, что вряд ли сумели бы встать, не опираясь друг на друга. А главное – не захотели бы.

Вероятно, одна-единственная голодная змея могла бы сейчас без особого труда убить их обоих. Но змей не было. Лишь стервятники не переставали выписывать круги в веселом безоблачном небе.

– Все, – выдохнула Кристи, остановившись, и не упала только потому, что оперлась на обломок шеста. – Больше не могу. Пусть мы умрем, так будет лучше...

– Мы еще можем идти, – пробормотал Эрвин, с мучительным трудом переставляя ноги. – Мы не умрем...

– Я не хочу жить, не хочу! – Кристи беззвучно плакала.

– Чуешь? – спросил Эрвин и потянул носом воздух.

– Нет. Что я должна чують, скажи? Ну что?

– Морской воздух. Воздух открытого моря, а не Саргасова болота. Так пахнет свобода. Жизнь, твердь под ногами и наверняка пища. Осталось совсем немного.

– Тебе почудилось. – Кристи безнадежно помотала сплывшими сосульками волос. Но голос ее дрогнул.

– А я тебе говорю, что осталось немного. День, может быть, два. Скоро будем там.

– Ты правда в это веришь?

– Конечно. Думаю, при хорошей прозрачности воздуха мы уже сейчас видели бы вершины островов. Они вулканические, гористые.

– А по-моему, этому болоту конца не будет.

– Будет. Мы хорошо идем. Если бы у нас было столько же сил, сколько в первый день, мы дошли бы уже сегодня. А так

– завтра.

– Ты уверен?

– Ну, или послезавтра. В самом худшем случае. Ну, двинулись...

– Если послезавтра не... – вздохнула Кристи, делая шаг вперед.

Она не успела ни договорить, ни крикнуть. Тонкая растительная пленка, так похожая на надежный болотный ковер, порвалась под ее ногой. Кристи погрузилась в топь со скоростью брошенного в воду камня.

Рывок швырнул Эрвина лицом в грязь. Он заскользил юзом, сумел затормозить ступнями, обеими руками вцепился в мокрую скользкую веревку. В «окне» гиблой трясины лениво колыхалась маслянистая вода.

– Держись! – шипел он, молясь, чтобы веревка не просекла прогнувшийся болотный ковер. – Я вытяну! Я вы...

Ему казалось, что он мало-помалу отвоевывает у болота его добычу, хотя на самом деле его самого понемногу подтаскивало к топкой ловушке. Затем там, в глубине, что-то резко дернуло веревку, будто клюнула голодная рыба немыслимых размеров, и обрывок веревки легко выскочил из трясины.

Несколько секунд Эрвин тупо смотрел на обрывок, пока не понял, что спастись бегством незачем. Никакой неведомый обитатель трясины не устраивал здесь западню. Составленная из многих кусков веревка не была перекушена – все-

го лишь разошелся неумело завязанный узел.

Глава 12

Один

В гаснущих сумерках следующего дня Эрвин выполз на каменистый берег, взобрался выше черты самого высокого прилива, упал и сразу уснул. Какие-то животные бродили вокруг него ночью, но не решились подступить вплотную. Временами выпадая из сна в дрему, он чувствовал их присутствие, слышал шорох когтей по камню, обонял незнакомый запах. Есть зверье – тем лучше. Животные – это пища. Это хорошая пища, в отличие от головастиков, которые надоели до рвоты. И Эрвин снова проваливался в сон. Здесь, на твердой теплой гранитной скале, прогретой солнечными лучами и не успевающей остыть за ночь, можно было спать сколько угодно.

Никто не посмел напасть на него в темноте, а когда рассвело, он заметил нескольких чешуйчатых зверьков, с любопытством смотревших на него и не выказывающих ни злобы, ни боязни. Удар бича прикончил одного из них, остальные отбежали подальше, однако и не подумали умчаться восвояси, а, высунув языки, расселись рядком в некотором отдалении и смотрели, как человек готовит себе завтрак. И только когда дым костра вильнул в их сторону, они нехотя разбрелись и исчезли в кустах.

Ничего вкуснее этого зверька, зажаренного на палке, Эр-

вин не ел с тех пор, как ступил за кордонный невод на материковом мысу, а теперь ему казалось, что ничего вкуснее он не ел с самого рождения. Истекая слюной, он не стал дожидаться, когда пища прожарится, и набросился на дымящееся полусырое мясо с алчностью пираньи. Пожирая зверька, он взрыкивал и подвывал. Он давился мясом, мучаясь икотой и успевая зорко поглядывать по сторонам: не собирается ли кто отнять его добычу? Даже себя он не стал бы защищать с такой яростью, как полуобглоданную тушку убитого им животного. Как хорошо, что он дошел один! Будь здесь еще кто-нибудь – пришлось бы делиться.

Объевшись «зайцем», как он решил назвать это неизвестное ему животное, он снова уснул, на этот раз крепко, без снов, и проснулся не раньше, чем почувствовал, что больше не хочет спать. Сколько раз во время скитаний по болоту он мечтал вволю наестся и выспаться! – и вот получил разом то и другое. Чего стоит жизнь, если в ней не исполняются мечты? Ломаный грош. А значит, они должны исполняться...

Во всяком случае, для тех, кто умен и упорен.

Пока он спал, остатки зверька куда-то исчезли, но Эрвина это не огорчило: доверчивых зверьков в любой момент можно было добыть сколько угодно, «зайцы» прямо кишели в зарослях на берегу и без боязни подпускали к себе человека на несколько шагов. Похоже, они никогда не встречались с людьми.

Эрвин удержал себя от жгучего соблазна сейчас же пере-

бить как можно больше тупых «зайцев» и обеспечить себя пищей минимум на неделю. Успеется. А пока стоит осмотреть новые владения.

Теперь, когда он достиг своей цели, мышцы не желали трудиться как следует. С трудом поднявшись на вершину невысокой горушки, Эрвин был вынужден присесть на теплый камень, но и сидя увидел вдали океан. До его берега можно было дойти за день, одолев несколько холмов и увалов. Как ни хотелось немедленно пуститься в путь, трезвый расчет подсказал Эрвину, что торопиться незачем. Кошмар Саргассова болота остался позади, и теперь некуда спешить.

Спустившись в низинку, он нашел ручей и напился. Вода, к его удивлению, оказалась теплой и минеральной. То и дело отдыхая, он поднялся вверх по ручью и нашел природный бассейн с горячим источником. Несколько животных незнакомо вида валялись на мелководье, явно блаженствуя.

Эрвин прогнал их камнем и решил, что лучшего места ему не найти. Сюда не долетал резкий ветер с океана, здесь почти не обонялись гнилые миазмы болота. Пять дней он жил подле источника, ежедневно подолгу купаясь в бассейне и быстро восстанавливая силы. Он отскреб с себя корку грязи, вылечил гноящиеся глаза, добился шелковистости шевелюры и отросшей бороды и уничтожил лишайную корочку в паху. Спал на куче мха и сухих веток, а если небо сулило дождь, перебирался в шалаш, построенный им под развесистым деревом с изумительно сочными плодами.

Он много ел. Кроме плодов и ягод, на острове бегало, ползало и произрастало все, чтобы вкусно насытить голодного изгнанника. Охота на «зайцев» всякий раз приносила успех. Крупные нелетающие птицы с нежным, но жирноватым мясом без труда ловились голыми руками. Ленивые ящерицы, кормящиеся болотными водорослями в полосе отлива, вносили разнообразие в меню. Ни крупных одиночных хищников, ни мелких стайных, опасных числом, на острове, по-видимому, не водилось, и Эрвин вскоре перестал принимать меры предосторожности во время сна. Даже крылатые твари, ужас Саргассова болота, почему-то избегали летать над сушей. Он, единственный на острове человек, являл собою вершину пищевой пирамиды, что его вполне устраивало. Беспокоиться было не о чем.

На шестой день он почувствовал себя достаточно окрепшим для большой прогулки и к вечеру пересек остров от болота до океана. Вид катящихся к песчаному берегу океанских валов взволновал его. Как ничтожен перед водной стихией единственный материк по имени Материк, плоский и заболоченный не только по периферии! Как ничтожны люди, давшие планете уничижительное имя Хлябь, люди, настолько погрязшие в нескончаемой суетливой возне, в борьбе выгод и тщеславий, что, умея смотреть, они разучились видеть!

Эрвин набрал в ладони соленой морской пены, умылся ею и засмеялся.

Кристи была права: выгнать приговоренного в Саргассово

болото, вместо того чтобы скоро и милостиво пристрелить его, и объявить изгнание в ад гуманностью – это по-человечески. Позволить приговоренному пройти через ад и достигнуть рая – это абсурд, а значит, тоже по-человечески.

Он нашел бухточку, защищенную от волн, вволю выкупался, выстирал и высушил на горячем песке обрывки одежды. По правде говоря, от тюремной робы и неудобных штанов осталось как раз столько материи, что впору было задуматься: надеть ветхие обрывки на себя или обернуть ими чресла на манер набедренника? И что делать, когда ветошь совсем истлеет?

Некоторое время его занимал этот вопрос, затем Эрвин рассмеялся. А ничего не делать! Зимы в этих широтах не бывает, можно обойтись вовсе без всякой одежды. Стесняться некого, людей здесь нет и не предвидится.

Он один достиг Счастливых островов, только один! Другие не смогли бы, а Матиас – самый умный! – сразу понял, что незачем долго мучиться, оттягивая финал. Хотя какая разница, что он там понял... Кто, ну кто мог бы дойти, пусть эту девятку по болоту еще раз? Юст? Пожалуй, этот паханчик мог бы сдохнуть последним, для этого у него были все данные, он даже учиться немного умел, – но все равно не увидел бы Счастливых островов даже издали. Джоб с Валентином? Никогда. Старик Обермайер, миссионер церкви Господа Вездесущего? Дудки. О Марии-Кубышечке вовсе речи нет. Лейла? Тоже вряд ли...

Вспоминать о Кристи не хотелось.

Без сомнения, ему повезло – но другим не помогло бы и хроническое везение!

Он дошел! Он победил! Шансов дойти, доползти, дохлюпать было ничтожно мало, шансов практически совсем не было на материке, и после Гнилой мели их почти не прибавилось, разве что чуть-чуть, но он лелеял каждый шанс, он собирал и копил их, как скряга копит медяки, и в конце концов он оказался прав, потому что выиграл.

Разве это так трудно – просчитывать наиболее разумную линию поведения и не отклоняться от нее?

Свою линию он предварительно просчитал еще в тюремном автобусе, исподволь рассматривая тех, кого слепой случай послал ему в попутчики, и уточнил расчет на берегу за кордонным неводом. Уже тогда стало ясно, что надо отделиться от остальных: среди осужденной шушеры оказался лидер, вознамерившийся грубо и примитивно сделать то, что он, Эрвин, собирался сделать тонко и ненавязчиво. Благородный глупец вступил бы с ним в схватку тут же на берегу, чтобы в случае победы служить объектом медленно, но верно растущей ненависти. Отделившись, следовало маячить поблизости, выводя из себя Юста и служа для его покорных двуногих орудий заманчивым примером не только удачливости, но и человечности, которая как капитал много стоит. Однако не стоило раньше времени провоцировать бунт против пахана: сильный боец отнюдь не помеха

при прорыве через Гнилую мель...

Так оно и оказалось.

Непредвиденная смерть Хайме внесла в основной расчет большие коррективы. Эрвин предполагал использовать мелкого гаденыша наряду с Кристи как двойной и, следовательно, более надежный буфер между собой и оставшимся человеческим массивом. Правда, тогда скорее всего пришлось бы собственноручно убить Юста на Гнилой мели... но почему бы и нет? В ночной суматохе сделать это наверняка было бы нетрудно.

Хайме погиб, и убивать Юста самому не пришлось. Так было даже лучше. Приходилось лишь до поры не поворачиваться к Юсту спиной: покорность бывшего строптивца только насторожила пахана.

Дальше пошло легче, почти как по маслу. Не стоило жалеть об уходе хромого проповедника и Вонючки – эти двое не выдержали бы и двух дней пути. Отработанный, бросовый материал.

Троих оставшихся как раз хватило, чтобы четвертый мог достичь Счастливых островов. Они могли бы спастись, не оказись путь столь труден и долог.

В принципе, после смерти Юста можно было узурпаторствовать так же нагло, как он, – у остальных все равно не было выбора. Но тогда впасть в губительную истерику мог не Валентин, а Джоб или Кристи. Пришлось выбирать.

Эрвин не сомневался: мертвецы не станут являться ему во

сне, надоедая укоризной. Какие претензии? Честное состязание, чистая победа интеллекта. Он просчитывал каждый шаг... ну почти каждый, а они просто шли, как бараны, надеясь неизвестно на что.

Неужели они верили в него как в спасителя? Да нет, конечно. Но им очень, очень хотелось поверить. Смерть каждого шла ему на пользу, потому что обогащала новым знанием и позволяла точнее просчитывать ситуации.

И потом, разве он врал им? Врать и разумно пользоваться правдой – не одно и то же. Он никого не убил своими руками и никого не заставил идти с ним против воли. Уж Юста – точно нет. Никто не скажет, что он не подвергался опасности. Да, он подставил их всех, одного за другим, прошел по их костям, потому что иного выхода не просчитывалось, и, между прочим, еще на материке понял, что будет вынужден влюбить в себя девчонку, – а кто им мешал поступить так же? Никто и ничто, кроме хилости их умишек.

Аминь.

* * *

Через неделю Эрвин знал свой остров вдоль и поперек, оценил расстояние до соседних островов и изучил насколько было возможно силу и направление течений в проливах – пока на всякий случай, без определенной цели. Потом, найдя под корягой гнездо местных зверьков и сосчитав количе-

ство детенышей, а также прикинув приблизительно остальные параметры островного биоценоза, вычислил продуктивность местной пищевой базы – выходило, что остров может прокормить восемнадцать человек одними только «зайцами» без ущерба для численности последних. Мозг требовал вычислений, получил их и на время успокоился.

Дичь по-прежнему вела себя доверчиво. Что ей один человек?

Он не любил смотреть на болото, преследующее его в ночных кошмарах, но с некоторых пор стал в ненастные и малолунные ночи зажигать большой костер на ближайшем к болоту холме – маяк, видимый издалека.

Кто-нибудь, когда-нибудь...

Понемногу он заплывал жирком, что ему не нравилось. К физическим упражнениям и спорту он испытывал отвращение с детства. Вынужденная физическая нагрузка – иное дело. Может, немного попутешествовать для поддержания формы? Этот остров безлюден, но почему бы не поискать товарищей по несча... по счастью на других островах?

Решено: он обойдет всю островную дугу от края до края. Сначала он двинется к северу, а если не найдет там людей, вернется и пойдет на юг. Нет, в Саргассово болото он больше не сунется – хватит с него болот на веки вечные! Узкие проливы между островами можно одолеть вплавь, а для переправы через широкие придется выдолбить лодку или связать плот. Времени на это не жаль – спешить, в сущности,

некуда. Он еще далеко не стар, у него впереди полжизни.

Через три месяца он достиг крайнего северного острова архипелага, не встретив по пути никаких следов человека, и несколько дней жил на заброшенном, заросшем густолесьем полигоне. Зверье вновь расплодилось на острове и не боялось человека. Иногда в лесу встречались обомшелые бетонные конструкции, проржавевший в труху металл. Наткнувшись на старую потрескавшуюся автопокрышку, Эрвин долго гладил ее ладонью, умиляясь и всхлипывая.

Год спустя он точно так же сидел на скалистом берегу крайнего южного острова, глядел в океан и плакал. Долгий и трудный путь был позади. Впереди же не было ничего, только длинный каменистый мыс на южной оконечности острова полого уходил под воду, и пенные морские барашки пачкали на нем свои руна о лохматый край Саргассова болота. Где-то далеко за горизонтом лежал материк – чересчур далеко, чтобы можно было надеяться достичь его на самодельном суденышке из подручного материала.

Эрвин плакал.

Нигде он не оставался дольше, чем было необходимо для того, чтобы осмотреть место и подготовиться к следующему броску на юг. Не спешить, но и не терять времени – таков был его девиз.

Непуганая дичь говорила сама за себя, но Эрвин добросовестно исследовал очередной клочок суши, начиная с тех уголков, где сам устроил бы лагерь. Попадались следы ста-

рых пожарищ, но не кострищ.

Он едва не погиб от удушья во время вулканического извержения на одном поганом острове и успел выбраться из горящего леса, хотя огонь гнался по пятам, с неба рушились раскаленные бомбы и в трех шагах ничего не было видно от жгучего пепла. Он спасся, когда при переправе через не самый широкий из проливов какая-то хищная морская тварь перекусила надвое пирогу, и спасся еще раз, будучи унесенным в океан на хлипком плоту, что пришлось построить взамен пироги. Он прошел из конца в конец всю островную дугу, все тридцать девять клочков суши, больших и маленьких, низких и высоких, гостеприимных и не очень, спокойных и усеянных дымящимися кратерами. Он спал на опавшей листве, на ветвях деревьев, на голых камнях, в теплых лужах возле действующих гейзеров, на корявых спинах старых лавовых потоков, содрогающихся от подземного гула. Он разговаривал сам с собой и с мертвецами, не дошедшими до Счастливых островов. Иногда ему начинало казаться, что он в самом деле любил Кристи, и тогда он, боясь сойти с ума, свирепо и едко набрасывался на себя, высмеивая странные фантазии.

Однажды в каком-то умопомрачении он забрался в Саргассово болото на полдня пути и натерпелся страху, возвращаясь. Но по-настоящему пугала мысль: если бы не надежда, гнавшая его вдоль островной дуги, он, пожалуй, побрел бы и дальше – на запад, к материку...

Почти везде он легко находил пищу.

Он не нашел людей.

Один раз на горизонте прошел корабль. Пока он не скрылся из виду, Эрвин жег на скале дымный костер, прыгал и махал над головой остатками одежды, ныне окончательно истлевшими и брошенными за непригодностью, сорвал голос в крике – хотя прекрасно понимал, что никакой корабль и близко не подойдет к Счастливым островам. Эти острова не для кораблей.

Они для тех, кто дошел.

Вернее, для того, кто дошел.

Для единственного. Тридцать девять островов – для одного человека!

Слишком много, чтобы хоть в чем-нибудь нуждаться. Ничтожно мало, чтобы со временем не сойти с ума или не отважиться двинуться назад через Саргассово болото. Что, впрочем, в здравом уме и невозможно.

А может быть...

Может быть, в один прекрасный день или в одну не менее прекрасную ночь на каменистый берег выползет еще один полумертвый счастливчик, недоглоданный болотом? Пусть это чудо случится не сегодня, не завтра и даже не через год, лишь бы когда-нибудь оно все же случилось. Ведь оно может случиться? Когда-нибудь...

Эрвин знал ответ: никогда. Чтобы дойти до Счастливых островов, чуда недостаточно. Даже летать по воздуху – чего

уж проще! – человек научился по точному расчету, а чудеса остались ни при чем. Он, Эрвин, дошел потому, что считал. Считать приходилось постоянно, ибо обстановка менялась по несколько раз на дню, и он считал, когда шел молча, выискивая глазами опасность, и когда охотился на головастика, и когда разговаривал с Кристи, зачастую не зная, что будет делать через пять минут, когда закончит расчет.

После всех расчетов, сделанных во время пути, после бесчисленных поправок и проверок вычислений Эрвин мог без труда рассчитать математическое ожидание и дисперсию времени появления на Счастливых островах еще одного спасшегося счастливца – и не мог заставить себя начать расчет, предвидя результат.

Чудо... Даже цепочка чудес, называемая хроническим везением. И еще – человек должен быть уникальным вычислителем или обладать столь же уникальной интуицией.

Эрвин знал, что на Хляби нет никого, кто мог бы сравниться с ним в умении считать. В великих интуитивистов он никогда прежде не верил, как и в безошибочных предсказателей будущего.

Но сейчас ему очень хотелось поверить.

И пожалуй, он мог предсказать свое будущее.

2000 г.

Язычник

Глава 1

Поперечно-полосатый

От самых ног, от пузырящейся лужи, в которую ушли при-
вязанные к ступням мокроступы, и до горизонта расстила-
лось то, из-за чего планету окрестили Хлябью. Ровное, но
не гладкое, в кочках и пучках травянистых растений, кое-где
покрытое лужами с застоявшейся вонючей водой, местами
оборачивающееся откровенной трясинной, а местами вполне
проходимое, но все равно прячущее под надежной, казалось
бы, поверхностью из мертвых водорослей коварные «окна»
гиблых топей, на западе, юге и севере болото плавно перете-
кало в небо сквозь прослойку дымки у горизонта. В штиль
оно было тихим-тихим. Лопнет с бульканьем пузырь воню-
чего газа – и вновь тишина и спокойствие.

Тишина и вонь. Вонь и тишина.

Слушай. Обоняй. Вот оно, то, что сильнее тебя.

Саргассово болото, побежденное лишь раз и победившее
своего победителя.

Горечь – да. Но зато ни гнева, ни страха. Болото выводит
из себя лишь нетерпеливых, а пугает тех, кто еще не устал

пугаться. И еще тех, кто не понимает, кто не принял для себя, не вбил в свои мозги незыблемый постулат: страх – твой первейший враг. Задави его в себе, забей, умни и утрамбуй до размеров разумного опасения, владей им, чтобы он не завладел тобой, а гнев вычеркни вообще, и тогда ты можешь быть уверен, что продержишься. Хотя бы какое-то время.

На этот раз Эрвин забрел в болото дальше, чем сам хотел. А пришлось: нужен был новый бич. Старый истрепался, подвял, стал похож на обыкновенную веревку и больше не резал плоть. И то странно, что он прошел с хозяином все Саргасово болото и продержался после этого целый год.

Но все со временем приходит в негодность: и вещи, и люди.

Лозу-бичевку, чье прячущееся в зыбуне корневище и было лучшим в мире бичом, удалось найти только на второй день. В сражении с корнем Эрвин едва не потерял кисть руки, но взял верх. Остро не хватало настоящего ножа. Если бы не куски обсидиана, подобранные в прошлом году на вулканическом острове, и не терпение, позволившее в конце концов изготовить из вулканического стекла приемлемое лезвие, лоза одолела бы человека. Да и против человека с каменным ножом у нее были кое-какие шансы. Против неопытного человека...

Эрвин знал повадки лозы. До болота – только в теории. На болоте он впервые взял лозу с помощью Кристи. Теперь он был один, но стал гораздо опытнее. Единственный, но точ-

ный бросок, быстрый рез – и обрубок корневища, брызжа зеленым соком, втянулся в зыбун, а обмякшая, не успевшая хлестнуть как следует лоза стала бичом, почти таким же хорошим, как прежний.

Сматывая оружие, Эрвин глухо засмеялся, и смех быстро перешел в кашель. Как все-таки быстро действует на человека Саргассово болото: не успел углубиться в него – уже выворачивает... Все потому, что не новичок, а организм, знакомый болоту, и оно уже знает, как заползти невидимкой внутрь, не станет вести долгую разведку, ринется сразу...

Страшно подумать, что оно сделает через неделю-другую с человеком, который однажды победил его. Вернее, какое-то время думал, что победил...

Самый простой вариант: вымотает до полусмерти, отберет силы, отнимет даже то жалкое оружие, которое удастся добыть или смастерить, заставит ползти, медленно умирая, вволю натешится моральной победой – и уже тогда сожрет. Может, съест само, как съело Кристи, а может, напустит охотников за чужой плотью. Одни змеи чего стоят...

Гористые вершины Счастливых островов висели на востоке над вечной дымкой, как спины невиданных животных. Когда-то они тянули, манили, вливали толику силы, которой уже вовсе не осталось в ползущем на восток человеке; влили – и он дополз. Теперь же Эрвин спешил к островам просто потому, что еще не чувствовал себя готовым к новой схватке с болотом. Да и глупо было бы возвращаться на материк той

же дорогой.

Сначала много дней пути по зыбуну. Затем полынья, которая вряд ли когда-нибудь закрывается, слишком уж она широка для этого. За полыньей – Гнилая мель с ее одичавшими каннибалами. После Гнилой мели еще не меньше недели пути на запад до материка – и уже там кордон. Хватило бы и одного кордона...

Да и до него в одиночку не дойти никак. Даже до полыньи – и то вряд ли. Болото только на первый взгляд опасно лишь топами. Оно всегда обманывает. Можно идти два, три дня и не встретить никаких опасных тварей. Тут идущий расслабляется, начинает уделять больше внимания топам, забывая о тварях, а болото все еще не торопится пойти с козырной карты, выжидает. Терпения ему не занимать. А потом в самый неожиданный момент оно выставляет такой аргумент, о котором человек и позабыл давно. Хищники ползающие, бегающие, летающие, ждущие в засаде, плотоядные растения, плотоядные грибы...

Вчера за весь день не встретилось никого и ничего, если не считать нескольких хорошо заметных «окон» топи, которые Эрвин осторожно обошел. Так было и в прошлый раз, когда он, повинувшись безотчетному желанию, углубился в болото неведомо зачем и хорошо еще, что повернул назад, вовремя опомнившись. Так было и в позапрошлый раз, когда он шел с Большой земли, то есть не шел, а полз... Какая-то часть разума еще действовала и отмечала: вблизи Счастли-

вых островов опасность резко уменьшается.

Быть может, змей, язычников и прочих тварей, охотнее прячущихся под болотным ковром, чем разгуливающих по нему, выедают еще более свирепые хищники, приходящие с открытого моря? Древние, исконные хищники планеты Хлябь, не привыкшие еще к человечине и не интересующиеся человеком?

Другой гипотезы не было, и Эрвин осторожно принял эту.

Ночь прошла в общем спокойно, если не считать странного колыхания зыбуна. Причину явления Эрвин не установил, худшие подозрения не оправдались, удалось даже немного подремать перед рассветом на куче гнилых водорослей. Утром, добыв себе новый бич, Эрвин сразу повернул на восток, рассчитывая достичь своего острова до заката.

Острова, где он блаженствовал. Отчаивался. Дичал. Сходил с ума, дико хохоча на все четыре луны сразу и на каждую в отдельности. Своего острова, который он мечтал покинуть навсегда – и не мог.

Нетрудно было перебраться лишь на соседний остров – но ведь везде одно и то же. Почти на каждом острове достаточно пищи и воды, всюду можно построить шалаш, а то и найти пещерку, попадаютсся минеральные источники, горячие ключи и удобные естественные углубления, заполненные целебной грязью. В лесах – непуганая доверчивая дичь, в полосе отлива – мелкие копошащиеся морские твари, выборочно пригодные в пищу, хищников нет... чего ж еще? Наверное,

человек мог бы благоденствовать в этом спокойном сытом раю, если бы кто-нибудь ампутировал ему половину мозга.

Люди! Тому, кто всегда жил за их счет, пользуясь интеллектуальным превосходством над ними, не выжить в одиночку. Существование – это еще не жизнь. Воспаленный разум прикажет телу умереть. И лучше не просто так, а в борьбе. Затеять новую игру с минимальными шансами на победу, с заведомым поражением при одном-единственном незначительном промахе...

Только это и оставалось. С огромным трудом Эрвин сдержал безотчетный порыв проделать обратный путь на материк, идя строго на запад. Сдержал потому, что испугался: неужели он стал похож на тех людишек, что живут не разумом, а бессмысленными эмоциями? Должны были существовать и другие пути.

Найти их, выбрать наилучший, разработать план и осуществить его – это ли не достойная задача для лучшего мозга этой паршивой планеты?

Сегодня сделан еще один шаг в нужном направлении – добыт бич. Эрвин шел на восток. Самодельные плетенки из гибких прутьев, связанных полосками коры, ничем не уступающие прежним мокроступам, погружались в забун на полпяди, выдавливая черную пузырящуюся воду. Длинный шест Эрвин нес поперек. Попади он нынче на болото впервые – натерпелся бы страха. Но опыт есть опыт. Не приходилось и думать – глаза видели, ноги чувствовали упругое или

не очень сопротивление болотного ковра, и каждый мускул тела сам реагировал как надо.

Шаг. Шаг. Чвак. Чвак. Левее. Теперь правее...

В полдень Эрвин сделал привал и выпил немного воды из самодельного бурдюка. Пришедшая с океана туча поглотила оранжевый блин солнца, заморосил дождь. Лужи кишели головастиками, здесь их некому было ловить. За десятилетия применения к преступникам изгнания в Саргассово болото никто из приговоренных не добрался сюда – если не считать одного человека. Даже Кристи погибла западнее этих мест...

Эрвин попытался вспомнить, как он сам одолел последний день пути до Счастливых островов, и не смог. Помнил только, что уже не шел, а полз то на карачках, то по-пластунски, но, наверное, не терял сознания, не то, пожалуй, захлебнулся бы. Сумеречным было сознание, но было. Должно быть, он извивался в грязи, как червь, выгадывал у болота метр за метром, помня цель, но не помня, зачем движется к ней... и дополз, хотя был готовой пищей для любого болотного хищника. Повезло. А впрочем, в лотерею может повезти только тому, кто купил лотерейный билет. В Саргассовом болоте он достается только умным и сильным.

Сильным духом прежде всего, а не телом. Тело – что? Оно в подчинении у головы. Если надо, мышцы будут работать, пока не откажут, а это довольно долгий срок. Первопричина поражения не в мышцах, а в головах. У Валентина было еще довольных сил, но запаниковал, заистерил – и погиб. И Хайме

тоже. Лежать бы ему, а не бежать, тогда, глядишь, щупальце язычника прошло бы над ним. Чьи руки-ноги не слушаются головы, тому не видать лотерейного билета. Им нечем заплатить за него, они отроду нищие.

Щекотались головастики. Эрвин лежал прямо в луже, не обращая внимания ни на щекотку, ни на дождь. Сейчас он чувствовал себя частью болота, и это было неожиданно приятно. Конечно, днях этак в десяти пути от Счастливых островов эмоции были бы совсем другими, да и теперь разум не давал болоту обмануть человека фантомом безопасности. Но все же Эрвин чуть-чуть поблаженствовал.

Он знал, что в глубине души ему просто не хочется возвращаться на свой безопасный опостылевший остров.

Колыхание зыбуна вначале просто почудилось, но Эрвин привычно насторожился и медленно-медленно, стараясь в свою очередь не колыхнуть зыбун, встал на четвереньки. Показалось?.. Или на море разыгрался столь нешуточный шторм, что врывающиеся в проливы между островами волны заставляют колыхаться и поверхность болота?.. Возможно. Но более вероятно иное: глубоко под ковром из живых и гниющих переплетенных растений проснулся и начал медленное движение гигантский донный моллюск, неспроста прозванный язычником.

Раз начал шевелиться, то наверняка голодный.

– Сволочь, – очень тихо, но с большим чувством сказал Эрвин.

С некоторых пор он привык говорить вслух и находил в этом удовольствие.

Очень вовремя стих дождь. Ветра по-прежнему не было, головастики почему-то успокоились, и ничто не рябило лужи... ничто, кроме движения язычника.

Он двигался почти точно с востока на запад.

Как раз в направлении Эрвина.

Другой бы кинулся бежать, забыв о том, что беготня по болоту не приводит ни к чему хорошему. Забыв еще и о том, что встречаются язычники со щупальцем стометровой длины.

Эрвин остался на месте.

Все знают, что язычник слеп. На что ему глаза там, под зыбуном, в черной от торфа воде, не воде даже, а густой жиже? Язычник слеп, но чуток ко всякому движению на зыбуне. Он не почует неподвижного человека. Он просто проползет или проплывет под ним, протащит в мертвой жиже свое туловище прямо под добычей и останется ни с чем. Только бы не вздумал остановиться...

Зыбун перестал колыхаться. Лужи разгладились.

Черт...

Эрвин не шевелился, даже дышать стараясь через раз. Сделал ли язычник краткую остановку – или уже занял новую позицию для охоты?

Если первое, тогда ладно, можно и подождать, но плохо, если второе.

Медленно-медленно текли минуты.

– Ползи, – мысленно упрашивал Эрвин язычника, хоть и не знал, ползает ли тот по дну или плавает над ним. – Ползи, прошу тебя. Уползай. Зачем ты вообще заполз так близко к океану? Тут нет зверья, нет пищи. Или ты специально искал меня?..

Тишина. Лишь прожужжало возле уха насекомое, сделало круг и унеслось куда-то, не слишком заинтересовавшись человеком. За столетия освоения Хляби насекомые так и не привыкли кусать людей – зато крупные твари решили, что двуногая пришедшая еда вполне годится для голодных желудков.

Ни звука. Ни движения.

Хуже всего было то, что Эрвин не знал, как близко язычник подобрался к нему: на двадцать метров или на двести? Достанет ли щупальцем, если вскочить и попытаться удрать? Большой язычник или маленький и какая в этом месте глубина?

Такая простая с виду задача, а неизвестных больше, чем уравнений.

И замер человек на карачках, ждет.

Его инструмент – интеллект? Умение точно подмечать, немедленно представлять в уме картину как математическую задачу и быстро вычислять? Мгновенно возникающие в уме формулы и системы уравнений?

Это так. Но главным инструментом для него всегда были

люди. И тогда, когда он был юн и стремился изо всех сил покинуть ту дыру, где родился и провел детство, и тогда, когда он был тенью президента Сукхадарьяна, серой мышкой маяча на заднем плане, — люди оставались для него не только материалом, нуждающимся в сортировке и обработке, но и самим инструментом. Как правило, их нетрудно было заставить делать то, что нужно. Каждый требовал особого подхода, но это-то как раз и делало задачу интересной.

Она почти всегда была решаемой.

И совсем иное дело — противостоять тупой животной силе и животной же хитрости, порождению совсем иного мира, нежели родной человечеству мир. Тут волей-неволей и сам опустишься до животного уровня...

Ноги затекли. Эрвин медленно встал во весь рост.

Уползать по-пластунски — не решение. Язычник все равно почувствует колыхание зыбуна. Бежать не менее рискованно — не ровен час провалишься, и тогда щупальце найдет и схватит тебя. Уходить в нормальном темпе совсем глупо.

Отвлечь хищника — нечем.

Оставалось только ждать. Прошел час, и Эрвин осторожно присел на корточки. Туча ушла, солнце жарило, болото сочилось испарениями. По спине под грубой кожаной курткой текли ручейки пота. Еще час, ну два такого ожидания, и придется что-то предпринять. Не век же торчать на болоте. Надоевший остров вдруг показался родным и желанным. Думалось о том, что бревна, сложенные в яме, подоженные

и присыпанные землей перед уходом, ко времени возвращения прогорят до золы и придется вновь добывать огонь трением – удовольствие маленькое, особенно по сырой погоде. Думалось и о том, что пора сшить новые мокасины, соединяя шкурки «зайцев» не лыком, как раньше, а жилками или тонкими кожаными шнурками. Особенно сладко думалось о горячем минеральном источнике – упасть в естественную ванну и отмокать...

Все это были поверхностные мысли, их, собственно, и мыслями считать не стоило. Вторым слоем, глубже и медленнее, текли мысли иные. Те самые, которые гнездились в голове с тех пор, как Эрвин раздумал сходить с ума и начал решать задачу о возвращении к людям. Не к тем, конечно, что прозябают на Гнилой мели...

Спустя полчаса Эрвин вновь поднялся, озабоченно поглядел на начавшее клониться к закату солнце. Если так пойдет дальше, то домой засветло не попасть. Но если язычник не просто решил передохнуть здесь, а выбрал новое место для засады? Он может проторчать тут в неподвижности несколько дней.

Настала пора решиться. Эрвин попробовал, насколько плотно примотан к концу шеста острый осколок обсидиана, и остался доволен. Подергал одежду, заткнул за пояс болтающуюся полу куртки. Оглянулся, ища свои почти затянувшиеся следы. Бежать следовало строго на запад, затем, оказавшись в безопасности, описать большой полукруг, и, обойдя

язычника, вновь взять курс на восток. Глупо бегать по болоту, но шагов сто, наверное, можно, риск умеренный...

Он несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул. Затем сорвался с места.

И сразу же почувствовал, как бешено заходил под ногами зыбун. Язычник был тут, рядом, гораздо ближе, чем казалось.

Существуют игры, в которых всегда проигрывает нетерпеливый. Эрвин понял, что близок к проигрышу, еще до того, как позади него болотный ковер как бы взорвался. А когда из пробитой в зыбуне дыры вместе с ключьями водорослей и черной грязи взметнулось к небу громадное щупальце, он уже падал вперед, выгадав лишний шаг и умудрившись перевернуться в падении на спину.

Взвившийся «язык» донного хищника изогнулся, хлестнул низко над болотным ковром, задел и снес кочку. На лицо Эрвина упал шмат грязи. Обдало ветром – щупальце пронеслось совсем рядом, описало круг и выпрямилось, как лишенный ветвей ствол высоченного дерева. Оно оказалось не таким уж длинным, Эрвин видел язычников и покрупнее, но он все равно находился в пределах досягаемости щупальца. И уже ничего не просчитать, вся надежда только на везение. На глупое слепое везение...

Эрвин ненавидел такие моменты и знал, что именно ненависть к себе и всему миру помогает ему бороться со страхом. Животный ужас он ненавидел еще сильнее.

Не бежать, не ползти. Лежать, не шевелиться. Пусть щупальце уберется в зыбун, и тогда один резкий рывок даст нужный выигрыш расстояния. Четыре-пять хороших прыжков – и языкастая тварь уже не дотянется до жертвы.

Щупальце покачивалось, по нему, как по невиданной кишке, пробегали медленные волны. Оно не было бледно-лиловым, как щупальца всех виденных доселе Эрвином язычников, – оно имело лимонный цвет с поперечными светло-зелеными полосами. Круглым в сечении оно тоже не было – скорее уплощенным, как длинный-предлинный древесный лист или травинка, и по краям его шевелилась бахрома коротких отростков. Наверное, тут, ближе к краю болота, водились язычники другого вида...

«Но ведь не вегетарианцы же!» – подумал Эрвин, когда щупальце начало склоняться над ним. Человек лежал без движения, стараясь не дышать, и все-таки язычник точно знал, где добыча.

Эрвин осторожно потянул к себе шест, перехватил его удобнее и выставил обсидиановым острием вперед. Широкое, отороченное шевелящейся бахромой щупальце нависло над ним. Эрвин видел, как мелкие отростки сами потянулись к добыче.

Но через мгновение он увидел и другое: щупальце имело глаза! Расположенные повдоль, крупные у корня щупальца и мелкие ближе к его концу, снабженные вертикальными кожистыми веками, блестящие, черные, как грязь, они осмат-

ривали лежащего человека, как показалось, с холодным равнодушием. Ну еще бы глаза такой твари выдали вожеление! Эмоции моллюсков, да еще неземных, так же далеки от понимания людьми, как далека от Хляби прародина человечества.

Щупальце все не падало на жертву, разве что немного склонилось над ней. Эрвин приготовился ткнуть копьем в глаз. Если точно попасть, если у язычника данного вида развитая нервная система, если его глаз хоть немного чувствителен к боли, то, возможно, удастся выиграть несколько мгновений, чтобы убежать. Малый шанс лучше, чем никакой. Всю свою жизнь Эрвин искренне презирал людей, сдающихся раньше времени. Чем они лучше кролика перед удавом?

Внезапная дрожь прошла по щупальцу, и, вместо того чтобы пасть на жертву, оно выпрямилось во весь гигантский рост. Казалось, на болоте сам собою воздвигся обелиск. «Сейчас хлестнет сверху вниз и прихлопнет», – решил Эрвин и ошибся. Со скоростью идущего вниз лифта щупальце втянулось в пробитую им дыру. Чавкнула грязь. Пологая волна мягко приподняла и опустила болотный ковер вместе с лежащим Эрвином.

Он не стал терять времени – вскочил и дал деру, но уже спустя десяток прыжков разумно перешел с бега на шаг. Все равно язычник теперь уже не достанет и не догонит... Интересно получилось. Интересно и очень странно...

Естественная радость боролась с недоумением: что это

было? Описав, как и собирался, большой полукруг, вновь устремившись к востоку, где маячили вдали Счастливые острова, Эрвин в конце концов решил не думать пока о случившемся. Спасаю – и ладно. До острова еще топать и топать, а поразмыслить над феноменом природы можно и там. Если этот феномен вообще стоит того, чтобы докапываться до его сути, а не просто принять как факт...

Глава 2

Дела давно минувших дней

Искусственная тяжесть в коридорах рабочего общежития опять барахлила, меняясь непредсказуемым образом от стандартного одного «же» до семи процентов от стандартного значения, свойственных этому астероиду. Взрослые ходили с опаской, старики ругались, подверженные мигрени глотали снадобья. Хмурые ремонтники поднимали там и сям решетчатые полы, ныряли вниз, неспешно проверяя один гравитатор за другим, пытаясь найти причину рассогласования, и даже не огрызались на упреки и ядовитые шуточки. Мальчишка лет восьми, вприпрыжку бегущий по коридору, напротив, был на седьмом небе от счастья. Аж взвизгивал восторженно, взлетая к потолку, бегал по стенам и порой отваживался крутануть сальто.

– Шею себе не сверни, акробат, – проворчал попавшийся навстречу рабочий, разумно пробирающийся по стеночке, где стараниями неведомого инженерного гения были кое-как приварены металлические перила.

– Этот-то? – отозвался другой рабочий, бредущий в кильватер первому. – Этот шею не свернет. Шустрый мальчонка и с умом. Глянь – как кошка. Думаешь, он очень смелый?

– Почему смелый? Просто дурак.

– Наоборот, шибко умный. Если не уверен на сто процен-

тов, то и не прыгнет. Он такой. Помнишь Густава Канна?

– Отчаянного-то? Угм.

– Ну так это его сын. Золотая голова. Далеко пойдет, если не остановят.

– Откуда пойдет – отсюда? – хмыкнул, не повернув головы, первый рабочий. – Ну, ты скажешь...

Мальчуган уже не слышал их разговора. Добравшись до места, где кольцевой коридор выходил из скалы на поверхность, он выждал малой тяжести и, подпрыгнув к потолку, завис там, вцепившись в окантовку верхнего иллюминатора (нижние были наглухо заварены после того, как один свихнувшийся шахтер попытался разбить их кувалдой). Сквозь многослойную стеклянно-полимерную склейку и осевший на ней слой минеральной пыли просматривалась безрадостная каменистая равнина с торчащими там и сям технологическими конструкциями и грудями мусора, а справа над равниной висел бурый, весь в тугих завихрениях ураганов, край Циклопа – крупнейшей газовой планеты этой системы.

Разнокалиберными серпиками рассыпались луны. Тускло блестящей саблей изогнулось кольцо. Там и сям в звездной черноте неспешно плыли сверкающие искорки – рудовозы. Раздвоенные тени скал распростерлись по равнине – левые тени погуще, правые послабее, чуть размытые. Двойное солнце системы не попадало в поле зрения, зато и не слепило.

Привычная картина. Но завораживающая.

Вновь вернулась стандартная тяжесть, висеть стало трудно, и мальчик спрыгнул на решетчатый пол. Побежал, увернувшись на ходу от электрокара.

– Мама! Ма-а-а-а-а-а-ма!...

Кричать начал, еще не достигнув двери своего бокса. Ворвался, чуть запыхавшись.

– Мам! Спроси меня, сколько будет триста шестьдесят девять умножить на девятьсот шестьдесят три.

Нестарая еще женщина, оторвавшись от штопанья детской курточки, подняла на сына отсутствующий взгляд. Очнувшись, вымученно улыбнулась, отчего морщинки вокруг глаз выступили резче, поправила седую прядь.

– Сколько?

– Триста пятьдесят пять тысяч триста сорок семь!

– А четыреста восемьдесят восемь умножить на восемьсот сорок четыре?

– Четыреста одиннадцать тысяч восемьсот семьдесят два! – не задумываясь, выпалил мальчик. – Хочешь проверить?

– И так верю. Ты молодец.

– Нет, ты проверь, проверь!

– Зачем? – Женщина вздохнула, и взгляд погас.

– Мам! Ну ма-а-ам! Ты чего? Опять? Не надо, мам...

Сейчас подскочит и начнет тормошить, подумала женщина, вновь заставляя себя жить осмысленно. Но на улыбку уже не хватило сил.

– Ты почему не в школе?

– А! Что там делать! – Сын махнул рукой. – Считать я умею лучше учителя, а зачем рудокопу остальное?

– Ты... ты хочешь стать рудокопом?

– Да, рудокопом на астероидах! Как отец!

«Боже, – подумала женщина. – И это все, чего он хочет? Считать умеет, но глуп, и кто знает, когда поумнеет? Господь вседержитель, пошли мне терпения!»

Когда она вновь заговорила, ее голос был таким, что сын поневоле начал слушать.

– Твой отец много лет мечтал увезти нас отсюда. Он так и погиб с этой мечтой – добровольно пошел на опасную, но денежную работу. Еще бы год, ну два... Теперь – начинай сначала... Запомни: если ты выберешь судьбу рудокопа, то твой отец играл в ненужную игру да и ты проиграл заранее. Ты должен учиться, сынок. Понимаешь? На свете есть другие планеты – чудесные, счастливые миры. Попасть туда не просто, но за это стоит бороться. За голубое небо, за мягкую траву под ногами, за водопады, срывающиеся с гор, за крики птиц, за теплое ласковое море...

«За ощущение превосходства над людьми, – добавил про себя Эрвин несколько лет спустя. – За красивые комбинации, за победы в таких играх, в которые отец не играл, за азарт, совсем не чуждый расчету, а дополняющий его как сладкий десерт...»

– Ты пьяный, что ли?

Эрвин знал, что Сукхадарьян не поверит ему. Но он не видел иного выхода.

– Прай должен быть устранен, – повторил он. – Лучше сейчас, чем через месяц. Лучше через месяц, чем через два. А через полгода будет поздно.

Наклонив бычью шею, устремив взгляд в столешницу, президент некоторое время пребывал в задумчивости.

– Ты думаешь... – изронил он наконец.

– Я уверен, – сказал Эрвин. – Если сделать это сейчас и аккуратно, никто не свяжет гибель Прая с политикой, тем более с интересами президента. Если и вылезет какой сумасшедший со своей версией, то все равно ничего не докажет. Именно сейчас ваш интерес в этом деле еще не просматривается. Напротив: личный траур, похороны по высшему разряду, возможно, обращение к народу...

– Да какой интерес! – рявкнул президент. – Нет никакого интереса! И никогда не было! Да я знаю Прая вот с таких лет! Чтобы Прай оказался иудой...

– Окажется, если не принять мер, – дерзко перебил Эрвин.

– Ты что, подсчитал это? – фыркнул президент.

– И очень тщательно.

– Хм, тщательно... Можешь показать расчеты?

– Они у меня здесь. – Эрвин коснулся головы. – Конечно, я могу перевести их на бумагу, только...

– Только – что? Я ничего не пойму – ты это хочешь ска-

зять?

Эрвин смолчал, но вздох его был красноречив.

– Ладно... – пробурчал Сукхадарьян. – Верю. Не пойму. А вот что Прай готовит переворот – не верю! Не такой он человек. Что свою игру ведет – да, ведет, конечно, кто бы сомневался. Так это нормально! Всяк ведет свою игру, и ты тоже. Может, мне следовало бы тебя проверить на лояльность в первую голову, а?

– Сколько угодно. Я готов.

– «Сколько угодно»! Готов он... А вот почему мне не докладывали ничего, что свидетельствовало бы о нелояльности Прая, а?

– Причин две, – объяснил Эрвин. – Первая: он еще не предпринял никаких действий, дающих повод для обвинений в нелояльности. Он всего только вырос в опасную фигуру, а если представить его личность как набор параметров и внутренних алгоритмов, то... впрочем, я уже изложил это. О второй причине умолчу, она очевидна...

– Моя секретная служба работает плохо, так? – набычился президент.

– Наоборот, хорошо... Но на кого она работает?

Эрвин казался себе скарабеем, пытающимся расшатать и опрокинуть скалу. Забыв о математике, он объяснял ситуацию «на пальцах», чувствуя, что все равно выходит неубедительно. Логическую слабину Сукхадарьян ловил влет, не понимая, что логика не всегда сестра математике. Болезнен-

но переживая неудачу, Эрвин предложил вместо устранения Прая дрянной паллиативный вариант, но и в этом потерпел неудачу.

Попыткой вразумить Сукхадарьяна он и сам цеплялся за соломинку и протягивал ее своему патрону. Надежда образумить босса все-таки существовала. Но единственный спасительный выход был отвергнут, и соломинка утонула. Остался мелкий сор.

За этот сор и цеплялся Эрвин, вначале пытаясь спасти президента, а потом уже себя, затем себя, а потом уже президента, и наконец только себя. Нельзя ведь спасти обремененного властью упрямого слепца. Верил он, видите ли, Праю, другу с самого раннего детства! На горшках рядом сидели!

Эрвин повел борьбу сам и имел бы некоторые шансы взять верх, не мешай ему Сукхадарьян. До самого конца бедняга так и не понял: у правила «президент не имеет друзей» не может быть никаких исключений.

Строго говоря, Сукхадарьян был плохим президентом... Немногие знали об истинной роли Эрвина при нем, но Прай знал. И без математических моделей было ясно: Алоиз Прай достаточно мстителен, чтобы вместе с президентом прихлопнуть заодно и советника. Причем не исключено, что за советником он будет охотиться особенно старательно...

...На более развитых планетах космопорты, хотя и отнесенные в пустыни и неудобья подальше от городов, окру-

жены по периметру силовым полем, в крайнем случае – забором со звукопоглощающими свойствами. Единственный космопорт Хляби имел ограду из заурядной железной сетки. Со стороны шоссе, ведущего от столицы, сетку разрывало громадное приземистое здание астровокзала. Собственно говоря, громадным оно было опять-таки по меркам Хляби.

На шоссе, а также на воздушной трассе над ним наблюдалось оживление, и было оно несколько одностороннего свойства. То и дело подъезжали и подлетали автобусы, наполненные нервными суетливыми людьми, и выглядели люди так, как будто убегали от цунами и еще не добежали до безопасного места. В обратный путь транспорт отправлялся на полном едва на одну десятую своей вместимости, причем направляющиеся в столицу приезжие выглядели изрядно озадаченными. Почти все встревоженно вертели головами: туда ли мы прибыли, куда надо, и не ошиблись ли, выбрав Хлябь? Одно название чего стоит.

Как правило, люди ошибаются не в том, о чем думают как об ошибке. Сейчас они ошибались, забивая себе головы сомнениями. Спору нет: сутки назад ехать в столицу не стоило и даже несколько часов назад не стоило, но ведь жизнь подчас развивается по синусоиде. Нижняя точка пройдена – торопись, водитель! Не опоздать бы захватить самый пик. Да, в городе с утра немного постреляли, но утихла уже та стрельба. Ликование народа – это как раз то зрелище, на которое стоит посмотреть. И встречные кажут тебе не угрюмые мор-

ды, а радостные человеческие лица, исполненные самых лучших чувств, и сам проникаешься всеобщим счастьем, пропитываешься им, как губка. Разве у негодаев могут быть такие светящиеся лица? Мы победили, жизнь прекрасна! Даже приезжие в конце концов не сомневаются именно в своей, а не в чьей-то там победе.

Пусты окраины, зато на главной площади бурлит человеческое море. Кто и когда успел понаделать столько транспарантов? Из каких оранжерей и с каких клумб взялось разом столько цветов? Кто ударным порядком воздвиг трибуну перед официальным, скучнейшего вида зданием, уже, между прочим, украшенным какими-то гирляндами? Неважно. Плохие мысли, неправильные мысли, прочь их! Разве о том надо думать сейчас?

– Прай – наш президент! – ревет усиленный голос, взрывной волной покрывая всю площадь.

– ...де-е-е-ент!... – подхватывает толпа.

Скандируют упоенно. Прай-наш-пре-зи-дент-дент-дент! Эхо ошалело и мечется, ударяясь о стены и не зная, куда еще кинуться.

– Преступную клику Сукхадарьяна – под суд! – прокатывается взрывная волна.

– ...у-у-у-уд! – воет площадь.

Кого-нибудь под суд – это всегда неплохо. Нравится. Особенно когда бывшего президента.

– На фонарь диктатора!

– Да-а-а-а-а-а!!!

– Уау!..

Волны бегут по толпе, в волнах качаются тысячи и тысячи. Народное счастье. Ликует народ. Шалые глаза, разинутые рты. Качка. Прихлынула глупая волна к стене – и кого-то уже задавили, кому-то уже не до ликования...

На трибуне, наскоро и варварски сколоченной из щитов, суетятся техники, налаживают аппаратуру, проверяют что-то в последний раз. С трибуны мелкая сошка из команды нового президента время от времени пускает в толпу взрывную волну лозунга. Ждут Прая. К трибуне сбоку притиснута съемочная группа – одна камера на треноге, другая, с антигравом, в вольном полете. Оператор играет сенсорами, гоняет ее туда-сюда над головами, выбирая лучший ракурс. Корреспондентка кричит в микрофон:

– ...где, по самым скромным подсчетам, собралось не менее ста тысяч человек, связывающих свои надежды с приходом к власти движения, возглавляемого Алоизом Праем. Сюда пришли простые люди. Это митинг в поддержку нового курса и новой жизни. За всю историю Хляби еще ни один лидер не пользовался столь безграничным доверием народа...

Кто их считал – сто тысяч, не сто? Кто и по какой зашкалившей стрелке определил безграничность доверия? Кто вспомнит, что и свергнутый президент собирал когда-то на митингах не меньшие толпы?

Никому не хочется вспоминать. Напомнишь – береги зу-

бы, вышибут, озлившись. Память, купированная, как собачьи уши. Не в этом ли человеческое счастье?

– Как нам только что стало известно, свергнутый президент Сукхадарьян в ожидании справедливого суда помещен под домашний арест. Почти все члены его преступной клики арестованы. Полиция, перешедшая на сторону народа, ведет поиск преступников, вольготно чувствовавших себя при прежней власти, а ныне пытающихся скрыться от справедливого возмездия... А вот и Алоиз Прай!..

Не гул на площади – рев восторга. Звуковая волна поглощает трибуну, куда легко взбегают плотный мужчина средних лет с усталым, но решительным лицом. Это Алоиз Прай. Он открыт. Он вызывает симпатию. Он улыбается. За таким человеком хочется пойти в огонь и в воду. Он – народный лидер, икона, столп. Он вновь улыбается – чуть-чуть смущенно, чуть-чуть снисходительно. Подходит к микрофону и пытается говорить, но площадь безумствует по-прежнему. Оцепление едва сдерживает людей, рвущихся к трибуне. Матери тянут к кумиру детей. Улыбающийся Прай картинно разводит руками – ну что, мол, тут поделаешь, – и, повинувшись этому жесту, неверно истолкованному шестерками, в воздух взмывают тысячи разноцветных шаров, умело спрятанных где-то и приготовленных явно для кульминации митинга.

– А-а-а-а-а-а!... – восторженный рев тысяч глоток.

Техническая накладка? И ладно. Наплевать. Народ-то, народ – в восторге!..

В это самое время четыре угловатые летающие машины с камуфляжной раскраской, презрев все на свете воздушные транспортные коридоры, с ревом снижают скорость возле космопорта. Они летят двумя парами – одна сразу уходит в сторону стартовых столов, другая садится перед центральным входом аэровокзала. На бетон выпрыгивают спецназовцы с офицером во главе. Среди них резко выделяется темноволосый молоджавый человек в штатском. Он почти не отстает от военных, врывающихся в огромные двери.

Тяжелое дыхание – и ни одного членораздельного звука. Эти люди прекрасно знают, что им делать.

В первую очередь – поспешить.

Возможно, еще не поздно.

В громадном зале толпа прыгнула в стороны. Кто-то быстро спрятал лицо, кто-то заслонил собой ребенка. То ли беженцы, то ли не беженцы, сразу и не скажешь. Успеют на шаттл – так, пожалуй, беженцы. Не успеют – сами виноваты, раньше надо было уносить с Хляби ноги. Пока – в подвешенном состоянии. Но, конечно, не ждут от бегущих пятнистых вояк ничего хорошего.

Не пугайтесь, подвешенные, успокойтесь, служивым пока не до вас. Прокатившийся под сводами голос напоминает: идет регистрация на ближайший рейс. Сквозь громадные стекла виден взлетающий вдали шаттл – растущий ввысь обелиск огня с малой букашкой верхом на нем.

Офицер оттолкнул регистрирующегося пассажира.

– Полный список всех зарегистрировавшихся за последние сутки. По всем рейсам. Быстро.

При всей суетливости испуганный оператор оказался понятлив. Через несколько секунд на монитор было выведено требуемое – побежали длинные столбцы имен и фамилий.

– Эрвин Канн, – пытаясь отдышаться, бросил штатский. – Найти.

Еще несколько секунд – и выплыла информация. Указанный пассажир имеется. Каюта первого класса на лайнере «Королева Беатрис», стартовавшем с орбиты шесть часов назад.

Офицер отер пот.

– Шесть часов – все равно что двадцать. Поздравляю, мы его упустили.

Он говорил штатскому «мы» из чистой вежливости и на всякий случай. Мог бы сказать «вы».

– Возможно, упустили, а возможно, и нет, – ответил штатский.

Офицер промолчал. Он сам терпеть не мог проигрывать, но сейчас начал догадываться, что этот тип, назначенный командовать операцией, превосходит его в умении вырвать победу.

...Целую стену каюты первого класса на «Королеве Беатрис» занимал экран, включенный на внешний обзор, чистый и до того хорошего качества, что казалось, шагни – прой-

дешь насквозь и вывалишься кубарем в космос.

Эрвин сидел в кресле, обращенном к экрану. Глаза его были закрыты, он в очередной раз решал в уме задачу трех тел. Для более насущной мозговой работы, во-первых, гудела голова, а во-вторых, не было этой насущной работы.

Все, что можно решить и сделать, уже решено и сделано. Остаток – в воле случая.

Та неопределенность, которую можно попытаться свести к минимуму, но которую никогда не удастся устранить до конца...

Решение задачи трех тел опять получилось банальным. Эрвин открыл глаза, пошевелил пальцем, и звезды на экране метнулись. Мячиком пролетела какая-то из лун. Экран показал планету.

Прибавив увеличение, Эрвин смотрел на нее, не в силах разобраться в смутных своих чувствах, да и не пытаясь сделать это. Голубовато-зеленый диск Хляби, на три четверти открытый солнечным лучам, висел перед ним, кутаясь в атмосферный тюль. Планета была повернута к наблюдателю единственным материком с невысокими горными хребтами на западе и юге, обширной, покрытой неисчислимым количеством озер равниной на севере и совсем уже огромной заболоченной низменностью на востоке, переходящей в морское болото. Зародившийся над океаном циклон лез на материк белым спрутом. Над южным промышленным районом проходила ближняя луна, и тень от нее бежала по планете.

Хлябь... Еще один этап жизни позади, и пройден он в целом удачно. Что дальше?

Предстоял выбор. Когда есть из чего выбирать, это хорошо. Еще лучше, когда для выбора есть время.

Миловидная стюардесса – на лайнере-громадине держали настоящих стюардесс! – вошла в каюту, толкая перед собой тележку с напитками.

– Вот ваш заказ, господин Канн.

– Благодарю. Поставьте на столик. Когда мы войдем в нуль-канал?

– Через шесть минут, господин Канн. Не стоит волноваться, вы ровным счетом ничего не почувствуете.

– Я знаю, спасибо.

Оставив на столике коньячную бутылку и пузатый бокал, стюардесса ушла. Эрвин взглянул на часы. Шесть минут. Пожалуй, можно уже не волноваться...

Он переключил экран на передний обзор. Наверное, камера была установлена где-нибудь на выносной штанге одной из кормовых консолей, потому что в разгорающееся лиловое зарево входа в нуль-канал зримо врезались сбоку впечатляющие конструкции «Королевы Беатрис». Зарево увеличивалось, наплывало. Приближалось мгновение, когда уже никакая внешняя или внутренняя сила не будет способна помешать лайнеру исчезнуть из этой точки Галактики.

Эрвин потянулся за бутылкой. Он решил сделать первый глоток как раз в тот момент, когда, по его расчетам, Прай

уже никоим образом не сможет дотянуться до него.

Тут-то и ожил голос корабельной трансляции. Ровный и бодрый, он сулил большинству пассажиров всего лишь досадную потерю времени, но одному из них – крушение всех расчетов и, по всей видимости, физическую смерть.

– Внимание, говорит капитан. По техническим причинам мы вынуждены вернуться на орбиту планеты Хлябь. Никакой опасности нет. Повторяю: никакой опасности нет. Прошу всех оставаться на своих местах. Благодарю за понимание.

Успели... Ай да Прай!..

Эрвин вскочил, отшвырнув столик. Звякнуло стекло, но Эрвин уже не обращал внимания на чепуху. В два прыжка очутившись у настенного экрана, он с размаху припечатал к нему ладонь. Дождавшись подтверждения идентификации, запросил голосом доступ к судовой библиотеке.

– Какие разделы вас интересуют? – мягким голосом спросило электронное вместилище всего и вся.

– География и биология Хляби, – приказал ему Эрвин. – Восточное побережье. Саргассово болото. Флора и фауна. Сохранившиеся эндемичные виды....

Он не был настолько наивен, чтобы рассчитывать взять в заложники стюардессу и давить на капитана. Тот наверняка получил с Хляби инструкции, и вход в каюту заблокирован. Он останется заблокированным до тех пор, пока на борт не прибудут холуи Прая, которые раньше были холуями Сук-

хадарьяна...

Ничего не считать сейчас, только впитывать информацию! Беречь голову. Она понадобится позже, когда придется очень-очень быстро рассчитывать не только каждое слово, но и малое шевеление, чтобы остаться живым и получить приговор.

В том, каким он будет, Эрвин нисколько не сомневался.

Глава 3

Теорема Канна

...Он все-таки успел добраться до своего острова засветло, избежав второй ночевки на болоте, и славно выпался в шалаше. На следующий день налетел шторм, повалил несколько деревьев поблизости от шалаша и потрепал сам шалаш. Эрвин отсиделся в яме, а когда шторм стал стихать, выбрался на восточный берег. Волны еще рушились на пляж с грозным шумом, но стихия, по сути, уже размахивала кулаками после драки. Океан катил валы, ибо что же еще он может катить? Ветер норовил повалить человеческую букашку, рвал с волн пену, швырял ее на пляж и в морду. С его точки зрения, ничего лучшего морда не заслуживала. Плевков пены угодил прямо в глаз. Эрвин плюнул в ответ.

Когда-то он избегал подобных бесполезных действий. Теперь ему было все равно.

Далеко от моря, куда уже не мог добраться слабеющий прибой, валялась на боку толстая рыбина длиной чуть поболее Эрвина. На всякий случай Эрвин ударом бича снес ей голову, затем откромсал кусок мяса со стороны спинки и унес, чтобы закоптить. Вкус рыбы ему не понравился: есть можно, но не более того. Как ни надоели жареные «зайцы», они вкуснее.

В животе бурчало. Кое-как поправив шалаш, Эрвин лег

на моховую подстилку и занялся тем, чем занимался вот уже год, – размышлениями и расчетами. До сих пор они оставались бесплодными, что выбивало почву из-под ног, но сейчас добавился новый фактор: язычник, который не напал. Язычник нового вида...

Не исключено, что вообще нового, еще не известного биологам Хляби.

И что тут удивительного? Саргассово болото отведено правительством для приговоренных преступников, а не для ученых. Кого на этой планете вообще интересует наука? Сведения о болоте старые и, ясное дело, неполны.

Еще на борту «Королевы Беатрис», возвращавшейся на орбиту Хляби, Эрвин внимательно, хотя и быстро, просмотрел все имеющиеся в «читалке» файлы, касающиеся местной флоры и фауны. Обыкновенный лиловый язычник в них фигурировал – с рисунками и стереоснимками, – но не было язычника с уплощенным поперечно-полосатым щупальцем, снабженным отростками и глазами. Сомнительно, чтобы эта тварь заплыла из океана, – в болоте вода преснее, грязнее и практически не содержит кислорода. Да и вряд ли Эрвин, будучи советником президента и поневоле закачавший в свой мозг тьму-тьмушую сведений о планете, не знал бы о столь крупном обитателе океана.

Значит, эта тварь все-таки чисто болотная...

А с болотом еще придется иметь дело.

Иначе никак. Какими еще путями можно попасть на ма-

терик? Только воздухом и водой. Первое нереально. Второе заманчиво только с виду. Эрвин прекрасно помнил внезапно вынырнувшие из пучины челюсти, мигом перекусившие самодельную корявую пирогу, на которой он в прошлом году путешествовал от острова к острову. Такой инструмент в два счета искрошит любое деревянное судно, какое только сумеет построить человек. Кто раз увидел эти челюсти, тот потребует себе не плот, а броненосец.

А кроме того, между крайними островами архипелага и материковым берегом достаточно большое расстояние что на севере, что на юге, – раза в три больше, чем самый широкий пролив между островами. Недаром край болота выгнут там гигантскими подковами в сторону материка – размыло штормами...

Нет, лучше уж идти по болоту. Взять его на севере или на юге, где материк ближе и нет кордонов.

Чисто теоретически существовала еще одна возможность: об Эрвине вспомнят на Большой земле. Год назад Алоиз Прай взял власть и, надо думать, удерживает ее до сих пор... Чтобы развлечься, Эрвин считал разные варианты и убеждался: если Прай не полный осел, то он еще президент. Более того: он еще не столкнулся с действительно серьезными проблемами, когда пан или пропал.

А Прай не осел...

Незнание входящих раздражало. Конечно, если на материке случилась природная катастрофа, или ряд крупных тех-

нологических аварий, или метрополия потребовала от Хляби чрезмерных жертв во благо Лиги, или случилось еще какое-нибудь бедствие, то кресло под Праем должно зашататься. Вот тогда-то Прай может вспомнить о некоем советнике, который, между прочим, настойчиво советовал своему патрону по-тихому убрать Прая... Но все это лирика, эмоции. Искушенный политик оперирует категориями сиюминутной пользы, не беря в расчет личные симпатии-антипатии, а если он держит в уме еще и долговременную пользу, то уже тянет на политика не просто искушенного, а прямо-таки мудрого. До переворота Прай был мелок, цепок, хитер и злопамятен, однако с тех пор мог профессионально подрасти...

Ну идиотское же было решение – вернуть «Королеву Беатрис» только для того, чтобы свести личные счета с вредным противником! Пусть бы катился к чертовой матери, все равно он стал уже безопасен. Мудрый политик сразу понял бы: раз советник президента сбежал еще до переворота, то его личная преданность боссу имеет свои границы. Ничего она уже не стоит, проще говоря. И мудрый политик постарался бы перетянуть ценного человека на свою сторону, включить его в команду, воспользоваться им как безотказным универсальным инструментом...

Куда там! Год назад Прай был свирепым грызуном, а никак не мудрым политиком.

Ну а теперь?

Личность Прая давно уже была разложена Эрвином на па-

раметры. Был учтен предположительный дрейф личностных качеств. Эрвин рассчитал несколько вариантов с разными вводными, и результаты подчас выходили самые противоположные. Система оказалась очень уж чувствительной к малым возмущениям.

Оставался самый надежный критерий: практика. Никто не ищет бывшего советника бывшего президента – значит, он не нужен президенту нынешнему. Не нужен ни для того, чтобы использовать, ни для того, чтобы удивиться его живучестью и на сей раз погубить наверняка. А через пять лет никто и искать его не будет, потому что люди столько не живут – даже на Счастливых островах.

А еще потому, что Прай, по всей видимости, недооценивал своего противника и вряд ли даже гипотетически мог предположить, что Эрвин выжил. Мелким людишкам нестерпима мысль, что кто-то может оказаться способнее их.

Но если Прай и вправду изменился? Власть меняет...

Э! Что гадать попусту! Пусть гадают гадалки, а вычислитель должен вычислять.

Хоть что-то.

Иначе он сойдет с ума. Уже пытался, не хочется повторять.

Итак, дано... то, что дано. На помощь извне рассчитывать не стоит.

Требуется: самостоятельно вернуться в мир людей еще не старым, относительно здоровым и желательно не в самом

низшем социальном ранге.

Теорема Канна – вот как Эрвин назвал то, что у него получилось. Он дал теореме свою фамилию, во-первых, потому что сам сформулировал и доказал ее, а во-вторых, потому что надо же было как-то назвать ее. Условие теоремы заняло бы не один десяток страниц мелкого шрифта, вслед за чем фигурировали два чеканных утверждения:

1. Данная задача имеет решение.
2. Чтобы решить ее, нужно больше одного человека.

Эрвин нашел четыре доказательства своей теоремы, очень громоздких и, по правде говоря, небесспорных. Он занимался этим, убивая время. Даже кретин понял бы, что настоящее доказательство теоремы Канна – только практическое. Слишком уж много неопределенности в исходных данных, да и все равно никто не оценит математические выкладки.

Больше одного человека! Этим все сказано. Это и есть настоящий приговор. Скотина Прай добился своего.

– Да, – бормотал Эрвин завывающему ветру, – я человек, покуда один. Я только человек и могу ровно столько, сколько положено человеку. То есть не могу спастись. Страдать – это да, это могу, это у меня получается не хуже, чем у любого другого...

Желудок взбунтовался. До следующего дня Эрвин ничего не ел и положил себе зарок не есть никакой морской рыбы. К утру он почувствовал себя лучше.

Шторм утих, с моря тянул ровный бриз. Временами в раз-

рывы облаков вклинивалось солнце. Хорошая погода.

Что потянуло Эрвина к болоту, он и сам не понял. Усевшись на пригорке, он гадал, в каком месте выполз на берег год назад. Вон в том? Или в этом, где полоса песка?.. Не вспомнить. Был невменяем, ничего не помнил и не соображал, кроме одного: ползти, ползти... Как червь безмозглый. Спасибо, что хоть не потерял направление...

Где-нибудь между островами шторм, возможно, и потрепал край болота, но здесь оно было таким же, как всегда: бескрайним, незыблемым и смертельно опасным. Незыблемая зыбь, незыблемая хлябь... Склонный к метафорам человек наделил бы его тупой хитростью вечно голодного зверя, с бесконечным терпением ждущего в засаде, но Эрвин знал цену метафорам. Воистину острова скорее слились бы воедино, а болото пересохло, прежде чем вычислитель начал бы тратить время на подобную чепуху.

Он не испугался и не удивился, когда прямо напротив него болотный ковер вдруг вспучился куполом. Язычник, конечно. Что-то много их стало. Или это тот самый?

Медленно придвигаясь к берегу, купол заметно рос в высоту. Для страха не было оснований: очень скоро язычник не сможет двигаться дальше, там слишком мелко для него, и щупальцем до пригорка он никак не достанет. Последнему дураку было бы понятно, что по суше эти порождения болота двигаться не могут.

Так, застрял... Нет, еще придвинулся... Под вспучив-

шимся зыбуном шла тяжелая борьба, и Эрвин не понимал ее смысла. Может, язычник желает отложить яйца или выметать икру там, где помельче? На нерест пошел?

До берега язычнику оставалось метров сорок, когда купол наконец прорвался на вершине, но не опал, как обычно, а просто слегка осел. Знакомое поперечно-полосатое щупальце привычно выстрелило вверх и сразу же, изогнувшись, потянулось к берегу.

– Не достанешь, – сказал ему Эрвин.

Но язычник, похоже, так не думал. Он еще немного продвинулся к берегу, и Эрвин с уважением подумал, какая же сила, помноженная на алчность, нужна ему для этого, а полосатое щупальце изобразило на конце этакий крючок. И этим крючком болотная тварь начертала на узкой полосе песка между водорослями и травой:

«ЕДА».

– Что? – Немногим удавалось привести Эрвина в растерянность, но тупому болотному хищнику удалось. – Ты... что?..

Щупальце выпрямилось. На песке осталось грубо начертанное короткое слово.

– Это ты мне? – не без сарказма, много раз выручавшего его в острые моменты, спросил Эрвин. – Я тебе еда?

Щупальце молчало. Многочисленные влажные глаза на нем безучастно смотрели на Эрвина. Пришла догадка:

– Ты просишь еды? Ты? У меня?

По-видимому, оснащенное глазами щупальце не было оснащено голосовыми связками. Эрвин еще поразмыслил.

– Ладно, – крикнул он, – принесу.

В этом месте остров не отличался шириной, и уже через час Эрвин снова был у болота, таща волоком безголовую рыбину, несколько объединенную мелкими морскими падальщиками, но все еще тяжеленную. Щупальце было на месте, только втянулось в зыбун наполовину.

– Эй! – крикнул ему Эрвин. – Рыбу любишь?

Пришлось подойти поближе. Шагов за пять до песчаной полосы Эрвин поднатужился и с громким выдохом вытолкнул рыбину на песок. Вытолкнув – бросился бежать. Грамотный язычник вполне мог изобрести хитрость, чтобы заполучить разом рыбину и человека.

Обошлось. С безопасного расстояния Эрвин увидел, как лимонно-зеленое полосатое щупальце дотянулось до рыбьей туши, обвило ее и утащило в пробитую в зыбуне дыру. Поймать двуногую добычу оно не попыталось.

– Ты для того меня оставил живым, чтобы я тебя кормил? – спросил Эрвин. – Этого не обещаю.

Медленно-медленно купол отползал от берега, уменьшаясь в росте, пока не исчез совсем. Эрвин подождал немного, но больше ничего не произошло, и чутье подсказывало: не произойдет. Язычник занят пищеварением.

Эрвин побрел не к шалашу, а к океану, причем нарочно круглым путем. Впервые за многие месяцы его мозг полу-

чил настоящую задачу, и теорема Канна, возможно, дала трещину. Все это еще предстояло как следует обмозговать и рассчитать то, что можно рассчитать, имея в своем распоряжении вполне фантастическую реальность вместо алгоритмизируемых фактов. Едва не споткнувшись о глупого «зайца», Эрвин даже не подумал убить его для еды. Остров был безопасен, и Эрвин не делал ошибки, не замечая дороги. В него словно вновь закачали выпущенный воздух. Задача! Настоящая задача, которая при грамотном решении приведет к спасению! А главное, не надо решать ее мгновенно, есть время!

Собственно, рабочую гипотезу можно построить и принять уже сейчас...

Океан гнал к берегу мелкие барашки. Поперек барашков, всего-навсего шагах в ста от острова, течение несло на юг вырванное бог весть где могучее коряво-разлапистое дерево. Ритмично, как заведенные, покачивались на мелкой волне голые ветви, голые корни... и еще что-то. Эрвин напряг зрение.

Человек?.. Бессильно лежащий на стволе человек?!

Да! Человек!!!

– Закон кучи, – пробормотал потрясенный Эрвин. – События происходят там, где их и без того много.

Глава 4

Торговец

Только сумасшедший немедленно кинулся бы к дрейфующему дереву вплавь, а Эрвин еще не сошел с ума. Те связанные бревна, заменившие погибшую пирогу, на которых он некогда вернулся домой после большого путешествия по островам, давно уже занесло песком. Течение гнало дерево к тупому песчаному мысу. Эрвин добежал до мыса гораздо раньше.

И очень скоро понял: течение протащит дерево мимо. Но близко к оконечности мыса, близко...

Приходилось рисковать. Ругая себя последними словами за то, что не взял с собой на берег никакого инструмента, Эрвин выломал в лесу большую ветку с листвой. За неимением лучшего весла сойдет и такое. В точно рассчитанный момент он вошел в воду и поплыл. Мешала ветка, зато придавало сил воспоминание о челюстях обитателей моря.

Какие-то тени бродили в глубине, пугая. Эрвин выбивался из сил. Самый жуткий момент наступил, когда он не сумел выдернуть себя из воды на ствол дерева одним рывком: померещилось, что вот-вот последует второй рывок – вниз, в чью-то пасть. Но обошлось. Вторая попытка вышла удачнее, а сломанный ноготь – чепуха... Эрвин отдышался, унял бешено колотящееся сердце и только тогда осмотрел и ощупал

лежащего на мокром дереве человека. Вот будет номер, если он окажется мертвым...

Человек был жив. Правда, без сознания. Это был крупный рыжеватый мужчина выше Эрвина на полголовы и вдвое шире его в талии. Пульс прощупывался, дыхание ощущалось, и наплевать, что по лицу и волосатой груди, не прикрытой обрывками рубахи, ползают мелкие козявки. Они безвредны.

Теперь надо было грести дурацкой веткой, грести что есть силы. С великим трудом Эрвин развернул дерево комлем к мысу и исступленно принялся за работу. Эх, было бы настоящее весло! Казалось, мыс совсем не приближается, плывет себе мимо... Но вот дерево чуть заметно вздрогнуло и начало медленно поворачиваться кроной к югу – село на мель.

Дальнейшее было делом техники. Спустя час Эрвин уже поил спасенного пресной водой, успев смотаться в лагерь за бурдюком и к ближайшему источнику. А спустя два часа спасенный настолько пришел в себя, что попытался говорить.

– Дикарь, – первое, что услышал Эрвин о себе, вслед за чем спасенный начал дергаться и лихорадочно шарить по песку вокруг себя, без сомнения, в надежде найти дубину или камень и дорого продать свою жизнь.

– Сам таким станешь, дай срок, – успокоил Эрвин. – Как тебя зовут?

В ответ незнакомец только вытаращил глаза, как будто не ожидал услышать от своего спасителя членораздельную и притом понятную речь. Как будто на Хляби когда-либо су-

ществовали туземцы, да еще человекообразные!

– А ты... кто? – выдохнул он, но шарить руками вокруг себя перестал.

– Живу я тут, – объяснил Эрвин. – Место хорошее, безопасное и сытное, с благами цивилизации только есть проблемы... Меня зовут... Густав. А тебя?

– Иванов.

– Замечательно. Тебе не нужна моя фамилия, мне не нужно твое имя. Все, что тебе нужно, это поесть и отлежаться. Идти сможешь?

Иванов смог – с помощью Эрвина. Правда, при подъеме в распадок, где стоял шалаш и куда Эрвин взбегал шутя, пришлось раз десять отдыхать. Тяжел был Иванов, а в конце пути просто обвис, заставив своего спасителя потрудиться как следует.

Уложив Иванова на подстилку в шалаше, Эрвин отправился на охоту. Местные «зайцы» за год не поумнели, и не прошло часа, как на палке над разожженным костерком жарилась ободранная тушка, нашпигованная острыми травами и кислыми ягодами. Иванов спал. Эрвин следил, чтобы жаркое подрумянивалось равномерно, размышляя о том, что его заставило назваться именем отца. Разумеется, не могло быть и речи о том, чтобы назваться Эрвином Канном, – но почему Густав?.. А потому только, что это имя не забыть, не перепутать. Надо быть честным с самим собой: поизносился бывший лучший мозг планеты за это время, прошлись по нему

жестким наждаком болото и одиночество на острове – вот и лезет с подсказками подсознание, предлагает себя в спасители...

Рано. Еще рано. Интеллект еще не угас и теперь, надо надеяться, уже не угаснет.

Когда обед был готов, Эрвин накормил и напоил Иванова, после чего тот завалился в шалаш и захрапел. Выживет. Для себя Эрвин натаскал мха и решил ночевать под открытым небом. Но прежде чем стемнело, он добыл еще трех «зайцев», накрепко связал их тушки корой, чтобы появляющиеся иногда над островом летучие твари могли лишь рвать мясо, но не сумели унести его, и оставил добычу на песке возле болота.

Утром он за ногу вытянул Иванова из шалаша. Тот мычал со сна и пробовал лягаться. Оказавшись снаружи, вытирачил глаза.

– Ты чего?

– Пришел в себя? Вот и хорошо, – сказал Эрвин. – Запомни, это мой шалаш. Хочешь и дальше спать в удобстве – построй себе свой. Хочешь принять горячую ванну – я покажу где. Но не свинячить. Это мой остров, и я здесь главный. Не нравится – проваливай.

– Ты чего, чего... – бормотал Иванов. – Охренел, да? Ладно, ладно, остров твой. Дальше что?

– Дальше ты мне расскажешь, кто ты такой и как попал сюда. И не врать.

– Я пассажир, – быстро сказал Иванов. – Морской круиз. Несчастный случай.

– Судно затонуло?

– Ага...

– А родом ты откуда?

– С южного побережья.

– Первое предупреждение, – сказал Эрвин. – Вранья мне не надо. Ты не уроженец Хляби, акцент выдает. Это раз. Приплыл с севера, это два. Проложить туда круизный маршрут – верный способ прогореть, там же нет ничего интересного. Ты контрабандист. Опустился с товаром на Сквородку, так?

Эрвин мог бы указать еще с полдесятка признаков лжи, но предпочел быть кратким.

Иванов поморщился, покряхтел – видно, решал, как лучше ответить.

– Ну, контрабандист, – нехотя сознался он. – Не, ну а что? Ты полицейский, что ли?

– Я кое-что знаю. Плавающий терминал, впоследствии названный Сквородкой, строился при тайном участии правительства Хляби. Торговля – дело почтенное, и у нас это понимают. Этой планете нужны кое-какие товары, попадающие под запрет. Ловят и наказывают только самых непонятливых и неудачливых. Закладывать тебя я не стану, потому что незачем да и некому. Какой груз ты сопровождал?

– Микрореакторы для антигравов и еще кое-какую мелочь...

– Какую именно мелочь? Оружие? Наркотики?

– Ни боже мой... Лекарства, косметика и частные посылки. Я не знаю, что в них.

– Ладно. Рассказывай дальше.

– Ну вот... Вышел на палубу в шторм, поскользнулся, ну и... Орал, орал – никто не услышал. Думал, утону. Сколько времени барахтался, не помню. Потом дерево подвернулось...

Эрвин резко ударил Иванова по лицу раскрытой ладонью.

– Второе предупреждение...

Иванов с ревом кинулся на него. Он был тяжелее и сильнее Эрвина, но Эрвин намного превосходил его ловкостью. До бича и обсидиановых ножей дело не дошло – хватило одной подножки и болевого приема. Потом Эрвин возил Иванова физиономией по земле, а тот пытался орать и выплевывал лесной сор.

– Я человек очень чувствительный, – сказал Эрвин, когда противник перестал сопротивляться и был отпущен. – Не терплю лжи, такая уж у меня слабость, привыкай. Третье предупреждение тебе совсем не понравится. Да ты садись, садись...

Иванов, сопя, сел.

– Как ты понял? – глухо спросил он.

– Врать надо уметь, а ты не умеешь. Сковородка дрейфует в северной среднеширотной циркуляции, никогда не покидая ее пределов. Там бы ты и остался, если бы выпал с борта

в воду. Тебя принесло сюда северное прибрежное течение, и ты провел на дереве никак не более десяти-двенадцати дней. Ты сопровождал груз на материк, и уже в прибрежных водах что-то случилось... Что?

И без того красный Иванов сделался багровым.

– Убью его...

– Того, кто толкнул тебя за борт? – осведомился Эрвин. – Коммерческие интересы или личная месть?

– Коммерческие...

– Конкурент, да? Впрочем, мне плевать, это твое дело. А что думаешь делать дальше?

– Сказал уже: убью его! – прорычал Иванов.

– Ну-ну. Похвальное намерение. А как?

– Доберусь до материка или до Сковородки – уж я найду как!

Прежде чем как следует озадачить собеседника, Эрвин выдержал паузу.

– Ты знаешь, что это Счастливые острова?

– Ну допустим, – буркнул Иванов.

– Допускать мы ничего не будем. Знаешь или нет?

– Ну знаю...

– На Счастливых островах должны жить счастливые люди, – сказал Эрвин. – Вот я и есть счастливый человек. Приговорен к счастью. А еще я самый свободный человек на Хляби. К свободе я тоже приговорен. Доступно?

– Не понимаю.

– Чего тут не понять. Я дошел сюда, а ты доплыл. Обоим повезло. Оба свободны и счастливы.

Иванов заворочался.

– Издеваешься?

– Обрисовываю положение. Чтобы дошло. Тебя будут искать?

– Нет, наверное...

– Логично. Упавший за борт считается утонувшим. Или съеденным. Да спасатели сюда, наверное, и не сунулись бы. Это же Счастливые острова, проклятое место.

– Проклятое?

– Проклятое, потому что оно для таких, как я. Что ж ты так туго соображаешь? Думаешь, почему тут спокойно, тихо, жить можно, а цивилизации никакой нет? Да потому, что это не Земля, не Терра, не Твердь и даже не Прокна какая-нибудь, а захолустная планета. На Счастливые острова цивилизация не придет. Ты да я – вот и вся цивилизация. Отсюда нет выхода. Дошло наконец?

Эрвин не надеялся, что дошло. До таких, как Иванов, доходит медленно. Тем нужнее было форсировать этот процесс.

– Сюда никто не пристаёт? – недоверчиво спросил Иванов.

– Абсолютно.

– Даже рыбаки?

– Съедобные виды рыб водятся на Хляби только в поляр-

ных широтах. Я пробовал здешнюю рыбу. Тебе не советую.

– А воздушное сообщение?

– У тебя глаза есть, нет? – усмехнулся Эрвин. – Видишь, во что я одет? Видишь, в каком жилище живу? Какое такое сообщение? О чем ты?

– Я думал... только ты не обижайся... я сначала подумал, что ты дикарь.

– Изгнанник, – холодно поправил Эрвин. – Впрочем, разницы никакой. На материке меня не ждет ничего хорошего, так что думай сам, как выбраться. Мне-то не резон.

Неширокий лоб Иванова собрался в складки. И без математики любому стало бы понятно, что происходит под этим лбом: недоверие и поиск вариантов поведения. Примитивный неумный хитрец вообразил, что его водят за нос. Строго говоря, он не был далек от истины, но не знал и не мог знать, в чем она заключается.

– Значит, никак отсюда не выбраться? – спросил Иванов после продолжительной паузы.

– Никак. Точнее сказать, риск гораздо выше, чем желательнo разумному человеку.

– А ты-то как сюда попал?

– Пешком по болоту. Я же приговоренный, забыл?

– Но ведь дошел?

– Один. Вначале нас было десять. – Эрвин критически оглядел Иванова. – Ты не дойдешь.

– Почему?!

– Знаю. Опыт.

– Может, поделишься?

Сказано было с иронией, и Эрвин грустно улыбнулся в ответ.

– Ты слишком тяжел, – сказал он. – Молчи, не перебивай... Допустим, ты сядешь на диету и станешь ежедневно по десять раз взбегать вон на ту гору и обратно. Ладно, похудеешь. Но чтобы выжить в Саргассовом болоте, этого мало.

– Ты же вроде выжил...

– Не перебивай, говорю. Я – не ты. Я уникам. – Согнутым пальцем Эрвин постучал себя по лбу. – Вот это мне помогло. Чуть-чуть не помогло еще одному человеку, но... не сложилось. Глупая случайность. Я остался жив только потому, что у меня хорошая голова. Наверное, лучшая на этой планете.

Иногда полезнее всего не врать. Даже чаще, чем принято думать. Тогда при всей правдивости сойдешь за великого хитреца. Люди подозрительны, они всегда выдумают не то, что есть на самом деле. Ведь и несчастная Кристи не поверила, что Эрвин – вычислитель...

Он оставил Иванова переваривать полученные сведения, а сам пошел к болоту. Трупки «зайцев» по-прежнему лежали на песке, еще не обнаруженные ни крылатыми тварями, ни язычником. К возвращению Эрвина у Иванова был готов новый глупый план.

– Построим плот и поплывем по течению! Оно само нас доставит. Что там на юге за островами – мыс?

– Материковый мыс, – признал Эрвин. – Но как раз там прибрежное течение круто поворачивает в океан. Береговая линия идет от оконечности мыса на юго-запад, а течение – на юго-восток. Там оно сливается с экваториальным течением.

– Ну? – спросил Иванов с надеждой.

– Если мы не сумеем причалить к мысу, а скорее всего не сумеем, то попадем в экваториальную циркуляцию – и через год или два кем-нибудь будет найден плот с двумя скелетами. Как ты собираешься управлять плотом?

– Грести будем! Парус поставим!

– Ты видел, какие твари живут в этом океане? Нет? Конечно, нет, иначе стал бы их пищей. Тебе повезло. А я видел, как одна тварь перекусила мою пирогу. Плот нам понадобится большой и очень крепкий. Допустим, мы сумеем построить его и спустить на воду. Грести на таком монстре бесполезно. Парус... из чего ты сделаешь парус? Из вот таких шкурок? Или из травы сплетишь?

– Да хоть из травы... – Иванов несколько увял.

– Допустим. Но вода в бурдюках быстро протухнет, копченые «зайцы» тоже. Тебе по нутру смерть от голода и жажды? Мне – нет.

– Ничего не протухнет, если взять пищу и воду на последнем острове – а там сразу к мысу...

– Течение, дурья твоя голова! Ты что, слушать не умеешь? Нас унесет в океан. Займись-ка лучше шалашом.

Он оставил Иванова строить шалаш и предаваться фанта-

зиям, а сам на всякий случай сделал обход острова. Особенно пристально вглядывался в океан – но тот катил мелкую волну, и ничего в нем не было, кроме волн. Как всегда.

Зато со стороны болота произошли изменения. Водорослевого бугра, свидетельствующего о присутствии язычника, не наблюдалось, но связанные «зайцы» исчезли, а на песке появились коряво начертанные буквы:

«ЕЩЕ ЕДЫ».

Еще? Эрвину стало весело. Был на острове один голодный желудок, теперь стало два и плюс еще язычник, который лопаёт за десятерых. Грамотный и, видимо, разумный язычник... Ладно, экосистема выдержит. Еды ему? Будет ему еда.

Пришлось лезть на подошву горы, где в каменных ваннах пузырилась горячая грязь и воняло сероводородом. В глубокой сухой ложбине копилась углекислота. Однажды в приступе отчаяния Эрвин едва не спустился туда, чтобы там и остаться. Теперь он спустился вниз, задержав дыхание, быстро схватил за лапы двух мертвых «зайцев» и одну крылатую тварь и столь же проворно выбрался из углекислотной ловушки. Сам бы он не стал есть такую пищу, но язычнику, наверное, все равно. Язычники не привередливы.

Он оставил корм на прежнем месте. Язычник не показывался. Занять мозг расчетами не удалось – случившееся поддавалось обобщению лишь на уровне зыбких гипотез. Одна из них, та самая, в которую было труднее всего поверить, казалась самой интригующей.

Глава 5

Воспитание

– Как может быть, что на этих островах вообще никто не живет?! – бушевал и не верил Иванов. – Видел я вашу Хлябь, видел материк. Дерьмо планета. Дерьмо материк. Тут же лучше! Во, гляди, какая красота! Сознайся: врешь ведь, а?

Примитивный разум всегда основывается на здравом смысле. Мол, люди всегда ищут местечко получше, так почему же архипелаг не населен? Быть такого не может!

– Я побывал на всех островах, – убеждал Эрвин. – На самом северном когда-то был полигон, теперь там все насквозь проржавело. Людей нет. Людей здесь вообще нет, только мы. Скажу больше: других людей здесь и не будет.

– Врешь ведь...

– Больше пятидесяти лет назад группа геофизиков на службе правительства доказала геологическую нестабильность этой островной гряды, – ленивым голосом просвещал Эрвин. – Будут большие катаклизмы, цепная реакция вулканических извержений и мощных землетрясений. Когда – никто не знает, может, в следующем столетии, может, завтра. Одно извержение я сам видел. Думал – начинается... Правительство не только не намерено осваивать Счастливые острова, но даже собирается мало-помалу эвакуировать прибрежные поселки. Точнее, собиралось при прежнем прези-

денте; теперь – не знаю. Когда жажнет, тут не останется ничего живого. Возможна волна, этакое болотное цунами. Никто не знает, на что это будет похоже, но лучше бы этого не видеть. Впрочем, тут и без волны проблем хватит... Некоторые острова, если не все, погрузятся в море. На что годится такой архипелаг? Только служить приманкой для приговоренных к изгнанию, чтобы они шли на восток, а не слонялись у кордона, заставляя охрану тратить время на их отстрел... Понятно?

Иванов ему надоел, но тут уж ничего нельзя было поделаться. Целую неделю он то бушевал, то ныл, то вновь принимался упрасивать Эрвина приняться за постройку плота. Плот ему, как же... Эрвин скрыл главную причину своего отказа. Вообще-то шанс достичь на плоту материкового мыса не был нулевым, он даже был довольно заметным, и если что смущало, так это напарник. Все это уже было – полынья, переправа на плавучем острове, голод и безделье, которое подчас хуже голода... Валентин был тряпкой, его долго можно было держать в повиновении простым давлением, но и он не выдержал. Иванов столь же глуп, но менее зависим, он впадет в буйство раньше. Просто от ничегонеделания. И тогда течение уж точно пронесет плот мимо мыса, потому что одному не справиться...

Нет. Только болото. Следовало лишь добиться, чтобы инициатива исходила от Иванова. Как раз выдалось несколько погожих деньков подряд. Эрвин напоказ купался в полосе

прибоя, с деланым удовольствием загорал на теплых скалах и каждый день изобретал новые способы готовить жаркое. Много спал или делал вид, что спит. С увлечением чинил одежду и обувь. Ну просто человек, смилившийся с отшельничеством и даже в нем нашедший приятные стороны!.. Он отлично видел, что раздражает Иванова.

Однажды приснился кошмар: Эрвин находился на неведомой планете в неведомом городе, наполненном миллионами людей, каждый из которых рассчитывал свои действия точнее, чем он. Разумеется, он тут же попал впросак, затем был облапошен и, проснувшись, обрадовался, что в яви все иначе. Со снами Эрвин ничего не мог поделать.

– Ну а зимой тут как, не холодно? – спрашивал Иванов, и Эрвин понимал, что он спрашивает на всякий случай. – Не мерзнешь?

– Один раз снег шел, но недолго, – припомнил Эрвин. – Можно спать и у костра. Настоящих зим тут не бывает, разве что далеко на севере...

– Слышь, Густав... А за что тебя приговорили?

– За то, что хорошо считаю.

– Не понял.

– Чего тут не понять? Лучше расскажи, что там делается на Большой земле. Прай все еще у власти?

– Прай? Кто это?

– Ну, ты и собеседник... Президент Хляби!

– А-а... – протянул Иванов. – Вроде да. Да какая мне раз-

ница, кто тут у вас президент! Я с президентом веду дела, что ли?

– Логично. – Эрвин подбросил еще дровишек в костер и перевернул жарящуюся на палке тушку «зайца». Если это тупоумное животное – не «заяц», а Иванов – не слыхало об Алоизе Прае, то где уж ему знать об Эрвине Канне! Тем лучше. – Полагаю, о судьбе Сукхадарьяна ты тоже ничего не слыхал?

– Кто он, этот твой Дарьян?

– Неважно... А ты чего насвинячил перед шалашом? Приберись.

– Когда захочу, тогда и приберусь, – был ответ.

– Правильно. Только так и надо. Но захочешь ты прямо сейчас. Веришь?

Иванов посмотрел на Эрвина, подумал и угрюмо кивнул.

С этого дня Эрвин шпынял его за малейшую небрежность. Заставил перестроить шалаш и сменить подстилку. Из-за брошенной в кусты кости случилась короткая драка. Эрвин отделался ссадиной на скуле, а сбитый с ног Иванов запросил пощады, ощутив кожей шеи холод обсидианового ножа.

– Не делай больше так, – душевно посоветовал ему Эрвин. – Меня многие пытались убить. Куда тебе до них. Уж поверь, я знаю.

– И где они? – просипел отпущенный с миром Иванов.

– Почти все умерли. Один жив.

Прошло больше времени, чем рассчитывал Эрвин,

прежде чем Иванов вернулся к теме:

– И кто он, тот, который жив?

– Какая теперь разница? – пожал плечами Эрвин. – Он на материке.

– Неужели не хочешь посчитаться с гадом?

Не нужно было быть большим психологом, чтобы понять: Иванов охотнее назвал бы гадом Эрвина.

– Хочу или не хочу – тебя не касается. Сгоняй-ка за водой, да и дровишек заодно принеси. А не нравятся мои порядки – седлай бревно и плыви на соседний остров.

Но Иванов не хотел на соседний остров. Он хотел на Большую землю.

Правда, еще недостаточно хотел.

Эрвин стал избегать разговоров. Он охотился, готовил еду, увлеченно мездрил и дубил «заячьи» шкурки, кроил себе новые мокасины и вообще имел вид хозяйственного домоседа. Сумасшествие больше не грозило ему, а некоторое отупение вполне вписывалось в образ.

– Ты странный, – сказал однажды Иванов. – Сколько, говоришь, времени ты провел тут один? Другой бы на твоём месте весь на словесный понос изошел, а ты молчишь. Поболтать с тобой невозможно.

– Зачем и о чем? – осведомился Эрвин.

– Да так, – Иванов несколько растерялся, – о всяком. Да хоть бы и ни о чем – все равно удовольствие.

– Ни о чем лучше молчать.

Каждый день Эрвин ходил к болоту. Удушенные газом «зайцы» и крылатая тварь исчезли, но язычник больше не появлялся. Не появлялось и новых надписей на песке. Когда Иванов осторожно выразился в том смысле, что готов попытаться дойти до материка по болоту, Эрвин взял его на экскурсию, прихватив с собой бич. Все четыре луны сияли в небе бледными серпиками, начинался прилив, и болото ползло на сушу. Иванов прошел по зыбуну шагов пятьдесят, прежде чем провалился по пояс и забарахтался с воплями о помощи. Эрвин вытянул его и довел до острова, у самого берега искрошив бичом в лапшу очень кстати выскользнувшую из зыбуна небольшую змею. Первая экскурсия прошла успешно: Иванов перепугался, но не настолько, чтобы смириться, а как раз в той степени, чтобы отнестись к болоту с уважением.

– Мокроступы на ноги, – раз, – внушал Эрвин. – Плюс несколько пар в запас. Чем больше, тем лучше. Длинный шест – два. Есть еще много нужных мелочей, в Саргассовом болоте ни одна мелочь не бывает лишней, но эти две – основные. Твой вес – главная проблема. Будем сгонять.

– Начнем прямо завтра?

– Прямо сегодня. Ну-ка бери ноги в руки и бегом на ту гору.

Иванов повиновался беспрекословно – видно, рад был, что Эрвин поддается.

До темноты Эрвин гонял его на гору еще трижды; погнал

бы и в четвертый раз, но у Иванова уже заплетались ноги, а глаза лезли прочь из орбит. Не хватало еще, чтобы он покалечился на спуске... Зато на следующий день Эрвин загонял Иванова так, что у того не осталось сил даже поужинать – завалился в шалаш и тут же захрапел с присвистом.

Утром Эрвин растолкал его ни свет ни заря.

– Поднимайся. На гору – марш! Два раза до завтрака.

Иванов вылез из шалаша со стенаниями, перешедшими в проклятия.

– Мышцы болят? – участливо осведомился Эрвин.

– А то не болят, что ли?

– Это еще не боль. Бегом на гору.

В качестве завтрака Иванов получил горсть ягод и сколько угодно воды, в то время как Эрвин уписывал холодную «зайчати́ну». Затем отправились в «кругосветку», обойдя остров по периметру. Эрвин шел быстро и привалов не делал. Иванов бурчал, но старался не отставать. Перед обедом Эрвин снова и снова гонял его на гору и обратно. И на обед Иванов получил те же ягоды.

– Давай еще, – кивнул Эрвин в сторону горы, когда последняя ягода канула в ивановский желудок.

– Погоди... Я не отдохнул...

– Если тебе надо отдыхать, то тебе не надо на Большую землю. Либо – либо.

Иванов, кряхтя, подчинился. На сей раз Эрвин побежал трусцой рядом с ним, в начале подъема стремительно ушел

вперед и, не сильно запыхавшись, был на вершине задолго до грузного напарника.

– Дней через десять еще раз попробуем. Если сумеешь не отстать от меня, толк, может, и будет.

– Через десять дне-е-ей?! – возопил Иванов.

– Я слишком щедр, – вслух укорил себя Эрвин и даже головой покачал. – Куда тебе через десять. Живот болтается, по коленям бьет. Через двадцать.

К вечеру Иванов едва передвигался и с трудом сжевал маленький кусочек мяса, предложенный ему Эрвином сверх скудной порции ягод. Ночью Эрвина будили вопли и проклятия: Иванов то и дело выскакивал из шалаша и плясал, борясь с судорогой икроножных мышц. Утром Эрвин вновь погнал его на гору.

– Не хитрить! Увижу, что перешел на шаг, – сбегаешь туда и обратно лишних три раза.

С каждым днем Иванов все больше превращался в отупевшее животное. Тропа к вершине горы, когда-то едва заметная, теперь резко выделялась на зеленом фоне. Эрвин удвоил бдительность: от животных с человеческим мозгом рано или поздно жди беды.

На шестой день тренировок Иванов споткнулся на спуске, покатился кубарем и сильно рассадил колено. Эрвин помог ему добраться до минеральных ванн.

– Отмокай, отдыхай. Ты неплохо поработал.

Он лгал. Кой черт неплохо! Но разве можно требовать

невозможного?

Все равно пора было сделать паузу: еще день-два – и спортсмен набросился бы на своего тренера с первым подвернувшимся под руку камнем.

Минеральные ванны, горячая целебная грязь и некоторое увеличение рациона пошли болящему на пользу: опухоль на колене спала. На третий день Иванов уже передвигался самостоятельно, хоть и прихрамывал.

– Завтра продолжим, – сказал ему Эрвин.

– Ты чего? – обиделся Иванов. – Нога же болит!

– Потерпишь.

– Издеваешься, да?

– Издеваться над тобой болото будет, да и надо мной тоже. Учти, лето кончается, скоро погода начнет портиться. Станет довольно прохладно, а мы к тому же пойдем на север. Конечно, холод можно и потерпеть, это наименьшая наша проблема, но зачем добавлять малую проблему к большой?

– Что еще за большая проблема? Трясина?

– Зверье, – сказал Эрвин. – От донных моллюсков до хищных грибов. С некоторыми видами я знаком, а некоторых еще и в глаза не видел. Что ты знаешь о мускулозубых?

– Как?..

– Мускулозубые, – повторил Эрвин. – Один скелет и одно чучело есть в столичном зоомузее. Болотные хищники, перепонки на пальцах. Челюсти длинные, зубы острые, как бритва, и сходятся-расходятся наподобие ножниц. Могут от-

стричь тебе ползадницы, прежде чем ты почувствуешь боль.

– Но тебе они не попадались?

– Нет. Они водятся севернее. Вроде бы. Сведения не очень точны, но я склонен им верить.

– Тогда, может, пойдём на юг?

– Там свои проблемы. Вообще чем теплее, тем больше в природе экологических ниш для всякого зверья и тем меньше наши шансы. Предпочитаю северный маршрут.

Иванов понурился и некоторое время скверно ругался. Немного успокоившись, спросил:

– А что самое худшее на болоте?

– Усталость. Она накапливается, и ты перестаёшь замечать опасность, устаёшь поминутно бояться... и болото это терпит. До тех пор, пока тебе не покажется, что ты дойдёшь. Тогда оно наносит удар. Если мимо – нанесет второй. Только обычно оно не промахивается.

– Ты так говоришь, как будто болото – живое существо, – хмыкнул Иванов.

– Я этого не сказал, – молвил Эрвин, помедлив с ответом. – Скорее нет, чем да, хотя, по правде говоря, это никому не известно. Но тебе лучше считать его живым хотя бы из психологических соображений, понятно?

– Нет.

– Потом поймёшь. Молиться умеешь?

– Да.

– Это хорошо. Некоторым помогает.

– Тебе помогло?

– Мне не надо.

Назавтра Эрвин, погнав Иванова на гору, занялся снаряжением. Свой шест он нашел еще вполне пригодным, а для напарника выстрогал другой, потратив на это больше времени, чем думал. Остаток дня ушел на обработку обсидиана – следовало вооружить напарника хоть чем-нибудь. Вечером Эрвин наведалься к песчаному пляжику у болота.

Пусто. Добыв трех «зайцев» и наскоро ободрав тушки, Эрвин положил их на прежнее место и крупно начертал на песке: «Кто ты?» Шкурки унес для поделок. Иванов ныл и держался за колено.

– Сколько раз поднялся на гору? – грозно спросил Эрвин.

– Пять...

– Не надо мне врать, я же предупреждал. Не дошло?

– Ну, три...

– Точнее, два. С завтрашнего дня начнем бегать вместе. И в гору, и с горы, и вокруг острова.

– Подгонять меня будешь? – окрылся Иванов.

– Обязательно. Дрыном. Специально для тебя найду дрын с колючками. А кроме того, мне тоже надо тренироваться. Заплыл я тут жирком...

– Ха! Каким же ты был раньше?

– Каким был, таким уже не буду, – отрезал Эрвин. – А буду жилистым, невкусным – и живым.

По-видимому, именно последнее слово подействовало на

Иванова как надо: три дня подряд он стонал, рычал, ругался, отплевывался, обливался потом, но бегал в гору и с горы как заведенный. Дрын получил отставку и полетел в кусты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.